

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

№ 8, 2022

Электронный научный рецензируемый журнал
Основан в 2021 году
Учредитель ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ)
Издатель ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ)
Периодичность 4 раза в год

12 +

Публикация статей в журнале осуществляется по следующим специальностям:

5. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

5.6. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.1. – Отечественная история

5.6.2. – Всеобщая история

5.6.3. – Археология

5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. – История международных отношений и внешней политики

5.9. ФИЛОЛОГИЯ

5.9.1. – Русская литература и литература народов Российской Федерации

5.9.2. – Литература народов мира

5.9.3. – Теория литературы

5.9.5. – Русский язык. Языки народов России

5.9.6. – Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков)

5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам
в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ЭЛ № ФС77–81306 от 30.06.2021

Журнал размещен в НЭБ eLibrary, договор № 163-04/2021 от 27.04.2021

Журнал зарегистрирован как сериальное сетевое издание
в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Сайт журнала: URL: <https://vestnikpshpu.ru/>

Издается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

© ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет», 2022

Главный редактор

*Сарапулов
Алексей Николаевич* кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский
государственный гуманитарно-педагогический университет)

Заместители главного редактора

*Шмуратко
Дмитрий Владимирович* кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет)

*Шустова
Светлана Викторовна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет)

Члены редакционной коллегии

*Аверина
Анна Викторовна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва,
Московский городской педагогический университет)

*Абашева
Марина Петровна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет)

*Абдуллина
Амина Шакирьяновна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Бирск,
Бирский филиал, Башкирский государственный университет)

*Андросова
Светлана Викторовна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск,
Амурский государственный университет)

*Балакин
Сергей Владимирович* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург,
Уральский государственный университет путей сообщения)

*Бакиш
Наталья Александровна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва,
Российский государственный гуманитарный университет)

*Белавин
Андрей Михайлович* доктор исторических наук, профессор
(Россия, г. Пермь, Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет)

*Данилевская
Наталья Васильевна* доктор филологических наук, профессор
(Россия, г. Пермь, Пермский государственный
национальный исследовательский университет)

<i>Забяко Анна Анатольевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)
<i>Егоров Константин Борисович</i>	кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)
<i>Иванов Владимир Александрович</i>	доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Уфа, Башкирский государственный педагогический университет им. Акмуллы)
<i>Ивашкевич Ирина Николаевна</i>	кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)
<i>Костева Виктория Михайловна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный лингвистический университет)
<i>Крыласова Наталья Борисовна</i>	доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник (Россия, г. Пермь, ПФИЦ Уральское отделение РАН, Отдел истории, археологии, этнографии)
<i>Мароши Валерий Владимирович</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)
<i>Подюков Иван Алексеевич</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)
<i>Степанов Валерий Леонидович</i>	доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Москва, Институт экономики РАН)
<i>Тюрк Аттила</i>	Ph.D (History) (Венгрия, г. Будапешт, Институт археологии Католического университета им. Петера Пазманя)
<i>Шипова Ирина Алексеевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет)
<i>Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна</i>	доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)
<i>Юшкова Людмила Анатольевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

HUMANITARIAN STUDIES. HISTORY AND PHILOLOGY

No. 8, 2022

Electronic scientific peer-reviewed journal
Founded in 2021
The founder: Perm State Humanitarian Pedagogical
University
The publisher: Perm State Humanitarian Pedagogical
University
Issued 4 times a year

12 +

The journal publishes articles covering the following fields of knowledge:

5. SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

5.6. HISTORICAL SCIENCES

5.6.1. – Domestic history

5.6.2. – General history

5.6.3. – Archeology

5.6.5. – Historiography, source studies, methods of historical research

5.6.7. – History of international relations and foreign policy

5.9. PHILOLOGY

5.9.1. – Russian literature and Literature of the peoples of the Russian Federation

5.9.2. – Literature of the peoples of the world

5.9.3. – Theory of literature

5.9.5. – Russian language. Languages of the peoples of Russia

5.9.6. – Languages of peoples of foreign countries (indicating a specific language or group of languages)

5.9.8. – Theoretical, applied and comparative linguistics

The articles presented in the journal will be of interest both to the specialists
in these spheres and to a wide range of readers, including students and postgraduates.

The journal is registered with the Federal service for supervision
of communications, information technologies and mass communications.

Certificate of registration of mass media EL № FS77–81306 from 30.06.2021.

The journal is posted in the SEL eLibrary, contract № 163-04/2021 from 27.04.2021

The journal is registered as a serial network publication
in the National ISSN center of the Russian Federation 04.02.2021

The journal's website: URL: <https://vestnikpshpu.ru/>

Published by the decision of the editorial and publishing
Council of Perm State Humanitarian Pedagogical University

Chief Editor

Sarapulov Ph.D. (History), Associate Professor
Aleksei Nikolaevich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Deputy chief editors

Shmuratko Ph.D. (History), Associate Professor
Dmitry Vladimirovich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Shustova Grand Ph.D. (Philology), Professor
Svetlana Viktorovna (Russia, Perm, Perm State National Research University,
Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Editorial team

Averina Grand Ph.D. (Philology), Professor
Anna Viktorovna (Russia, Moscow, Moscow City Pedagogical University)

Abasheva Grand Ph.D. (Philology), Professor
Marina Petrovna (Russia, Perm, Perm State National Research University,
Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Abdullina Grand Ph.D. (Philology), Professor,
Amina Shakiryantovna (Russia, Birsk, Birsk Branch, Bashkir State University)

Androsova Grand Ph.D. (Philology), Professor
Svetlana Viktorovna (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)

Balakin Grand Ph.D. (Philology), Professor
Sergey Vladimirovich (Russia, Yekaterinburg, Ural State Transport University)

Bakshi Grand Ph.D. (Philology), Professor
Nataliia Andrejevna (Russia, Moscow, Russian State Humanitarian University)

Belavin Grand Ph.D. (History), Professor
Andrey Mikhailovich (Russia, Perm, Perm State National Research University)

Danilevskaya Grand Ph.D. (Philology), Professor
Natalia Vasilievna (Russia, Perm, Perm State National Research University)

Ivanov Grand Ph.D. (History), Professor
Vladimir Aleksandrovich (Russia, Ufa, Bashkir State Pedagogical University
named after Akmulla)

<i>Ivashkevich Irina Nikolaevna</i>	Ph.D. (Philology), Associate Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)
<i>Krylasova Natalya Borisovna</i>	Grand Ph.D. (History), Professor, Chief Researcher (Russia, Perm, PFITS Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Department of History, Archeology, Ethnography)
<i>Kosteva Viktoria Mikhailovna</i>	Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow State Linguistic University)
<i>Maroshi Valerii Vladimirovitch</i>	Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University)
<i>Podyukov Ivan Alekseevich</i>	Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)
<i>Stepanov Valery Leonidovich</i>	Grand Ph.D. (History), Professor (Russia, Moscow, Institute of Economics, RAS)
<i>Türk Attila</i>	Ph.D (History) (Hungary, Budapest, Institute of Archaeology Catholic University named after Peter Pazman)
<i>Shipova Irina Alekseevna</i>	Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University)
<i>Nagzibekova Mehrinisso Bozorovna</i>	Grand Ph.D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)
<i>Yushkova Lyudmila Anatolyevna</i>	Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Izhevsk, Udmurt State University)

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 8. С. 7–14.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2022. No. 8. P. 7-14.

Научная статья

УДК 94(519):325.1

doi: 10.24412/2713-0231-2022-8-7-14

РАЗРЕШЕНИЕ ВОПРОСА О КОРЕЙСКОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКО-КОРЕЙСКИХ СОГЛАШЕНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Евгений Сергеевич Бурдин

Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, Хабаровск, Россия,

burdin-1955@mail.ru

Аннотация. В 1886 г. Российская империя и Корея приступили к переговорам о заключении договора о приграничных сношениях с целью создания механизма регулирования сухопутной торговли и трансграничной миграции. Из-за давления третьих стран, опасавшихся расширения российского влияния на Корейском полуострове, переговорный процесс протекал медленно. Вопрос о правовом статусе корейских переселенцев в России имел на переговорах не первостепенное значение и обсуждался в числе прочих тем. Петербург настаивал на признании российскими подданными всех корейских мигрантов, переселившихся на Дальний Восток России до установления официальных российско-корейских отношений в 1884 г. Соглашаясь в целом с указанной позицией, правительство Кореи, однако, отказывалось вносить в текст соглашения статью, в которой оно официально отрекалось бы от своих бывших подданных. После длительных обсуждений стороны согласились не включать данное положение в итоговый договор, но договорились обменяться после его подписания дипломатическими нотами, где, помимо прочего, была бы отражена позиция властей Кореи по проблеме её бывших подданных в России. Однако по вине корейской стороны обмен этими документами так и не состоялся. На основе анализа работ по истории российско-корейских отношений автор освещает ход переговоров, раскрывает содержание основных разногласий между их участниками и приходит к выводу о том, что основные трудности на пути к заключению соглашения о приграничных сношениях между Россией и Кореей были связаны с неопытностью корейских переговорщиков в международных делах и давлением на них со стороны противников укрепления позиций Петербурга в регионе.

Ключевые слова: Россия, Корея, договор, соглашение, переговоры, мигранты, переселенцы, подданство, подданный, пошлины.

Для цитирования: Бурдин Е.С. Разрешение вопроса о корейской миграции в российско-корейских соглашениях второй половины XIX века // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 8. С. 7–14. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-8-7-14>

Original article

RESOLUTION OF THE ISSUE OF KOREAN MIGRATION IN THE RUSSIAN-KOREAN AGREEMENTS OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Evgeny S. Burdin

Far-East Institute of Management, Branch of RANEPА, Khabarovsk, burdin-1955@mail.ru

Abstract. In 1886 the Russian Empire and Korea began negotiations on concluding an agreement on border relations in order to create a mechanism for regulating overland trade and cross-border migration. Due to the pressure of third countries, who feared the expansion of Russian influence on the Korean Peninsula, the negotiation process proceeded slowly. The question of the legal status of Korean settlers in Russia was not of paramount importance at the talks and was discussed among other topics. St. Petersburg insisted on the recognition as Russian subjects of all Korean migrants who moved to the Russian Far East before the establishment of official Russian-Korean relations in 1884. While generally agreeing with this position, the Korean government, however, refused to include an article in the text of the agreement in which it officially denied from their former subjects. After lengthy discussions, the parties agreed not to include this provision in the final agreement, but agreed to exchange diplomatic notes after signing it, which, among other things, would reflect the position of the Korean authorities on the issue of its former subjects in Russia. However, due to the fault of the Korean side, the exchange of these documents did not take place. Based on the analysis of works on the history of Russian-Korean relations, the author highlights the progress of the negotiations, reveals the content of the main disagreements between their participants and comes to the conclusion that the main difficulties on the way to concluding an agreement on border relations between Russia and Korea were associated with the inexperience of the Korean negotiators in international affairs and pressure on them from opponents of strengthening the position of St. Petersburg in the region.

Keywords: Russia, Korea, treaty, agreement, negotiations, migrants, settlers, citizenship, subject, duties.

For citation: Burdin E.S. Resolution of the issue of korean migration in the russian-korean agreements of the second half of the 19th century. Humanitarian Studies. History and Philology. 2022;8:7-14. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-8-7-14>

Введение

Вопросы регулирования приграничной торговли и трансграничной миграции занимают важное место в отношениях любых сопредельных государств. Россия и Корея, граница между которыми по условиям Пекинского договора 1860 г. была установлена в августе 1861 г., а официальные дипломатические отношения – только 1884 г., длительное время не обсуждали эти темы на межгосударственном уровне. Экономические и культурные контакты между жителями российского Дальнего Востока и корейцами возникали стихийно, а начавшийся в 1864 г. переход корейского населения в Южно-Уссурийский край проходил вопреки запрету правительства Кореи. Подписанный 25 июня 1884 г. Договор между Россией и Кореей, также известный как первый Русско-корейский договор о дружбе и торговле, урегулировал лишь морские торговые связи, но не затрагивал других аспектов международных отношений. Однако слабые позиции Петербурга на Дальнем Востоке не

позволяли эффективно использовать полученные по договору возможности, из-за чего оборот российско-корейской морской торговли оставался незначительным и сильно отставал от объёмов морской торговли между Кореей и Китаем.

В такой ситуации российские власти были заинтересованы в определении условий сухопутной торговли с корейским государством. За счёт её развития царское правительство рассчитывало улучшить продовольственную ситуацию на дальневосточной окраине, где местное сельское хозяйство едва покрывало потребности местного населения и воинских подразделений. С середины 1880-х гг. там только начался процесс формирования хозяйств, способных производить продукцию не только для собственных нужд, но и для реализации на рынке [Заплава 2007: 157].

Наряду с этим в результате Илийского (Кульджинского) кризиса, едва не вызвавшего военный конфликт между Россией и Китаем на рубеже 70-80-х гг. XIX в., царское правительство предприняло ряд мер по увеличению численности русского населения в Южно-Уссурийском крае [Заколотная 2016: 193–204]. По их итогам только с 1883 по 1885 гг. на юг Приморья за казённый счёт переселились 4698 человек, а за счёт собственных средств в 1884-85 гг. туда переехали 1168 русских колонистов [Кабузан 1976: 92]. Существенный рост численности русского населения в Уссурийском крае в тот период требовал принятия мер, которые остановили бы неконтрольный наплыв мигрантов из Кореи на Дальний Восток [Пак, Бугай 2004: 49]. В этой связи К.И. Вебер, назначенный в апреле 1885 г. поверенным в делах и Генеральным консулом Российской империи в Корее, после прибытия в сентябре в корейскую столицу сразу приступил к разработке проекта «Правил для сухопутной торговли». В отношении проблемы корейских мигрантов инструкция российского МИД предписывала дипломату добиться признания русскими подданными всех переселенцев, осевших в России до подписания договора 1884 г. [АВПРИ. Ф. «Китайский стол». Д. 3. Л. 36-37].

Основная часть

Следует отметить, что в отечественной научной литературе по истории корейской миграции в XIX в. недостаточно освещён вопрос о том, как представители внешнеполитических ведомств двух стран на переговорах о подписании договора о приграничных сношениях пытались решить проблему подданства корейцев, переселившихся в русские пределы. Так, в классических работах Б.Д. Пака и А.И. Петрова представлен богатый фактологический материал о различных аспектах переселения, хозяйственной и культурной деятельности корейцев на российском Дальнем Востоке. Однако ход дискуссий и сущность противоречий, возникших между К.И. Вебером и руководством коллегии иностранных дел Кореи относительно правового статуса корейцев в России, представлены в общих чертах. Авторы рассматривают преимущественно положения итогового устного (джентельменского) соглашения, на основе которого Приамурское генерал-губернаторство впоследствии выработало свой подход к урегулированию корейского вопроса.

На наш взгляд, труды по истории политики России в Корее за авторством Б.Д. Пака и Б.Б. Пак позволяют получить более полное представление о позициях сторон на переговорах, а также мотивах, побудивших Сеул уклониться от включения ряда предложенных Петербургом формулировок в конечную версию договора. Представленные там сведения дают возможность понять причину возникновения противоречий по вопросу статуса корейских переселенцев в

России, а также оценить степень влияния третьих стран на переговорный процесс. Стартовавшие в 1886 г. переговоры протекали медленно. Корейское правительство неоднократно уклонялось от обсуждения проекта соглашения из-за давления Англии и Германии, которых не устраивала возможность установления 5-процентной пошлины на товары при сухопутной торговле на российско-корейской границе. Китай, начавший постепенно утрачивать своё многовековое влияние на Чосон, также противился обсуждению вопроса открытия на Северо-Востоке Кореи торгового пункта, ориентированного на Россию [Пак 2013: 87–88]. Помимо этого, в результате интриг американского посланника в г. Сеуле Д. Фулка возникли противоречия относительно условий установления 50-верстной полосы свободной и беспошлинной торговли по обе стороны границы. Дипломат убеждал корейский двор в том, что появление такой торговой зоны в перспективе якобы приведёт к перенесению российской границы вглубь Кореи и установлению контроля Петербурга над территорией между Сибирью и г. Пхеньяном [Пак 2004: 174]. Таким образом, преследуя собственные интересы, перечисленные страны противодействовали подписанию соглашения о сухопутной торговле между Россией и Кореей, запугивая корейский двор якобы существовавшей «русской угрозой» [Денисов 2009: 4].

К обсуждению прочих вопросов, в том числе и проблемы статуса корейских мигрантов в России, дипломаты приступили только в январе 1887 г. На данном этапе переговоров Ким Юн Сик демонстрировал убеждённость в том, что Петербург якобы покровительствует переселению корейцев на российскую территорию. Корейский дипломат потребовал, чтобы все подданные Кореи, перешедшие границу с Россией без билетов, удостоверяющих личность, были задержаны и переданы корейским властям для назначения им наказания. Получив согласие на это российского консула, Ким Юн Сик засомневался в намерении России добросовестно и в полной мере исполнять эту договорённость [Пак 2013: 90]. Свои сомнения он аргументировал тем, что в параграфе 5 российского проекта соглашения содержалось положение о том, что корейцы, осевшие в России до заключения договора 1884 г. и принявшие присягу, будут пользоваться в России и Корее одинаковыми правами с другими русскими подданными [Пак 2004: 176].

Наряду с этим Ким Юн Сик настаивал на закреплении за Сеулом права вызова из России корейских подданных, переселившихся туда до подписания договора 1884 г., а также включения в текст соглашения положения о возможности назначения в Россию (г. Владивосток) консула Кореи для защиты интересов обосновавшихся там корейцев, которые должны подлежать юрисдикции корейского правительства. [Пак 2013: 91]. Однако под давлением аргументом К. И. Вебера корейский сановник был вынужден отказаться от перечисленных требований [там же]. С учётом возникших сложностей, К. И. Вебер подготовил новый проект «Правил для сухопутной торговли» и отправил его в г. Петербург на согласование в МИД. В сопроводительном письме пояснялось, что главным препятствием к заключению договора являлись разногласия относительно размера торговых пошлин и подданства корейцев, переселившихся на российский Дальний Восток до 1884 г. В частности, Ким Юн Сик настаивал на том, чтобы корейский скот, идущий на продажу в Россию, также облагался пошлинами, а сборы с импортируемых в Корею русских товаров могли быть повышены с 5 % до 7 %, при условии согласия китайского правительства увеличить до такого же размера пошлины на предметы сухопутной торговли с Кореей [Пак 2013: 91].

Относительно вопроса статуса корейцев в России Ким Юн Сик в целом соглашался с предложенной Вебером формулировкой о том, что все корейские мигранты, осевшие в нашей стране до 1884 г. и принявшие российское подданство, будут пользоваться и в России, и в Корее правами наравне с другими российскими подданными. Но при этом корейский сановник избегал включения соответствующей статьи в текст итогового документа, ссылаясь на то, что открытое отречение корейского правительства от своих подданных якобы могло произвести дурное впечатление на остальное население страны, которое не разбиралось в международных делах. Сообщив о намерении ознакомить своё руководство с позицией Петербурга, он предложил внести в соответствующую статью корректировку, согласно которой и русские подданные в Корее, и корейские подданные в России должны были иметь право при желании вернуться на родину, а власти страны пребывания обязывались предоставлять им паспорта [Пак 2013: 91–92].

В инструкции из МИД К. И. Веберу было дано указание сосредоточиться на решении наиболее важных вопросов, в частности, на установлении вывозного тарифа, не превышающего 5 %. В этой связи российский дипломат был вынужден пойти на компромисс. В результате К.И. Вебер и Ким Юн Сик в апреле 1887 г. договорились ограничиться внесением в текст «Правил» положения о праве русских и корейских подданных на свободное возвращение на родину по собственному желанию, а также об установлении таможенной пошлины на русские товары в размере 5 % от их стоимости. Но вместе с тем дипломаты условились, что коллегия иностранных дел Кореи вручит К.И. Веберу копию циркуляра пограничным властям провинции Хамгёndo о том, что осевшие в России до подписания договора 1884 г. и принявшие российское подданство корейцы будут пользоваться в обеих странах всеми правами, предусмотренными для русских подданных [Пак 2004: 51]. Российский консул со своей стороны обещал вручить представителям Кореи официальное уведомление о согласии Петербурга на увеличение пошлин на товары, но не выше, чем до 7 % от их цены [Пак 2013: 92]. В исполнение указанных договорённостей К.И. Вебер 6 августа 1888 г. направил новому президенту коллегии иностранных дел Кореи Чо Бён Сику письмо о согласии российского правительства удовлетворить требование корейцев о повышении таможенных сборов. Получив копию данного официального распоряжения, корейский дипломат направил К.И. Веберу копию предписания правительства Кореи пограничным властям о порядке действий относительно корейских переселенцев. Однако содержание данного документа не удовлетворило российского дипломата, поскольку вопреки первоначальной договорённости, корейское правительство включило в текст положение о том, что русско-подданные корейцы имеют право в любое время вернуться на родину и вновь принять подданство Кореи. Поэтому К.И. Вебер отказался подписывать договор до тех пор, пока из предписания не будет исключена эта фраза [АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 2. Л. 131–134].

Чо Бён Сик утром 8 августа 1888 г. согласился убрать указанную норму, но, ссылаясь на то, что ему требуется время для доклада по данному вопросу вану (королю) Коджону, попросил К. И. Вебера не откладывать подписание конвенции. Поскольку Чо Бён Сик к тому времени уже был назначен губернатором приграничной с Россией провинции Хамгёndo, представитель России резонно опасался, что с вступлением в должность нового президента корейской коллегии иностранных дел переговоры вновь могут затянуться на неопределённое

время. С учётом этого, К.И. Вебер удовлетворил просьбу корейской стороны. Таким образом, после длительных переговоров «Правила о пограничных сношениях и торговле на Тумэнь Цзяне, заключенные между Россией и Кореей в Сеуле 8 августа 1888 г.» всё же были подписаны [Описание Кореи. Сокращ. Переизд. 1960: 527–532]. Однако взаимный обмен официальными документами относительно пошлин и статуса корейцев в России был отложен из-за позиции корейской стороны [Пак 2013: 94].

После заключения договора К.И. Вебер неоднократно предпринимал попытки добиться от правительства Кореи обмена указанными бумагами. Не получив отклика у корейских чиновников, он обратился в МИД России с просьбой дать инструкции о дальнейших шагах и о том, следует ли продолжать эти притязания. Получив ответ из Петербурга, в котором посланнику предлагалось проявить большую настойчивость в деле защиты национальных интересов, тот вновь обратился к руководству Чосон. Корейские сановники, однако, продолжили прежнюю тактику: не отказываясь от достигнутых перед подписанием соглашения договорённостей, они под различными предлогами уклонялись от отправки необходимых документов.

Ввиду этого, в очередном донесении в Петербург К.И. Вебер предложил прекратить дальнейшие попытки получить от Сеула копию предписания пограничным властям, не отказываясь при этом от исполнения устных договорённостей относительно статуса корейских мигрантов в России. Заслуживают внимания аргументы, приведённые российским дипломатом в пользу такой позиции. Во-первых, нежелание корейского правительства отказываться от своих подданных представлялось К.И. Веберу вполне естественным и заслуживающим уважения. Во-вторых, в Сеуле, по его мнению, осознали необходимость смириться с фактом исхода части жителей северных районов в Россию, поскольку он произошёл из-за плохой социально-экономической ситуации внутри Кореи, то есть по вине самих корейских властей. В-третьих, поверенный справедливо указывал на то, что чрезмерное покровительство русско-подданным корейцам, вернувшимся на историческую родину, будет служить поводом к постоянным недоразумениям с правительством Кореи [Пак 2013: 97]. К тому же К.И. Вебер отметил, что в момент подготовки вышеизложенного донесения президент коллегии иностранных дел Кореи передал ему личную просьбу вана Коджона не настаивать на вручении документа о переселенцах. Король всерьёз опасался, что народ его страны не сможет уяснить причину отречения от бывших подданных, из-за чего могут возникнуть различные недоразумения. Российский дипломат согласился довести просьбу вана до МИД России, но подчеркнул, что принятие некоторыми корейцами русского подданства – уже свершившийся факт, и они продолжат пользоваться в Корее всеми правами наравне с другими российскими подданными [Пак 2013: 97–98].

Хотя обмен официальными нотами относительно статуса корейцев в России и установления размера пошлин так и не состоялся, подписание Русско-корейского договора о сухопутной торговле было встречено в обеих странах с большим удовлетворением. Относительно вопроса подданства корейцев в России было достигнуто устное соглашение о том, что все корейские переселенцы, осевшие на российской территории до заключения русско-корейского договора 1884 г., будут пользоваться всеми правами российских подданных. В то же время за ними сохранялось право при желании вернуться на родину [АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 2. Л. 217–220].

Заключение

Подписание Русско-корейского договора о сухопутной торговле заложило основу для оформления правового положения корейских мигрантов в России. Представляется, что вопрос о статусе переселенцев имел на переговорах второстепенное значение и выступал предметом дипломатического «торга», посредством которого корейская сторона пыталась добиться установления 7-процентной пошлины на российские товары, импортируемые в Корею. Нежелание правительства вана вносить в итоговый текст договора статью, где оно официально отказалось бы от своих бывших подданных проистекало из недостаточного опыта корейских чиновников во внешней политике и возникавшего на этой почве недоверия и опасений по поводу возможных последствий [АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 2. Л. 129-130.]. Корея де-факто находилась в международной изоляции с XVII в. и только в 1876 г. была вынуждена прекратить политику «закрытия страны», подписав под давлением Токио свой первый неравноправный международный договор с Японией [Курбанов 2018: 321]. Важную роль в ходе переговоров также сыграло давление на корейское руководство со стороны недоброжелателей из числа представителей иностранных государств, которые противились развитию российско-корейских связей и распространяли слухи о экспансионистских планах России в отношении Кореи.

Список источников

1. Проект секретной инструкции ст. сов. Веберу. Гатчино, 25 апреля (7 мая) 1885 г. // АВПРИ. Ф. «Китайский стол». Д. 3. Л. 36–37.
2. Донесение Поверенного в делах в Корею К. Вебера статс-секретарю Н. К. Гирсу. Сеул. 13 августа 1888 г., № 48 // АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 2. Л. 129–130.
3. Приложение к донесению Поверенного в делах в Корею К. Вебера статс-секретарю Н. К. Гирсу. Сеул. 13 августа 1888 г., № 48 // АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 2. Л. 131–134.
4. Всеподданнейший доклад министра иностранных дел. Гатчино, 23 ноября 1888 г. // АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 2. Л. 217–220.

Список литературы

1. Денисов В.И. Россия-Корея: дипломатическим отношениям 125 лет // Вестник МГИМО Университета. 2009. № 5(8). С. 21–31.
2. Заколотная А.С. Проекты заселения Южно-Уссурийского края и их реализация (1880-1887 гг.) // Россия и АТР. 2016. № 4 (94). С. 192–205.
3. Заплава Е.А. Особенности развития сельского хозяйства на Дальнем Востоке России во второй половине XIX века // Амурский научный вестник. 2007. № 1. С. 156–161.
4. Кабузан В.М. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII–начало XX века). Хабаровск: Книжное издательство изд-во, 1976. 200 с.
5. Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI века: монография. 3-е изд., испр. СПб.: Изд-во «Санкт-Петербургский университет», 2018. 744 с.
6. Описание Кореи. Сокр. переизд. М.: Издательство восточной литературы, 1960. 662 с.
7. Пак Б.Б. Российский дипломат К. И. Вебер и Корея: монография. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. 400 с.
8. Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи / Издание второе, исправленное: монография. Иркутск: Изд-во «Иркутский государственный педагогический институт», 1994. 238 с.
9. Пак Б.Д. Россия и Корея. 2 изд., доп. М.: Институт востоковедения РАН, 2004. 519 с.

10. Пак Б.Д., Бугай Н.Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М.: Институт востоковедения РАН, 2004. 464 с.

11. Петров А. И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60-19-е годы XIX века: монография. М.: ДВО РАН, Владивосток, 2000. 304 с.

References

1. Denisov V.I. Rossiya-Koreya: diplomaticheskimi otnosheniyam 125 let [Russia-Korea: 125 years of diplomatic relations]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. 2009, no. 5(8), pp. 21-31. (In Russ.).

2. Zakolodnaya A.S. Proekty zaseleniya Yuzhno-Ussuriiskogo kraya i ikh realizatsiya (1880-1887 gg.) [Settlement projects of the South Ussuri region and their implementation (1880-1887)]. *Rossiya i ATR*. 2016, no. 4 (94), pp. 192-205. (In Russ.).

3. Zaplava E.A. Osobennosti razvitiya sel'skogo khozyaistva na Dal'nem Vostoke Rossii vo vtoroi polovine XIX veka [Features of the development of agriculture in the Far East of Russia in the second half of the XIX century]. *Amurskii nauchnyi vestnik*. 2007, no. 1, pp. 156-161. (In Russ.).

4. Kabuzan V.M. Kak zaselyalsya Dal'nii Vostok (vtoraya polovina XVII-nachalo XX veka) [How the Far East was Settled (Second Half of the 17th – Early 20th Centuries)]. Khabarovsk, Kn. izd-vo, 1976, 200 p. (In Russ.).

5. Kurbanov S.O. Istoriya Korei: s drevnosti do nachala XXI veka [History of Korea: from antiquity to the beginning of the 21st century]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2018, 744 p. (In Russ.).

6. Opisanie Korei. Sokrash. pereizd. [Description of Korea. Abridged reissue]. Moscow, 1960, 662 p. (In Russ.).

7. Pak B.B. Rossiiskii diplomat K. I. Veber i Koreya [Russian diplomat K. I. Weber and Korea]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN, 2013, 400 p. (In Russ.).

8. Pak B.D. Koreitsy v Rossiiskoi imperii [Koreans in the Russian Empire]. Irkutsk, Irkutskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, 1994, 238 p. (In Russ.).

9. Pak B.D. Rossiya i Koreya [Russia and Korea]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN, 2004, 519 p. (In Russ.).

10. Pak B.D., Bugai N.F. 140 let v Rossii. Ocherk istorii rossiiskikh koreitsev [140 years in Russia. Essay on the history of Russian Koreans]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN, 2004, 464 p. (In Russ.).

11. Petrov A. I. Koreiskaya diaspora na Dal'nem Vostoke Rossii. 60-19-е годы XIX veka [Korean Diaspora in the Russian Far East. 60-19th years of the XIX century]. Moscow, DVO RAN, Vladivostok, 2000, 304 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е.С. Бурдин – аспирант,

Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС.

Information about the author

E.S. Burdin – Post-graduate Student,

Far-East Institute of Management, Branch of RANEPA.

Статья поступила в редакцию 29.06.2022; одобрена после рецензирования 26.07.2022; принята к публикации 25.08.2022.

The article was submitted 29.06.2022; approved after reviewing 26.07.2022; accepted for publication 25.08.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 8. С. 15–28.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2022. No. 8. P. 15-28.

Научная статья

УДК 930

doi: 10.24412/2713-0231-2022-8-15-28

О ЛИЧНОСТИ И РЕЛИГИОЗНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУФИЙСКОГО АВЛИЯ (ШЕЙХА) ВАЛИЙЮЛЛАХА БАТАЛ-ХАДЖИ БЕЛХАРОВЕВА: КОММЕНТАРИИ К НАУЧНЫМ СТАТЬЯМ Э.В. КАЗИЕВА (РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ИСТОЧНИКАМИ И ИСТОРИОГРАФИЕЙ)

Хаджимурад Уматгиреевич Белхароев

Институт мировой экономики и бизнеса РУДН, Москва, Россия, x101010x@yandex.ru

Аннотация. Историю пишут личности, своими делами и поступками, такой личностью на Северном Кавказе являлся Батал-Хаджи Белхароев. В любом цивилизованном обществе, историческому наследию уделяется особое внимание «прошлое – это отражение будущего, без прошлого, нет будущего». Изучив и проанализировав внушительный по объему материал Э.В. Казиев, показал точку зрения многих ученых, которые изучали жизненный путь Батал-Хаджи. Раскрыв ранее неизвестные факты, он задал тон новым направлениям в исследовании наследия Батал-Хаджи. Большой интерес представляют выводы автора, он сумел показать свое независимое мнение и объективно его передать, в духе порядочности и толерантности. Порядочные люди всегда определяют вектор развития общества, думаю, что у Э.В. Казиева большое научное и общественное будущее. В данном исследовании, кроме изучения научных работ Э.В. Казиева, рассматриваются ранее не опубликованные материалы об общественной и религиозной деятельности Батал-Хаджи Белхароева. Особый интерес вызывает описание личной встречи Батал-Хаджи с членом Королевского географического общества Джоном Фрейдериком Бэддли, которая состоялась 8 октября 1901 года, встреча детально изложена в научном труде Д.Ф. Бяддли «По суровым склонам Кавказа» – на английском языке. Раскрыты, некоторые детали посещения Батал-Хаджи, генерал-майора М.А. Кундухова. Описаны его военные заслуги, взаимоотношения с Имамом Шамилем. Выяснено, что в первую ссылку его направили на остров Чечень (в Каспийском море). Описаны дружеские взаимоотношения с П.И. Гайдуковым, которые зародились после того, как Батал-Хаджи вылечил его дочь. Бесценным фактом человеческой гуманности является то, что П.И. Гайдуков пытался с помощью Батал-Хаджи вылечить наследника царского престола, которому помешал Г.Е. Распутин. На основе изучения огромного количества источников, рекомендовано исследователям, занимающимся краеведением, кропотливо собирать правдивые и достоверные факты, анализировать и сопоставлять их, когда они описывают жизненный путь великих людей. При исследовании ранее изданных трудов, необходимо логически проанализировать, а мог он так поступить или нет, тогда ссылки на некорректный материал исчезнут. Описание деятельности святого человека, очень трудная задача, их жизненный путь не всем понятен, некоторые кощунственно будут насмехаться, тем не менее, это наша история.

Ключевые слова: Авлия, дар, вирд, дружба, братство, брат, ссылка.

Для цитирования: Белхароев Х.У. О личности и религиозной деятельности Суфийского Авлия (Шейха) Валийюллаха Батал-Хаджи Белхароева: комментарии к научным статьям Э.В. Казиева (размышления над источниками и историографией) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 8. С. 15–28. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-8-15-28>

Original article

**ABOUT THE PERSONALITY AND RELIGIOUS ACTIVITY
OF THE SUFI AWLIYA (SHEIKH) VALIYULLAH BATAL-HAJI
BELKHAROEV: COMMENTS ON SCIENTIFIC ARTICLES BY E.V.
KAZIEV (REFLECTIONS ON SOURCES AND HISTORIOGRAPHY)**

Khadzhimurad U. Belkharoev

Institute of World Economy and Business RUDN University, Moscow, Russia,
x101010x@yandex.ru

Abstract. History is written by individuals, by their deeds and deeds, such a person in the North Caucasus was Batal-Hadji Belkharoev. In any civilized society, special attention is paid to historical heritage: "the past is a reflection of the future, without the past, there is no future." Having studied and analyzed the impressive volume of material by E.V. Kaziyev, he showed the point of view of many scientists who studied the life path of Batal Hadji. Having revealed previously unknown facts, he set the tone for new directions in the study of the Batal-Hadji legacy. The author's conclusions are of great interest, he managed to show his independent opinion and objectively convey it, in the spirit of decency and tolerance. Decent people always determine the vector of development of society, I think that E.V. Kaziev has a great scientific and social future. In this study, in addition to studying the scientific works of E.V. Kaziyev, previously unpublished materials on the social and religious activities of Batal-Hadji Belkharoev are considered. Of particular interest is the description of Batal-Hadji's personal meeting with a member of the Royal Geographical Society, John Frederick Baddeley, which took place on October 8, 1901, the meeting is described in detail in D.F. Baddeley's scientific work "On the harsh slopes of the Caucasus" – in English. Some details of the visit of Batal Hadji, Major General M.A. Kundukhov, have been revealed. His military achievements and his relationship with Imam Shamil are described. It was found out that in his first exile he was sent to the island of Chechnya (in the Caspian Sea). Friendly relations with P.I. Gaidukov, which originated after Batal-Hadji cured his daughter, are described. An invaluable fact of human humanity is that P.I. Gaidukov tried with the help of Batal-Hadji to cure the heir to the royal throne, who was prevented by G.E. Rasputin. Based on the study of a huge number of sources, it is recommended that researchers engaged in local history painstakingly collect truthful and reliable facts, analyze and compare them when they describe the life path of great people. When researching previously published works, it is necessary to logically analyze whether he could have done so or not, then links to incorrect material will disappear. The description of the holy man's activity is a very difficult task, their life path is not clear to everyone, some will scoff blasphemously, nevertheless, this is our story.

Keywords: Avlia, gift, vird, friendship, brotherhood, brother, link.

For citation: Belkharoev Kh. U. About the personality and religious activity of the Sufi Awliya (Sheikh) Valiyullah Batal-Haji Belkharoev: comments on scientific articles by E.V. Kaziev (reflections on sources and historiography). Humanitarian Studies. History and Philology. 2022;8:15-28. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-8-15-28>

Введение

В первую очередь хочу выразить свою признательность Э.В. Казиеву за проделанную работу и проявленный интерес к моему прадеду Белхароеву Батал-Хаджи Анарбековичу! Бескорыстное описание и издание в журналах: «Этнографическое обозрение» [Казиев 2018] и «Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова» [Казиев 2017] двух научных статей, научным сотрудником Института истории и археологии РСО-Алания, дорогого стоит.

В своем исследовании автор собрал, изучил и систематизировал внушительный по объему материал [Албогачиева 2007, 2011; Ахмадов 2002; Борусевич 1893; Дубровин 1871; Казиев 2014; Лысцева 2015; Матиев 2011; Сулейманов 1978; Шнирельман 2006; Baddeley 1940; Meskhidze 2006], по тексту имеются ссылки на первоисточники, всех описываемых исторических событий.

На снимке Батал-Хаджи Белхароев.
Автор фото: Д.Ф. Бэддли (8.10.1901 г.).

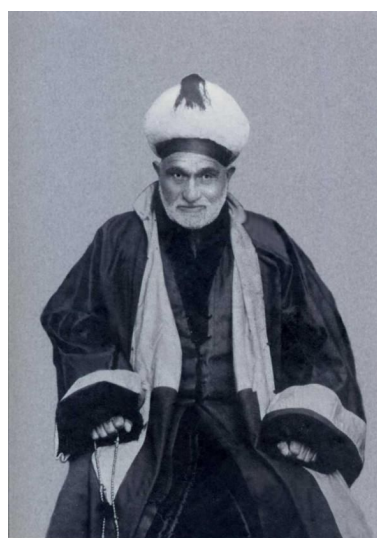

Фото из семейного архива.

Встреча Батал-Хаджи и Д.Ф. Бэддли

В исследовании особый интерес вызывает описание личной встречи Батал-Хаджи¹ и Джона Фрейдерика Бэддли², которая произошла 8 октября 1901 года. Об этой встрече и беседе, нашей семье было известно с тех пор, как эта встреча состоялась, были сведения о том, что Д.Ф. Бэддли описал эту встречу и издал на бумажном носителе. Батал-Хаджи часто посещал могилы своих предков, которые захоронены с. Сомяхач (Семигоч), оно находилось практически у подножия гор, чтобы туда добраться, нужно было пересекать села Галашки и Мужичи. В этих и других селах у него было много родственников и друзей, люди узнавая, что он в селе или проезжает, всегда его встречали и подолгу с ним общались, если он заходил в гости, чтобы помолиться и отдохнуть к кому либо, в этом доме собирались старейшины села, общение затягивалось.

Особенно часто он останавливался у своих друзей, в Верхнем Алкуне у Опиева Сарали-Хаджи, а в Мужичи у Котиева Мейли-Хаджи.

¹ Белхароев Батал-Хаджи Анарбекович (1824–1914) – вайнахский религиозный деятель XIX – начала XX века. Авлия. Суфийский Шейх (кадирийского тариката).

² Джон Фредерик Баддели (1854-1940) – английский путешественник, кавказовед, ученый и журналист. Член Королевского географического общества (1902–1940).

Рождение

Он сам родился в этих краях с. Сомяхач, позже жил в с. Дятахь (Датых), далее в с. Ачхой-Мартан и оттуда переехал жить в с. Сурхахи. Дата рождения Батал-Хаджи – по Хиджре: 25 Зуль-када 1239... аль-Арбия (в ночь со среды на четверг), ушел в мир иной 25 Зуль-када 1332 ... аль-Арбия (в ночь со среды на четверг). Дата рождения по Григорианскому календарю: в ночь (со среды на четверг) с 21-22 июля 1824 г. – ушел в мир иной 14 октября 1914 г. в ночь (со среды на четверг). 25 октября 1914 г. (в воскресенье), произошло захоронение в селении Сурхахи, на похоронах присутствовали представители со всего Северного Кавказа. Отец Анарбек и мать Разейт (Зеди, Забия), мать умерла рано, приблизительно в возрасте 6–7 лет он осиротел.

Комментарии к научной статье [Казиев 2018: 89–99]:

1. Автор выдвигает версию о том, что при встрече Батал-Хаджи и Д. Бэдли, последнего сопровождал не балкарский князь Урусбиев, а старшина осетинского селения Саниба, «друг Таги» Урусби Фидаров, а также племянник Урусби Ислам [Казиев 2018: 90]. Исследовав работу Д.И. Месхидзе, автор приходит к выводу о том, что остается неясным, о каком «балкарском князе Урусбиеве» вообще идет речь [Казиев 2018: 89–90]. Наша семья дружила с княжеским родом Урусбиевых, ездили в гости друг к другу. Из семейных источников, которые нам всегда передаются старейшинами, именно балкарский князь Урусбиев посоветовал Д.Ф. Бэдли, при посещении наших краев обязательно встретится с Батал-Хаджи. Версию о том, что при встрече Д.Ф. Бэдли с Батал-Хаджи с ним был балкарский князь Урусбиев или Урусби Фидаров не могу опровергнуть или подтвердить, возможно, ответ найдем у их потомков. Встречи и беседы с таким человеком, бесследно не забываются, тем более на Кавказе, они пересказываются из поколения в поколение, это история семьи. Если там был Урусби Фидаров, значит у нас, в Осетии появляются (старые/новые) друзья, что само по себе очень хорошо.

2. Исследовав работу М.С-Г. Албогачиевой, автор излагает, что по непосредственному поручению Шейха Кунта-Хаджи Кишиева, Батал-Хаджи возглавил один из вирдов (суфийское течение в Исламе) и о том, что он по непосредственному указанию шейха Кунта-Хаджи поселился в селении Сурхахи [Казиев 2018: 90].

С этим не могу согласиться:

По Исламу на свете было 124000 Пророков, такое же количество Авлия. Пророкам и Авлия милость и познания (дар) дает Всевышний Аллах. Кунта-Хаджи и Батал-Хаджи – являются Авлия, и только Всевышний Аллах определяет судьбу своих посланников, что поручать и указывать. Кунта-Хаджи никогда никому не указывал, он был настоящим аскетом, ни на какие мирские богатства не обращал внимание. При исследовании жизненного пути праведников, необходимо досконально изучать, сопоставлять и подвергать глубокому анализу собранный материал, прежде чем его публиковать – авторское мнение, бесспорно требуется сопоставлять с личностью (это допустимо или нет), ни в коем случае нельзя пользоваться материалом сомнительного характера, приписывать свое мнение и догадки. Батал-Хаджи был последователем Кунта-Хаджи, а проповедовал то, чем его наделил Всевышний Аллах. Обратившись к своим последователям, он сказал, как Вы любите своего Авлия (то есть себя), так и я люблю своего Авлия Кунта-Хаджи. По вопросу поселения в селении Сурхахи. Когда Батал-Хаджи был мальчиком, один мужчина из тейпа Белхароевых стал виновником смерти человека из тейпа Полонкочевых. К счастью Белхароевых, Полонкочевы простили эту кровь, при примирении кровников тогда существовал древний обычай, чтобы ни у кого не было соблазна

тайно кого-то убить, два человека из этих тейпов братались. Пострадавшая сторона имела право выбора с кем брататься. Тейп Полонкоевых указал на Джабота (зная его непростой характер, он был жестким и храбрым человеком).

Мужчины виновного в трагедии тейпа становились в один ряд, а пострадавшие проходили вдоль ряда, пожимая руки кровников и прощая кровь. Джабот не хотел прощать эту кровь, но не мог пойти против решения старейшин, а ему еще указали выбрать брата, он прошелся вдоль ряда, в конце стоял мальчик, сняв с себя шапку, он одел ее на мальчика, это был Батал-Хаджи и сказал вот мой брат. Как показала жизнь, Джабот в брате не ошибся. Джабот Полонкоев жил в с. Сурхахи, Батал-Хаджи, часто посещал своего брата, кроме Джабота у него в Сурхахи жили родственники по материнской линии. В одно из таких посещений, Батал-Хаджи ночевал у своего брата, на рассвете Джамбот вышел во двор, чтобы совершить омовение перед утренним намазом, вся его территория была оцеплена жандармерией и военными. Громким голосом ему крикнули, гостя выдавай, он ответил, у меня никакого гостя нет, что он с семьей один, в голове у него было только одно желание, добраться до ружья, и дать возможность уйти брату. Он стоял как вкопанный, в это время Батал-Хаджи появился в проеме двери и крикнул я Вам нужен, ему ответили нет, нам нужен Батал-Хаджи, он сказал, что это я, и стал спускаться с крыльца держа в руке бумагу, как только он поравнялся с руководителем оцепивших двор вооруженных людей он протянул бумагу, офицер взял документ и внимательно прочитал, извинившись за беспокойство вернул, снял оцепление и увел своих подчиненных.

Джамбот от радости воскликнул, что это за бумага, Батал-Хаджи сказал, что прошлой ночью, когда Вы все спали, он был в гостях у Алхаст Мус (генерал-майор Кундухов Мусса Алхасович), его дом охраняла серьезная охрана, в комнате, где он ночью сидел и работал, находилась черная по цвету собака (крупная как теленок). Батал-Хаджи прошел в его кабинет, никто его не заметил, собака тоже не шевельнулась, от удивления визита незнакомца А.М. Кундухов воскликнул, кто ты?, как ты вошел?, кто тебя пропустил?, Батал-Хаджи ответил, что вошел сам, посторонней помощи в этом не нуждается. А.М. Кундухов обратил внимание на то, что его свирепая собака даже не шелохнулась, тогда он призадумался, так как сам обладал даром предвидения и спросил, что тебе нужно. Батал-Хаджи не торопясь рассказал свою историю о том, что воевал в армии Имама Шамиля, война закончилась, а его преследуют до сих пор. В данное время он сказал, что от тебя мне нужна бумага, по которой преследование в мой адрес будет отменено, и я спокойно смогу поселиться на постоянное место жительства. А.М. Кундухов уйдя в себя, почувствовав сверхъестественную силу своего гостя, взял бумагу написал, отныне он освобожден от всякой ответственности (амнистирован), и предписал всем главам населенных пунктов на подконтрольной ему территории, в котором захочет поселиться предъявитель этого документа – выделить ему земельный участок для постоянного места жительства. Находясь в гостях у Джабота в один из вечеров, Батал-Хаджи стоял во дворе, подняв руки – делал дуа, ночь была темная, луч света освятил противоположную сторону, тогда он сказал, что Всевышний Аллах повелел ему там поселиться. На той стороне проживал тейп Дакиевых, которые с большой радостью приняли его, в те времена они были очень сильным и богатым тейпом. Если кто-то из них собирался на хадж в Мекку, они всегда приходили к Батал-Хаджи и прощались с ним, по возврату из хаджа не шли к себе домой, а приходили к Батал-Хаджи – такое уважение и почтение они оказывали ему. Прекрасными соседями были Албогачиевы и Медовы, да все односельчане его уважали и ценили.

3. Утверждение автора о том, что Орстхойевцы (Карабулаки) рассматривалось в качестве самостоятельной локальной Вайнахской народности [Казиев 2018: 90], имеет под собой основу. В пункте 5 Акта присяги шести ингушских фамилий России от 22 августа 1810 г. Чеченцы и Карабулаки – прописаны как неприязненные Российской империи народы, также в своих научных трудах Карабулаков – как Вайнахскую народность описывали: [Броневский 1823; Услар 1862; Потто 1887; Потапов 1896-1913; Иванов 1904; Волкова 1974] и др. Это утверждение не должно быть фактом раздора (популизма), историю нельзя искажать и переписывать.

4. Автор поясняет, что ко времени своей встречи с Д.Ф. Бэддли, Батал-Хаджи успел побывать абреком, совершить хадж в Мекку и отправиться в свою первую ссылку в Козельск [Казиев 2018: 90]. Абреком, разбойником он не был и быть не мог, но от царской власти скрывался, по причине того, что он воевал в армии Имама Шамиля против колонизации Кавказа. С Имамом Шамилем у него были братские отношения, Шамиль ему подарил саблю с гравировкой Аль-Батал. В ссылке на момент встречи с Д.Ф. Бэддли, он был 2 раза. Про первую ссылку, мало кто знает, она освящена слабо, дата тоже не известна (приблизительно 1840–1850 гг.). Во время кавказской войны, в ссылку отправляли на остров Чечень (в Каспийском море). По его рассказам, его затолкали в ящик, бросили туда соленую рыбу (чтобы он, съев ее, умер от жажды) и заколотили. В таком состоянии его доставили через 2 недели, конвой думал, что он умер, так как не было никаких криков и мольбы о помощи. По прибытию, как только ящик с плавсредства выгрузили на берег, он выбил крышку и выпрыгнул оттуда. Сопровождающие потеряли дар речи от удивления, рыбка тоже осталась нетронутой – это первая ссылка. Вторая – 1892–96 гг. и третья – 1911–1914 гг. эти ссылки известны, они неоднократно историками исследовались. Последние две ссылки он находился в г. Козельск, Калужской губернии. Там в 16.10.1914 г. он ушел в мир иной. По ходатайству купца 2 гильдии Павла Ивановича Гайдукова в кратчайшие сроки было получено разрешение «О перевозке тела на Кавказ», 25.10.1914 г. он захоронен в с. Сурхахи.

В ссылках он был – три раза.

Фото из семейного архива, г. Козельск,
Калужская губерния (1892–1896 гг.)

Фото из семейного архива
(супруга Хади, сын Махмад), г. Козельск,
Калужская губерния (1911–1914 гг.).

П.И. Гайдуков очень хорошо относился к нашей семье, часто приходил к Батал-Хаджи, подолгу беседовал. У него тяжело болела дочь, ее возили в Калугу, Москву и Петроград, медицина была бессильна ей помочь. В один из дней у нас в доме закончилась еда и деньги (остался маленький кусочек сахара), домочадцы стеснялись говорить про отсутствие еды, Батал-Хаджи, тогда он спросил, почему Вы без настроения, ему в полголоса ответили, что кормить детей нечем. Он улыбнулся и сказал, что у Всевышнего Аллаха всего много и улыбнулся. В это время к его дому подъехала телега, привезли дочь П.И. Гайдукова и попросили о помощи «Святой Хаджи помоги девочка умирает, с такой просьбой обратились к нему». Она лежала на телеге, он посмотрел и попросил принести единственный кусочек сахара и оставшуюся воду с Кавказа (несколько глотков осталось), взяв сахар в руки, прочитав молитву, бросив в воду (перемешав), сказал – отдайте девочке, она выздоровеет. Как только девочка выпила эту воду, она сразу встала с телеги и сама пешком пошла домой. Можно представить себе радость родителей этой девочки, которые потеряли всякую надежду на излечение, мы тоже чьи-то дети и родители. С этого момента не прошло много времени, как к нашему двору подъехали подводы, доверху набитые продуктами питания от П.И. Гайдукова.

Вот так зародилась эта искренняя дружба. Выждав определенное количество времени, убедившись, что его дочь окончательно выздоровела, он уехал в Петроград, с намерением предложить через высокопоставленных знакомых помощь в излечении наследника царского престола. Его семейную проблему знали его друзья в Петрограде, так как он практически ко всем ранее обращался за помощью, с просьбой порекомендовать доктора для излечения дочери. По прибытию он с большим воодушевлением рассказывал об излечении своей дочери, и ему удалось через своих знакомых, донести информацию до царской семьи, о том, что в г. Козельск живет высланный с Кавказа святой старик, который сможет вылечить наследника.

По началу царская семья с воодушевлением восприняла эту новость (тем более был пример вылеченной девушки), после того как информация дошла до Г.Е. Распутина он сказал, что нельзя доверять здоровью наследника иноверцу, на этом вопрос был закрыт. П.И. Гайдуков ошарашенный этим ответом вернулся домой в Козельск, придя в гости, к Батал-Хаджи, он рассказал эту историю, тогда ему Батал-Хаджи сказал, что этой семье в скором будущем не будет. По пути домой, он думал и не мог понять, что происходит, одни отказались от лечения, второй говорит, что их скоро не будет. В глубине души он надеялся сделать два добрых дела, вылечить наследника и добиться амнистии для Батал-Хаджи. Ни каких корыстных целей он не преследовал, это был человек чести. Часто к нему приходили священнослужители Введенской Оптиной пустыни¹, военнослужащие и простые люди, которые с ним подолгу общались и советовались, он ни в чем им не отказывал.

5. Утверждение автора о его участии в примирении кровников, сомнений быть не может, он участвовал всегда в примирительных процессах, так как это Богу угодное дело [Казиев 2018: 91].

6. Описанный обряд братания Мейли-Хаджи и Батал-Хаджи [Казиев 2018: 91], у каждого народа свои обычаи, такой обычай имел место быть.

¹ Введенская Оптина пуустынь – ставропигиальный мужской монастырь Русской православной церкви, расположенный недалеко от Козельска Калужской области, в Калужской епархии.

7. Цитата о том, что Батал-хаджинцы «могут дать тебе хлеба или воды, но выбросят все, что останется, собакам, и сами ни в коем случае не примут от тебя ни еды, ни питья; но сам Батал-Хаджи очень гостеприимен, и гостя он принимает хорошо, угощая его даже вином или водкой и сигаретами, хотя сам он, будучи хаджи, не курит и не пьет» [Казиев 2018: 94].

Тут должен пояснить, что некорректно написано в первоисточнике: – люди жили бедно, при возможности ели досыта, учитывая, что все занимались физическим трудом, белковой пищи не хватало. Соответственно он всегда говорил, в гостях себя ведите прилично, ни в коем случае не объедайтесь. Халяльная пища разрешена к употреблению Всевышним Аллахом, никто не имеет права ее запрещать. Запретов на халяльную пищу от него не было (и быть не могло); хлеб – кто осмелится выбросить его собакам; если они не принимали пищу, как они жили?, воздухом питались?

По вопросу угощения вином, водкой и сигаретами – этого не было (и быть не могло). Он Авлия посланник Всевышнего Аллаха, подумайте, как Вы себе представляете, он угощает запрещенным к употреблению продуктом. В Священном Коране в Суре 5 (90-91) «Трапеза» наложен запрет на все, что пьянит (и травит) [Порохова 2018]. Например, после завершения активной фазы Кавказской войны, в одном из сел в наших краях скрывался соратник Батал-Хаджи, которого разыскивали власти, так как он воевал на стороне Имама Шамиля. Балал-Хаджи постоянно его посещал, привозил ему продукты, помогал деньгами.

В очередном посещении, один из домочадцев стоял во дворе и курил махорку, увидев въезжающего во двор Батал-Хаджи, он выбросил самокрутку, подбежал, чтобы поприветствовать гостя, принять уздечку и привязать лошадь. Резким голосом Батал-Хаджи запретил ему приблизиться, из-за того, что он курил, сам спешился, привязал свою лошадь и зашел в дом (данный факт является примером и подтверждением того, как он относился к табакокурению).

После этого случая, переоценив свою жизнь, молодой человек, избавился от всех вредных привычек, изучил исламскую науку, со временем стал Имамом мечети, и часто рассказывал, что благодаря принципиальности Батал-Хаджи он стал путь исправления. Гостей у него было много, некоторых распределяли на ночлег к односельчанам, допуская возможность, что они в рамках своего гостеприимства, угощали приезжих гостей спиртными напитками и табаком. В доме Авлия никогда. В своем исследовании Р.Ш. Албогачиев отмечает, что «Батал-Хаджи проповедовал молитву, зикр, милосердие к бедным, любовь к ближним, необходимость труда и воздержание от спиртных напитков и курения табака» [Албогачиев 2017: 28].

8. По вопросу 40–50 десятин земли и о «широком гостеприимстве» Батала-Хаджи, которое описывал К.И. Борусевич [Казиев 2018: 95]. В нашем селе всю пахотную землю, предварительно разбив на равномерные участки, делили по жребию на 3 года, 40–50 десятин земли там никому не принадлежало. Возможно, автор имел ввиду земельные участки, принадлежавшие его сыновьям, которые жили отдельно (у него было 13 сыновей и 9 дочерей). При обработке земли в ту пору все помогали друг другу, особенно близкие родственники. О широком гостеприимстве, подтверждаю, гость подарок небес.

9. Описанное Д.Ф. Бэддли «наличие у шейха Батала-Хаджи «полезного дара: узнавать заранее о приходе гостя, а также о том, какого рода этот гость – хлопотный или наоборот». Другие сверхъестественные способности, приписываемые шейху и упоминаемые в литературе, – такие, как способность к быстрому перемещению в пространстве, способность быть невидимым, насылать физические страдания на людей, отказавшихся быть его последователями» [Казиев 2018: 95]. Сверхъестественный дар подтверждаю, он Авлия посланник Всевышнего. Никаких физических страданий на людей он не насылал (таких примеров в природе нет), а наоборот лечил и помогал. Свидетельство А. Руновского [Казиев 2018: 95] о даре Имама Шамиля – подтверждаю, дар у него был, это общеизвестный известный факт. Даром обладал генерал-майор Мусса Алхасович Кундухов (Алхаст Мус), про это практически мало кто знает, его личность мало исследована.

Не случайно он похоронен на территории Эрзерумской мечети Харманли (в Османской империи). Его упрекают в том, что он способствовал переселению населения в Османскую империю, на постоянное место жительства, и сам иммигрировал. По моему убеждению, он спас их и тех, которые остались на Кавказе, от неминуемой гибели, договорившись с центральными властями о том, что он переселит население в Османскую империю, он сумел выиграть время, часть населения иммигрировала, часть осталась на исторической родине.

К этому времени, с уменьшением местного населения, повысилась численность переселенцев из центральной России, которых поселяли с целью создания Сунженской оборонительной линии (создавалась поэтапно с 1817 по 1864 гг.), на землях депортированных Карабулаков, линия разделила Чеченцев и Ингушей. Местное население уже не представляло былую угрозу, тогда и поменялся вектор государственной политики. Трагедия, которая произошла с Адыгами и Карабулаками – является явным свидетельством этому. Когда к М.А. Кундухову приезжали делегации с жалобами на религиозную деятельность Батал-Хаджи – зная его лично, он прикидывался выпившим, пинками и тумаками вышвыривал жалобщиков.

10. Полностью разделяю мнение автора «на основании представленных Д.Ф. Бэддли сведений нельзя однозначно утверждать, что Батал-хаджинцы находились со всем остальным ингушским обществом в жестком противостоянии, хотя они и «отличались строгой дисциплиной и воинственностью» [Казиев 2018: 95]. Очень много фактов из жизни Батал-Хаджи, которые никогда не освящались, например, по приглашению Главноначальствующего Кавказской администрацией, Батал-Хаджи посещал Тифлис и общался с ним, в наших краях его называли пол Царя, так как он был наделен особыми полномочиями. В этой поездке он посетил Главу Царского Дома Грузии, прием состоялся во дворце Гегути (недалеко от Кутаиси).

Заключение

Исследователям, занимающимся краеведением необходимо кропотливо собирать правдивые и достоверные факты, анализировать и сопоставлять их, когда они описывают жизненный путь великих людей. По вопросу противостояния обществу, все новое противостоит уже устоявшемуся. Религии, а также религиозные течения в одной религии, в какой-то мере противостоят друг другу, благодаря разуму людей притираются и

сосуществуют. Исторические личности являются достоянием всей нашей огромной страны, поэтому ученые исследуют их наследие. Хочется попросить у исследователей не ссылаться на труды, которые вышли в пору борьбы с религией. К примеру, в г. Грозном жил пропагандист и борец с религией (не хочу писать его фамилию – обижать потомков), когда его прижали и спросили, почему ты неправду пишешь про Батал-Хаджи, он ответил, что даже не читал напечатанное.

Партийные органы ему дают текст, он отдает в редакцию и получает за это деньги, если я откажусь, то будет другой, Вам какая разница, я хоть на этом зарабатываю. При исследовании ранее изданных трудов, необходимо логически проанализировать, а мог он так поступить или нет, тогда ссылки на некорректный материал исчезнут.

Описание деятельности святого человека, очень трудная задача, их жизненный путь не всем понятен, некоторые кощунственно будут насмехаться, тем не менее, это наша история. Практически все, что он предсказал – сбылось (свержение Царя, смерть всей царской семьи, новое государство и его распад, высылка Вайнахов), даже по срокам все совпало. Некоторые пророчества ждут своего времени, поэтому исследователю необходимо иметь внутреннюю самоцензуру, при работе с материалами, освещающими такую личность, прежде чем написать надо много раз подумать и посоветоваться с самим собой. Много из того, что он предсказал – сбылось (свержение Царя, смерть всей царской семьи, новое государство и его распад, высылка Вайнахов, современные конфликты и т.д.), даже по срокам все совпало.

Некоторые пророчества ждут своего времени и последовательности, поэтому исследователю, прежде чем опубликовать свой научный труд, посвященный праведникам, необходимо детально провести контент анализ источников, подумать и посоветоваться с самим собой. В Исламе сказано, что «тот, кто специально приписывает или недоговаривает, праведную жизнь и поступки посланников Аллаха – тот человек будет гореть в аду, до того момента, пока его приписки не сбудутся», поэтому авторам научных трудов про жизненный путь праведников, необходимо убрать свои воображения и писать только правду. В данном случае, к месту слова академика Е.М. Примакова: автору необходимо иметь внутреннюю самоцензуру. В новой России органы государственной власти по достоинству оценили деятельность Батал-Хаджи.

В Республике Ингушетия и Чеченской Республике в память о Батал-Хаджи воздвигнуты Мечети и Медресе: Соборная мечеть им. Шейха-Овлия Батал-Хаджи Белхароева с.п. Сурхахи; Джума-мечеть им. Шейха-Овлия Батал-Хаджи Белхароева с.п. Сурхахи; Медресе им. Шейха-Овлия Батал-Хаджи Белхароева с.п. Сурхахи; Соборная мечеть им. Шейха-Овлия Батал-Хаджи Белхароева с.п. Экажево; Джума-мечеть им. Шейха-Овлия Батал-Хаджи Белхароева с.п. Яндаре; Джума-мечеть им. Шейха-Овлия Батал-Хаджи Белхароева с.п. Средние Ачалуки [Белхароев 2016: 6, 8, 39, 41, 101]. По инициативе Главы Чеченской Республики Р.А. Кадырова построена Соборная мечеть им. Шейха-Овлия Батал-Хаджи Белхароева с.п. Ачхой-Мартан [Белхароев 2016: 7].

Президент Республики Ингушетия М.М. Зязиков 12.09.2007 г. наградил Белхароева Батал-Хаджи Анарбековича за большие заслуги перед ингушским народом и многолетнюю религиозно-просветительскую деятельность высшей наградой республики Ингушетия орденом «За заслуги» посмертно.

Навестить место его захоронения приезжают наши соотечественники, гости из ближнего и дальнего зарубежья. В настоящее время в нашей стране нет никаких предрассудков, притеснений на религиозной и национальной почве. Любой гражданин может избирать и быть избранным, назначенным на любую должность. Выходцы из Северо-Кавказских республик, занимают ключевые должности, в системе законодательной и исполнительной власти нашей страны. Будущее любого государства, подрастающее поколение, поэтому все усилия должны быть направлены на воспитание молодежи. В историческом прошлом, наша страна пережила много потрясений, нам необходимо эволюционное развитие, призывы к революции подрывают суверенитет нашей страны. Родители должны знать, где находятся их дети, следить за тем, чем они занимаются и увлекаются, только так мы будем двигаться вперед. Необходимо беречь и ценить достигнутое предыдущими поколениями, только тогда нас ждет достойное будущее.

Список литературы

1. Казиев Э.В. Шейх Батал-Хаджи Белхароев и его вирд в воспоминаниях английского путешественника и журналиста Д.Ф. Бэддли // Этнографическое обозрение. 2018. № 2. С. 89–99.
2. Казиев Э.В. Д.Ф. Бэддли о Шейхе Батале-Хаджи Белхароеве и его братстве // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2017. № 2. С. 33–37.
3. Албогачиева М.С.-Г. Ингуши в XX в.: этнографические аспекты религиозных практик // Северный Кавказ: традиционное сельское общество – социальные роли, общественное мнение, властные отношения: сборник статей / отв. ред. С.А. Штырков. СПб.: Наука, 2007. С. 75–129.
4. Албогачиева М.С.-Г. О некоторых особенностях братства Батала-Хаджи Белхароева // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. / Российская академия наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); [отв. ред: Ю. К. Чистов, М. А. Рубцова]. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 8–12.
5. Албогачиева М.С.-Г. Хусейн-Хаджи Гарданов – авлия из селения Плиево // Лавровский сборник: материалы XXXIV и XXXV Среднеазиатско-Кавказских чтений 2010-2011 гг.: этнология, история, археология, культурология. СПб., 2011. С. 301–305.
6. Албогачиева М.С.-Г. Особенности совершения зикра в Кадырийском тарикате на Северо-Восточном Кавказе // Лавровский сборник: материалы XXXIV и XXXV Среднеазиатско-Кавказских чтений 2010–2011 гг.: этнология, история, археология, культурология. СПб., 2011. С. 495–500.
7. Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века (Очерки социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). Элиста: АПП «Джангар», 2002. 528 с.
8. Борусевич К.И. Сектанство среди ингушей // Этнографическое обозрение. 1893. № 3. С. 139–145.
9. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб.: Типография уделов, 1871. Т. I. Кн. I. 640 с.
10. Казиев Э.В. Джон Фредерик Бэддли – исследователь России // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. Общественные науки. 2014. № 2. С. 15–19.
11. Казиев Э.В. Д.Ф. Бэддли о разбое и бандитизме на Северном Кавказе // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. Общественные науки. 2015. № 2. С. 32–36.
12. Лысцева И.В. Повседневная жизнь ссыльных горцев центрально-европейской части России на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2015. № 2 (27). С. 30–43.

13. Матиев А.У. Великий шейх Батал-Хаджи // Ислам в России и за ее пределами: история, общество, культура. Сборник материалов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня кончины выдающегося религиозного деятеля шейха Батал-хаджи Белхароева / Отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева. Магас; СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 56–61.
14. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный. Чечено-Ингуш. книж. издат., 1978. 289 с.
15. Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 696 с.
16. Baddeley J. F. The rugged flanks of Caucasus. In II vol. Oxford University Press, London: Humphrey Milford, 1940. Vol. I. – xiv, 272 pp.
17. Baddeley J. F. The rugged flanks of Caucasus. In II vol. Oxford University Press, London: Humphrey Milford, 1940. Vol. II. 263 pp.
18. Meskhidze J. Shaykh Batal Hajji from Surkhokhi: towards the history of Islam in Ingushetia // Central Asian Survey. Vol. 25 (1-2), 2006. P. 179-191.
19. Акт присяги шести ингушских фамилий России от 22 августа 1810 г. [Электронный ресурс] // URL:<https://www.politforums.net/historypages/1467383868.html> (дата обращения: 27.01.2021);
20. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М. 1823. 354 с.
21. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык. Тифлис. 1862. 462 с.;
22. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Том 2-й. Ермоловское время. СПб. Издательство: тип. Е. Евдокимова. 1887. 821 с.
23. Потапов Н.А. Русский биографический словарь: в 25 т. / изд. под наблюдением пред. Импер. Рус. ист. о-ва А.А. Половцова. СПб. Т. 14. 1896-1913. (842 с.) С. 642-643.
24. Иванов М.И. В горах между рр. Фортангой и Аргуном. Записки Кавказского отдела Русского географического общества. Тифлис. 1904. № 1-4 (т. 17). С. 31-68.
25. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. // М., Изд: Наука. 1974. 276 с.
26. Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой // Издательство РИПОЛ классик. М., 2018. 800 с.
27. Албогачиев Р.Ш. Шейх-Овлиа Батал-Хаджи Белхароев // Нальчик. 2017. 463 с.
28. Белхароев А-А.Х. Мечети Республики Ингушетия // АО «ИПК «Грозненский рабочий». 2016. 104 с.

References

1. Kaziev E.V. Sheikh Batal-Khadzhi Belkharoev i ego vird v vospominaniyakh angliiskogo puteshestvennika i zhurnalista D.F. Beddli [Sheikh Batal-Khadzhi Belkharoev and his vird in the memoirs of the English traveler and journalist D.F. Baddley]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2018, no. 2, pp. 89-99. (In Russ.).
2. Kaziev E.V. D.F. Beddli o Sheikhe Batale-Khadzhi Belkharoeve i ego bratstve [D.F. Baddley about Sheikh Batal-Khadji Belkharoev and his brotherhood]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Kosta Levonovicha Khetagurova*. 2017, no. 2, pp. 33-37. (In Russ.).
3. Albogachieva M.S.-G. Ingushi v XX v.: etnograficheskie aspekty religioznykh praktik [Ingush in the 20th century: ethnographic aspects of religious practices]. *Severnyi Kavkaz: traditsionnoe sel'skoe obshchestvo - sotsial'nye roli, obshchestvennoe mnenie, vlastnye otnosheniya: sbornik statei*. Saint Petersburg, Nauka, 2007, pp. 75-129. (In Russ.).

4. Albogachieva M.S.-G. O nekotorykh osobennostyakh bratstva Batala-Khadzhi Belkharoeva [On some features of the brotherhood of Batala-Khadzhi Belkharoev]. *Radlovskii sbornik: nauchnye issledovaniya i muzeinye proekty MAE RAN v 2010 g.* Saint Petersburg, MAE RAN, 2011, pp. 8-12. (In Russ.).

5. Albogachieva M.S.-G. Khusein-Khadzhi Gardanov - avliya iz seleniya Plievo [Hussein-Khadzhi Gardanov - Avliya from the village of Plievo]. *Lavrovskii sbornik: materialy XXXIV i XXXV Sredneaziatsko-Kavkazskikh chtenii 2010-2011 gg.: etnologiya, istoriya, arkheologiya, kul'turologiya.* Saint Petersburg, 2011, pp. 301-305. (In Russ.).

6. Albogachieva M.S.-G. Osobennosti soversheniya zikra v Kadyriiskom tarikate na Severo-Vostochnom Kavkaze [Peculiarities of performing dhikr in the Kadyri tariqat in the North-Eastern Caucasus]. *Lavrovskii sbornik: materialy XXXIV i XXXV Sredneaziatsko-Kavkazskikh chtenii 2010-2011 gg.: etnologiya, istoriya, arkheologiya, kul'turologiya.* Saint Petersburg, 2011, pp. 495-500. (In Russ.).

7. Akhmadov Sh.B. Chechnya i Ingushetiya v XVIII - nachale XIX veka (Ocherki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya i obshchestvenno-politicheskogo ustroystva Chechni i Ingushetii v XVIII - nachale XIX veka). [Chechnya and Ingushetia in the 18th - early 19th centuries (Essays on the socio-economic development and socio-political structure of Chechnya and Ingushetia in the 18th - early 19th centuries)]. Elista, APP «Dzhangar», 2002, 528 p. (In Russ.).

8. Borusevich K.I. Sektantstvo sredi ingushei [Sectarianism among the Ingush]. *Etnograficheskoe obozrenie.* 1893, no. 3, pp. 139-145. (In Russ.).

9. Dubrovin N. Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze [The history of the war and domination of Russians in the Caucasus]. Saint Petersburg, Tipografiya udelov, 1871, vol. I, book I, 640 p. (In Russ.).

10. Kaziev E.V. Dzhon Frederik Beddli - issledovatel' Rossii [John Frederick Baddley - explorer of Russia]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta. Obshchestvennye nauki.* 2014, no. 2, pp. 15-19. (In Russ.).

11. Kaziev E.V. D.F. Beddli o razboe i banditizme na Severnom Kavkaze [Baddley on robbery and banditry in the North Caucasus]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta. Obshchestvennye nauki.* 2015, no. 2, pp. 32-36. (In Russ.).

12. Lystseva I.V. Povsednevnyaya zhizn' ssyl'nykh gortsev tsentral'no-evropeiskoi chasti Rossii na rubezhe XIX-XX vv. [Daily life of the exiled highlanders of the Central European part of Russia at the turn of the 19th–20th centuries]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoi Respubliki.* 2015, no. 2 (27), pp. 30-43. (In Russ.).

13. Matiev A.U. Velikii sheikh Batal-Khadzhi [Grand Sheikh Batal-Haji]. Islam v Rossii i za ee predelami: istoriya, obshchestvo, kul'tura. *Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya konchiny vydayushchegosya religioznogo deyatelya sheikha Batal-khadzhi Belkharoeva.* Saint Petersburg, MAE RAN, 2011, pp. 56-61. (In Russ.).

14. Suleimanov A.S. Toponimiya Checheno-Ingushetii. Groznyi [Toponymy of Chechen-Ingushetia. Grozny]. Checheno-Ingush. knizh. izdat., 1978, 289 p. (In Russ.).

15. Shnirel'man V.A. Byt' alanami: intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke [Being Alans: intellectuals and politics in the North Caucasus in the 20th century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2006, 696 p. (In Russ.).

16. Baddeley J. F. The rugged flanks of Caucasus. In II vol. Oxford University Press, London: Humphrey Milford, 1940. Vol. I. – xiv, 272 pp.

17. Baddeley J. F. The rugged flanks of Caucasus. In II vol. Oxford University Press, London: Humphrey Milford, 1940. Vol. II. 263 pp.

18. Meskhidze J. Shaykh Batal Hajji from Surkhokhi: towards the history of Islam in Ingushetia // Central Asian Survey. Vol. 25 (1-2), 2006. P. 179-191.

19. Akt prisvyagi shesti ingushskikh familii Rossii ot 22 avgusta 1810 g. [Act of oath of six Ingush families of Russia dated August 22, 1810]. (In Russ.). Available at: <https://www.politforums.net/historypages/1467383868.html> (accessed: 27.01.2021);
20. Bronevskii S.M. Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze voi [The latest geographical and historical news about the Caucasus]. Moscow, 1823, 354 p. (In Russ.).
21. Uslar P.K. Etnografiya Kavkaza. Yazykoznanie. II. Chechenskii yazyk. Tiflis [Ethnography of the Caucasus. Linguistics. II. Chechen language. Tiflis]. 1862, 462 p. (In Russ.).
22. Potto V.A. Kavkazskaya voina v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh. Tom 2-i. Ermolovskoe vremyayu [Caucasian war in separate essays, episodes, legends and biographies]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo: tip. E. Evdokimova, 1887, 821 p. (In Russ.).
23. Potapov N.A. Russkii biograficheskii slovar' [Russian biographical dictionary]. Saint Petersburg, vol. 14, 1896-1913, (842 p.), pp. 642-643. (In Russ.).
24. Ivanov M.I. V gorakh mezhdru rr. Fortangoi i Argunom. Zapiski Kavkazskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva [In the mountains between the river. Fortanga and Argun. Notes of the Caucasian Department of the Russian Geographical Society. Tiflis]. 1904, no. 1-4 (t. 17), pp. 31-68. (In Russ.).
25. Volkova N.G. Etnicheskii sostav naseleniya Severnogo Kavkaza v XVIII - nachale XX v. lkova [Ethnic composition of the population of the North Caucasus in the 18th - early 20th centuries]. Moscow, Nauka, 1974, 276 p. (In Russ.).
26. Koran. Perevod smyslov i kommentarii Iman Valerii Porokhvoi [Translation of meanings and comments by Iman Valeria Porokhova]. Izdatel'stvo RIPOL klassik. Moscow, 2018, 800 p. (In Russ.).
27. Albogachiev R.Sh. Sheikh-Ovliya Batal-Khadzhi Belkhoroev [Sheikh-Ovliya Batal-Khadzhi Belkhoroev]. Nal'chik, 2017, 463 p. (In Russ.).
28. Belkharoev A-A.Kh. Mecheti Respubliki Ingushetiya [Mosques of the Republic of Ingushetiya]. АО «ИПК «Groznenskii rabochii». 2016, 104 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Х.У. Белхароев – доцент программы «Международная экономическая безопасность» Института мировой экономики и бизнеса РУДН, кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Kh.U. Belkharoev – Associate Professor of the program "International Economic Security" of the Institute of World Economy and Business of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 25.06.2022; одобрена после рецензирования 26.07.2022; принята к публикации 15.08.2022.

The article was submitted 25.06.2022; approved after reviewing 26.07.2022; accepted for publication 15.08.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 8. С. 29–42.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2022. No. 8. P. 29-42.

Научная статья

УДК 902.01

doi: 10.24412/2713-0231-2022-8-29-42

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ (НА ОСНОВЕ ПУБЛИКАЦИЙ МАТЕРИАЛОВ ОТДЕЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ)¹

Кристина Викторовна Моряхина

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,
kmoryakhina@mail.ru

Аннотация. Изучения средневековых погребальных памятников Пермского Предуралья началось еще в конце XIX в., тогда же были опубликованы и первые работы, представляющие собой краткий отчет о проделанной работе. Начиная с 1950-х гг. регулярно выходят статьи, посвященные погребальному обряду того или иного памятника, а в последнее десятилетие и монографии. Несмотря на активное изучение погребального обряда, на сегодняшний момент практически отсутствуют работы историографического характера, в которых была бы отражена именно история изучения. Историографические исследования позволяют проследить, как менялся подход к изучению погребального обряда, на что обращали внимание исследователи, какие возникали дискуссии среди ученых-археологов. Ранее автором была опубликована статья, в которой рассматривались общие характеристики обряда, присущие средневековым археологическим культурам (ломоватовской и родановской) Пермского Предуралья. В данной работе автор сосредоточила внимание на публикациях, посвященных материалам отдельно взятых могильников. Такая узкая тема интересна тем, что дает представление об изученных памятниках, а также позволяет сравнить черты обряда на разных памятниках. Автором было выделено два пика публикационной активности: первый пришелся на 1950–1970-х гг., второй на конец 2000-х гг. – по настоящее время. В 1950–1970-х гг. выходили как короткие заметки о проделанной работе, так и публикации с подробным описанием обряда и предметов материальной культуры. На современном этапе исследователи стремятся обобщить раскопки нескольких лет и рассмотреть обряд с разных сторон.

Ключевые слова: погребальный обряд, могильники, средневековье, Пермское Предуралье, историография.

Для цитирования: Моряхина К.В. История изучения средневекового погребального обряда Пермского предуралья (на основе публикаций материалов отдельных памятников) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 8. С. 29–42. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-8-7-29-42>

Original article

HISTORY OF THE STUDY OF THE MEDIEVAL FUNERAL RITE IN THE PERM CIS-URAL REGION (BASED ON THE PUBLICATIONS OF THE MATERIALS OF INDIVIDUAL MONUMENTS)

Kristina V. Moryakhina

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, kmoryaxina@mail.ru

Abstract. The study of medieval funerary monuments in the Perm Cis-Urals began at the end of the 19th century. The first works were published then. They were a summary of the work done. Articles have been published regularly since the 1950s. Monographs have been published in the last decade. Despite the active study of the funeral rite, at the moment there are practically no works of a historiographical nature. Historiographic research allows us to trace how the approach to the study of the funeral rite has changed, what researchers have paid attention to, what discussions have arisen among archaeologists. Earlier, the author published an article that examined the general characteristics of the rite for medieval archaeological cultures (Lomovатов and Rodanov) of the Perm Cis-Urals. In this work, the author focused on publications devoted to the materials of individual burial grounds. Such a narrow topic is interesting because it gives an idea of the studied monuments, and also allows you to compare the features of the rite on different monuments. The author singled out two peaks of publication activity: the first peak occurred in the 1950s–1970s, the second at the end of the 2000s. – until now. In the 1950s–1970s both short notes about the work done and publications with a detailed description of the rite and objects of material culture were published. At the present stage, researchers are trying to generalize the excavations of several years and consider the rite from different angles.

Keywords: funeral rite, burial ground, Middle Ages, Perm Urals, historiography.

For citation: Moryakhina K.V. History of the study of the medieval funeral rite in the perm cis-ural region (based on the publications of the materials of individual monuments). Humanitarian Studies. History and Philology. 2022;8:29-42. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-8-29-42>

Введение

Изучение погребальной обрядности позволяет получить сведения о материальной и духовной культуре населения, оставившего эти захоронения, и, следовательно, позволяет реконструировать этнокультурные процессы. Поэтому эта тема всегда была и остается актуальной для археологической науки.

Изучение погребального обряда средневекового населения Пермского Предуралья началось еще в конце XIX в., тогда же и были опубликованы первые материалы [Кананин 1983: 80]. Начиная с того времени издано было достаточно большое количество отдельных статей, посвященных этой теме, а также есть ряд монографий, диссертаций. Неоднократно разворачивались дискуссии о периодизации культур, этнической принадлежности населения, миграционных процессах. Но при этом практически отсутствуют работы историографического характера, которые позволяли бы проследить, как менялись взгляды ученых на погребальную обрядность средневекового населения Пермского Предуралья, какие спорные вопросы возникали. Автором ранее была уже опубликована статья, в которой

была рассмотрена история изучения погребального обряда средневекового населения Пермского Предуралья [Моряхина 2022]. Но объем статьи не позволил затронуть работы, посвященные исследованию погребального обряда отдельных памятников. Для дальнейшего изучения этой темы важно иметь не только представление об общих характеристиках обряда в тот или иной хронологический период, как интерпретировали эти характеристики исследователи, но об особенностях обряда на отдельных памятниках. Автором в данной статье предпринята попытка обобщить опубликованные материалы по изучению погребального обряда на средневековых могильниках Пермского Предуралья.

Основная часть

Как уже было отмечено, первые публикации, посвященные погребальному обряду средневекового населения Пермского Предуралья, появились в дореволюционное время. В «Материалах по археологии восточных губерний России» за 1888 и 1896 гг. представлены сведения о разведывательных раскопках А.Н. Шатрова и Н.Г. Первухина в верховьях р. Камы. Ими были отмечены черты погребального обряда, характерные для средневековых могильников этой местности: положение костяков головой на север, наличие углей в засыпи (Горд-Кушетский, Сиятский, Грибятский могильники), сосуществование обрядов труположения и трупосожжения (Носковский, Тиминский могильники) [Кананин 1983: 80]. В Отчете императорской археологической комиссии за 1900–1901 гг. были опубликованы сведения о раскопках В.Л. Борисова на Харинском и Агафоновском могильниках и А.А. Спицына на Деменковском, Шибановском, Селянинском могильниках [ОАК 1902: 87–89; ОАК 1903: 113–116]. Интерес представляет предположение А.А. Спицына об обряде перерывания костей на Деменковском и Шибановском могильниках. Такой вывод был сделан на основании того, что часть костей слегка пережженные и перемешаны, в погребениях присутствуют вещи. Скорей всего, все же это следствие более позднего вмешательства человека – либо могильники были пограблены, либо в потревожены следствием распашки. Стоит отметить, что А.А. Спицын датировал Деменковский могильник – IX–X вв., Шибановский – XIII–XIV вв. [ОАК 1903: 114].

В 1920–1930-х гг. археологические работы на территории современного Пермского края под руководством сотрудников Института истории материальной культуры (г. Ленинград). Но публиковать исследования, посвященные погребальному обряду, начали только в 1950-е. Параллельно с обобщающими работами [Смирнов 1952: 180–215; Оборин 1957; Бадер, Оборин 1958], появились и статьи, в которых рассматривались и анализировались материалы отдельных памятников.

В 1951 г. В.А. Обориным были опубликованы сведения о разрушенном Плеховском могильнике (IX–XI вв.) [Оборин 1951: 200–202]. В 1954 г. В.Ф. Генингом была опубликована заметка о раскопках Гуринского могильника (XIII–XIV вв.). Было вскрыто 2 погребения. Как отмечал автор, «погребения оказались крайне бедны», но ранее местными жителями был собран подъемный материал: сабля, копьё, медные бляшки [Генинг 1954: 153–154]. Позже на этом памятнике были продолжены работы под руководством В.Ф. Генинга и В.А. Оборина. Последним было исследовано богатое разрушенное погребение в стороне от основной части, что, по мнению автора раскопок, свидетельствует об имущественной дифференциации [Оборин 1959: 109]. В 1955 г. были опубликованы И.А. Лунеговым материалы раскопок Редикарского могильника (IX–X вв.), а также приведены сведения о вещах, собранных при распашке школьного огорода. Интерес

вызывает захоронение ремесленника, с которым в погребение были уложены кузнечные клещи и молоточек [Лунегов 1955: 124]. В.А. Оборин в статье «Памятники родановской культуры у с. Таборы» дал описание наиболее интересных погребений Баяновского могильника, который он датировал VIII–XI вв. В.А. Оборин считал, что на данном могильнике часть погребений относится к ломоватовской культуре (такие погребения залегают глубже остальных, в них встречались остатки деревянных колод), часть – к родановской. Исследователь отмечал, опираясь на материалы Баяновского и Загарского могильника, что в погребениях раннеродановских памятников нет бытовых предметов и орудий труда [Оборин 1956: 111–117]. В 1962 г. В.А. Обориным были опубликованы материалы раскопок Плесинского могильника в 1960 г., который был отнесен к раннеродановскому времени и датирован IX–X вв. Археолог обращал внимание, что во втором ряду были обнаружены наиболее богатые погребения, вероятно, как он считал, там были захоронены члены одной зажиточной патриархальной семьи. В одном из погребений были обнаружены орудия труда (столярно-слесарные инструменты) и элементы конской сбруи, по мнению В.А. Оборины, это погребение воина-ремесленника. По набору украшений женских погребений отмечена связь с населением Поволжья [Оборин 1962: 97–99].

В 1964 г. была опубликована В.Ф. Генингом статья, посвященная изучению Деменковского могильника. Статья представляет интерес не только тем, что в ней приведены подробно сведения о памятнике с прилагающимся описанием погребением, но и тем, что рассмотрена кратко история изучения ломоватовской культуры и ее хронология, этнические процессы, преемственность ломоватовской и родановской культур. Деменковский могильник функционировал длительное время – с VI по IX вв. Исследователь выделил на памятнике раннюю часть – южные погребения (VI – первая половина VIII в.) и позднюю – северные (вторая половина VIII – первая половина IX в.). В.Ф. Генинг предполагал, что наиболее ранние погребения – это 18, 128, 100, 96, поскольку вокруг них зафиксированы канавки типичные для курганов, которые были заброшены, вероятно, в связи с изменением обряда. Для ранних погребений, как отмечено в статье, характерны ориентировка на север-юг, большие размеры ям, керамика без примесей, само тесто рыхлое, черного цвета. На поздней части могильника меняется ориентировка – погребения ориентированы на северо-восток – юго-запад, уменьшаются размеры ям (что, по мнению исследователя, связано с изменением погребальной конструкции), керамика с примесью толченой раковины. В жертвенных комплексах в ранней части обнаружены кости животных, в поздней – углистые пятна. Наличие в погребениях (3 погребения) жертвенных масок В.Ф. Генинг связывал с тесными связями с зауральским населением (хантами и манси). Стоит отметить, что исследователь опровергал предположение А.А. Спицына об обряде перерывания костей с ритуальной целью, считая это следами того, что могильник был пограблен. В.Ф. Генинг предполагал, что различия между ранними и поздними погребениями отражают изменения в мировоззрении и хозяйстве (переход от скотоводства к земледелию как основе хозяйства). Таким образом, как отмечал исследователь, со второй половины VIII–XII вв. шел «интенсивный процесс формирования новых культурных признаков», и подтверждал это материалами других могильников. В целом В.Ф. Генинг писал, что стратиграфический анализ и анализ вещевого материала показывают непрерывный переход от ломоватовской к родановской культуре, отсутствуют признаки смены населения или притока населения извне [Генинг 1964: 98–124].

В совместной статье В.Ф. Генинга и Р.Д. Голдиной «Позднеломоватовские могильники в Коми-Пермяцком округе» были опубликованы материалы раскопок Важгортского, Каневского и Урьянского могильников. В данной работе характеристика обряда приведена по каждому памятнику отдельно, вещевой материал описан суммарно. В конце приложены материалы полевых работ (описание погребений, жертвенных ям). Интерес представляют сведения, связанные с характеристикой погребальных сооружений. Умерших хоронили в гробах-колодах – на Каневском и Урьянском могильниках обнаружены фрагменты досок. В одном из погребений Каневского могильника конструкция напоминала лодку-долбленку. На Урьянском могильнике у 11 погребений расширены концы, как указывали В.Ф. Генинг и Р.Д. Голдина, вероятно, умершего укладывали головой в расширенную часть. На этом же могильнике у восточных стенок трех погребений зафиксированы следы вбитых кольев, с какой целью они были сделаны, исследователи, не делали предположение. Не типичным является для этих памятников является обряд трупосожжения – единственное погребение с таким обрядом было раскопано на Урьянском могильнике (погребение 11: на дне лежали жженные кости и спекшиеся железные предметы). Это погребение выделяется и глубиной залегания – 100 см, при средней глубине погребений на могильнике 41 см. На Урьянском могильнике исследователи выделили два типа жертвенных ям: 1) с углистым дном и без вещей; 2) с вещами (керамика, зерно, пест-терочник). В одной яме обнаружены остатки обугленных саней. Также авторы статьи отмечали, что в погребении 4 Каневского могильника обнаружены полодья от саней. На Каневском могильнике жертвенные ямы заполнены костями животных, в одном случае углями [Генинг, Голдина 1970: 30–45].

В 1973 г. В.А. Обориным были опубликованы материалы раскопок могильника Телячий Брод, который им был датирован второй половиной VII–XII вв. Как отмечал археолог, по обряду погребения памятник похож на ломоватовские могильники VII–IX вв., расположенные в южной части. Наибольшие сходства отмечаются с поздними погребениями Деменковского могильника [Оборин 1973: 126–131].

В 1987 г. была опубликована совместная статья Р.Д. Голдиной и Т.К. Ютиной, посвященная хронологии Агафоновского II могильника. На основе культурно-стратиграфического анализа, сопоставления материала с аналогиями, учета находок монет было выделено 10 хронологических групп: 4 группы по векам и 6 смежных. На схемах к статье представлена информация о датировке как погребений, так и материала [Голдина, Ютина 1987: 39–54, рис. 1–2]. В 2012 г. статья была дополнена и переиздана с учетом аналогий новых материалов раскопок [Голдина, Ютина 2012: 253–272].

В 1980–2000-е гг. вышли ряд фундаментальных работ, посвященных средневековым археологическим культурам (ломоватовской и родановской), – монография Р.Д. Голдиной «Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье» [Голдина 1985], монография Р.Д. Голдиной, В.А. Кананина «Средневековые памятники верховьев Камы» [Голдина, Кананин 1989], статья В.А. Оборина «Коми-пермяки» [Оборин 1999]. В этих работах была дана обобщенная характеристика погребального обряда для определенного хронологического периода. Наиболее полные сведения приведены об обряде в диссертации И.В. Бочарова [Бочаров 2000].

В последние годы вновь стали уделять внимание публикации материалов отдельных памятников, которые в том числе служат источниковой базой для дальнейших исследований.

В 2008 г. опубликована монография А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой «Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск». В работе приведены сведения о месторасположении Рождественского могильника, ориентации погребений, форме и размерах, описание погребального набора, жертвенных ям, дневник раскопок. Интерес представляют погребальные сооружения Рождественского могильника. 60 % погребений имеют характерную для позднееломоватовских и раннеродановских могильников форму с прямыми стенками. Наряду с этим зафиксированы погребения с заплечиками, ступеньками, карманами. Как предполагали авторы монографии, заплечики и ступеньки нужны были для установления деревянного помоста, на который укладывали покойного в costume с погребальным инвентарем, тело присыпалась землей и сверху сооружался шалаш. По периметру ряда погребений зафиксированы столбовые ямки. Эти погребения выделяются и тем, что в них отмечены линзы речного песка, которые, по мнению А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой, связаны с представлением о путешествии в страну мертвых. В целом для погребений Рождественского могильника характерно наличие в засыпи углей [Белавин, Крыласова 2008: 95–102]. Изучение памятника продолжается и дальше. Н.Б. Крыласова, автор раскопок, регулярно публикует статьи, в которых анализируется погребальный инвентарь, материалы отдельных погребений. Особое значение имеет статья «Хронологические особенности материальной культуры X–XI вв. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае)». Н.Б. Крыласова, опираясь на пересечения бытования вещей, входящих в закрытый комплекс (погребения), узко датировала материалы X–XI вв. из Рождественского могильника. Проблема хронологии актуальна для Пермского Предуралья, поскольку многие предметы определяются широкой датировкой в несколько веков. Исследовательница для датирования использовала сведения о хронологии аналогичных предметов с соседних территорий, представления о периодизации материалов с других памятников Пермского Предуралья. Полученные выводы были проверены при помощи статистической обработки данных (дискриминантного анализа) [Крыласова 2013: 104–115].

На Рождественском могильнике в погребениях часто встречаются орудия труда. В 2015 г. была опубликована совместная статья А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой, посвященная хозяйственным и производственным комплексам. На тот момент на памятнике было выявлено 13 погребений с такими комплексами (5,5 % от общего количества). По составу находок исследователи разделили комплексы на несколько типов: деревообрабатывающие инструменты, сельскохозяйственные орудия, орудия охоты и рыбной ловли, ремесленные орудия. Как правило, комплексы размещались в виде компактного скопления в «ногах» погребенного, в одном случае – справа от погребенного. Также зафиксированы комплексы у северной границы могильной ямы («в изголовье»). Авторы статьи считали, что их можно отнести к жертвенно-поминальным комплексам, которые были совершены некоторое время спустя. В двух случаях они дополняли набор орудий, помещенных в погребения. А.М. Белавин и Н.Б. Крыласова отмечали, что погребения, в которых обнаружены производственные и хозяйственные комплексы выделяются богатством инвентаря, что говорит об особом статусе умершего и о его профессиональной принадлежности, а также они выделяются планографически [Белавин, Крыласова 2015: 16–27]. Н.Б. Крыласова обращала внимание, что на Рождественском могильнике в отдельную группу, расположенную в западной части, выделяются и погребения с элементами конской сбруи. Исследовательницей

в отдельной статье было рассмотрено проявление культа коня. Символ коня, как она указывала, представлен в двух вариантах: разрозненные зубы лошади и детали конского снаряжения [Крыласова 2017: 44–54].

В 2016 г. опубликована статья Н.Б. Крыласовой, посвященная жертвенно-поминальным комплексам на Рождественском могильнике. Исследовательницей выделены основные характерные черты таких комплексов: ямы имеют округлую или овальную форму диаметром 0,3–0,7 м и аналогичной глубины; по периметру окружены столбовыми ямками; располагаются, как правило, «в изголовье» или «в ногах» погребенного; преобладают безынвентарные или малоинвентарные ямы. Наиболее часто встречаются зубы лошади, сосуды, удила, бусы, делали ременных наборов, поясных привесок [Крыласова 2016: 56].

На данный момент погребальный обряд Рождественского могильника (памятник не является самым изученным по количеству раскопанных погребений) наиболее полно рассмотрен и опубликован в сравнении с другими памятниками Пермского Предуралья, что дает возможность для дальнейшего сравнения выявленных характерных черт обряда с другими могильниками.

В 2012 г. вышла в свет монография А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой, посвященная Огурдинскому могильнику. Исследователями выделены черты погребального обряда, характерные для этого памятника: на ряду с погребениями с прямыми стенками зафиксированы ступеньки, выступы-карманы, столбовые ямки на дне погребения; столбовые ямки вокруг погребений, что указывает на наличие наземных сооружений; биобрядность; некоторые погребения с кремацией и ингумацией (когда погребенный уложен на помост) отделены столбовыми ямками; в ряде погребений сохранились остатки деревянных конструкций (следы помоста, в одном случае лодка-долбленка); в заполнении ям встречаются угли, в ряде погребений речной песок; в заполнении жертвенных ям обнаружены угли и кости животных. Авторы монографии отмечали, что отдельные схожие черты отмечены по материалам Рождественского, Агафоновского I, Аверинского II, Щукинских могильников [Белавин, Крыласова 2012: 10–20].

В коллективной монографии «Археологические памятники Чашкинского озера» один из разделов, написанный Н.Б. Крыласовой, посвящен погребальному обряду Запосельского могильника. Памятник малоизучен и разрушен грабителями. Тем не менее Н.Б. Крыласовой выделено ряд особенностей обряда на данном могильнике. Исследовательница отмечала, что есть следы кремации – большое количество углей в погребениях, но кальцинированных костей обнаружено мало и в основном за пределами могильных ям. Также Н.Б. Крыласовой удалось выявить отдельные признаки погребений на помостах – наличие ступенек в ряде погребений, расположение инвентаря на разной глубине. В заполнении жертвенных ям были керамические сосуды или зубы животных [Археологические памятники 2014: 361].

В 2017 г. издана монография Н.Б. Крыласовой и Н.Г. Брюховой, посвященная Плотниковскому могильнику. Монография построена по такому же принципу, как и предшествующие издания: приводится история изучения памятника, описание погребений, предметов материальной культуры, антропологического материала, дается характеристика погребального обряда. К особенностям погребального обряда Плотниковского могильника авторы монографии отнесли разреженность погребений, искусственное покрытие дна погребения известняком, фиксируются деревянные конструкции в виде дощатых гробов

прямоугольной формы, ингумация (одно погребение захоронено по типу кремации). Погребальный инвентарь включает в себя украшения и детали костюма, орудия труда и предметы быта. Исследовательницы выделили на памятнике два типа жертвенных комплексов: 1) внутри ямы располагался глиняный сосуд, обложенный крупной галькой по бокам и снизу; 2) яма заполнена углем, обожженными костями животных и фрагментами керамики [Крыласова, Брюхова 2017: 8–22]. Стоит отметить, что ранее была опубликована совместная статья Н.Б. Крыласовой, Н.Г. Брюховой, А.М. Белавина, посвященная погребению № 7 указанного могильника. Погребение интересно выразительным комплексом погребального инвентаря и наличием следов ранения от огнестрельного оружия. Н.Г. Брюховой было определено, что кости в погребении принадлежали индивиду в возрасте 18 ± 6 месяцев. Погребение сопровождали лепной сосуд, медальон из оловянно-свинцового сплава с изображением птицы, амулеты в виде просверленных таранных костей бобра, раковина речной улитки. Подобные медальоны, как отмечают авторы статьи, редкая находка, и похожие были обнаружены в Новгороде в слое XIV в. Указанными исследователями погребение было интерпретировано как «захоронение ребенка-пермяка, павшего жертвой нападения ушкуйников либо случайного выстрела при испытании непривычного оружия» [Крыласова, Брюхова, Белавин 2012: 127–133].

Помимо монографических исследований выходят отдельные статьи, где публикуются сведения о погребальном обряде тех могильников, на которых ведутся археологические раскопки.

А.В. Даничем опубликован ряд работ, посвященных изучению Баяновского могильника. В 2008 г. была опубликована статья, в которой дана характеристика погребального обряда. А.В. Данич отмечал, что погребения имеют прямоугольную форму с закругленными углами, вертикальными стенками и плоским дном; в двух погребениях прослежены ступеньки в районе головы. В засыпи ямы фиксируются угли, в некоторых случаях мелкие речные камни на дне погребения. Исследователь выделил два варианта внутримогильных конструкций: в погребениях конца IX – начала X в. преобладала традиция хоронить в колодах; в X – начале XI в. – традиция заворачивать покойного в шкуру и потом в бересту. В одном погребении, как предполагал автор рассматриваемой статьи, погребенный был положен на помост. На могильнике изучено четыре кенотафа, а также коллективное захоронение (кости принадлежали не менее, чем 5 индивидам), которое представляет вторичное захоронение, поскольку на костях есть следы выветривания [Данич 2008: 47–49]. В отдельной статье А.В. Данич рассматривал обряд погребения № 51. Это единственное на памятнике захоронение по обряду кремации. Антропологический материал был проанализирован Н.Б. Брюховой, которая сделала вывод, что, вероятно, была захоронена женщина в возрасте младше 30 лет. Кремация происходила на стороне, на костре, предназначенным специально для этих останков. А.В. Данич указывал, что находки расположены в соответствии с прижизненным костюмом, следов огня на них нет. Погребальный набор представлен богатым набором украшений [Данич 2008а: 461]. Среди находок указан варган, но исследователь не уделил отдельное внимание наличию этого инструмента в погребении, также и не дана интерпретация обряда этого погребения. Хоть и на других памятниках известны случаи кремации, но в них вещи располагались скоплением или хаотично. В более поздней обобщающей статье А.В. Данич детализировал особенности погребального обряда Баяновского могильника с учетом новых материалов и сделал вывод о том, что «материалы могильника указывают на взаимосвязь раннесредневекового населения, оставившего некрополь, с этногенезом мадьяр [Данич 2016: 43].

Н.Б. Крыласовой была рассмотрена в отдельной статье необычная для средневекового населения Пермского Предуралья ритуальная практика – сооружение ритуальных ровов. Такие конструкции зафиксированы на могильнике Телячий Брод. Исследовательница отмечала, что ров скобообразной формы разделял мыс на две части. В заполнении рва обнаружены бронзовые пряжки, стеклянная бусина, железные предметы, металлические пластины, обломок ключа болгарского типа, обломки челюстей лося (?), зубы лошади, фрагменты керамики. Н.Б. Крыласова отнесла сооружение к раннему периоду существования могильника – VII–IX вв. и интерпретировала его следующим образом: «либо погребальное пространство на стрелке мыса было изначально отгорожено, и ровик использовался при поведении каких-то поминальных обрядов, либо данное сооружение было возведено перед тем, как население покинуло эту местность, и на нем был проведен единовременный обряд с целью оградить могильник и защитить покоящихся на нем предков. Последнее предположение представляется более вероятным». Наличие ключа, исследовательница предполагала, что означало «открытие» могильника населением, появившимся здесь спустя два века. Еще один ров располагался в юго-восточной части. Найденные в нем материалы (поясные накладки, бронзовые привески, стеклянная бусина, железные предметы с заклепками) позволили Н.Б. Крыласовой датировать сооружение XII–XIII вв. [Крыласова 2016: 70–76].

Д.В. Шмуратко была опубликована статья «Грунтовая часть Митинской курганный группы (результаты раскопок 2016–2019 гг.)», в которой представлено описание погребений. В заключении автором указанной статьи сделан вывод, что это «один из наиболее ранних ломоватовских некрополей, фиксирующий процесс перехода от курганного обряда захоронения к грунтовому». Д.В. Шмуратко датировал памятник VII–VIII вв. [Шмуратко 2019: 94–109].

В 2020 г. вышла в свет статья А.В. Данича, посвященная погребальному обряду могильника Питер (Степаново Плотбище). Несмотря на то, что памятник пострадал в результате антропогенных и природных факторов, исследователю удалось выделить ряд характерных черт обряда. А.В. Данич отмечал, что, как правило, погребения имели ровные стенки и плоское дно, в двух случаях прослежены ступеньки, в одном случае – «карман»-выступ. Размеры ям разнообразны. Исследователь обращал внимание на разную ориентировку погребений: в южной части памятника погребения ориентированы ЮЗ–СВ, в северной части – ССЗ–ЮЮВ. Пока интерпретировать эту особенность не удалось, поскольку, как указано в статье, в вещевом материале различий не наблюдается. В заполнении ям отмечены угли, следы прокала, в некоторых погребениях линзы речного песка. Вокруг погребений № 14, 17, 18 обнаружены столбовые ямки. В трех погребениях А.В. Даничу удалось проследить следы деревянных конструкций, которые представлены остатками плах на дне, крышкой гроба, под нижними досками есть следы перевязи лубом. Отдельное внимание исследователь уделил необычной находке – «подушечке» из обычной полевой травы, которая имела горизонтальные перехваты из такой же травы [Данич 2020: 72–84].

В этом же году была опубликована статья К.В. Моряхиной «Особенности погребального обряда Плесинского могильника». Ранее часть материалов этого могильника уже были опубликованы В.А. Обориной, о чем было указано выше. К.В. Моряхиной были проанализированы материалы раскопок 1960 и 1961 г.

Автором были рассмотрены конструкция ямы, сопутствующий материал и его расположение, жертвенные комплексы, датированы погребения. К.В. Моряхина проходит к

выводу, что на Плесинском могильнике фиксируются черты обряда не типичные для более ранних памятников такие, как остатки гробовищ, отсутствие костей животных, угли в заполнении ямы встречены в единичных случаях. А также отмечено сходство обряда, представленного на памятнике, с материалами других могильников – Важгортский, Деменковский, Каневский, Пыштайский, Редикорский, Урьинский [Моряхина 2020].

Стоит отметить, что в 2019 г. была проведена государственную регистрацию база данных «Погребальный обряд средневековых могильников Пермского Предуралья (VII–XV вв.)», составленная К.В. Моряхиной и Д.В. Шмуратко. В базе собраны сведения материалах 18 могильников (3195 погребений): ориентировка и размеры ямы, внутримогильные конструкции, положение костяка, обрядовые действия, сопроводительный материал [Моряхина, Шмуратко 2019].

Заключение

Можно отметить, что дважды возрастал интерес к публикации материалов могильников – в 1950–1970-х гг. и начиная с конца 2000-х гг. по настоящий момент. В первом случае это было связано с начавшимися активными раскопками на территории края и становлением местной археологической школы, во втором – с появлением больших возможностей для публикации материалов (активные раскопки могильников не прерывались с 1950-х гг.).

В объемных статьях, которые публиковались в 1950–1970-х гг., и монографиях приведены планиграфия могильников, дневники раскопок, фотографии и прорисовки материала, что может выступать источниковой базой для дальнейшего исследования, как погребального обряда, так и отдельных предметов материальной культуры. Стоит отметить, что работы последних лет носят более обобщающий характер, в них анализируются материалы раскопок нескольких лет, рассматриваются различные аспекты погребального обряда (погребальные конструкции, заполнение слоя, сопроводительный материал, выделяются группы погребений по определенному признаку), датируются отдельно взятые погребения. Последнее позволяет проследить более детально изменения в целом в погребальном обряде, а также в костюме, наличие того или иного сопроводительного материала.

В настоящее время интерес к погребальному обряду средневекового населения Пермского Предуралья не снижается. Регулярно публикуются материалы новых раскопок, а также памятников, которые были давно раскопаны, но погребальный обряд которых не был достаточно изучен и не опубликован.

Список литературы

1. Археологические памятники Чашкинского озера / Н.Б. Крыласова, Е.Л. Лычагина, А.М. Белавин, С.В. Скорнякова. Пермь: Книжный формат, 2014. 565 с.
2. Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь: Кн. изд-во, 1958. 244 с.
3. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. 603 с.
4. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Комплексы орудий в мужских захоронениях ломоватовской культуры как отражение основных хозяйственных и производственных занятий у населения // Вестник ЧелГУ. 2015. № 6 (361). История. Вып. 63. С. 16–27.
5. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Огурдинский могильник. Пермь: ПГПУ, 2012. 258 с.

6. Бочаров И.В. Средневековый погребальный обряд Верхнего Прикамья как источник реконструкции этнической истории региона: опыт статистического анализа: дисс. ... к. ист. н. Уфа, 2000. 235 с.
7. Генинг В.Ф. Деменковский могильник памятник ломоватовской культуры // Вопросы археологии Урала. 1964. Вып. 6. С. 94–162.
8. Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Позднеломоватовские могильники в Коми-Пермяцком округе // Вопросы археологии Урала. 1970. Вып. 9. С. 30–56.
9. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во «Иркутский университет», 1985. 280 с.
10. Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники Верхней Камы. Екатеринбург: Изд-во «Уральский университет», 1989. 215 с.
11. Голдина Р.Д., Ютина Т.К. Хронология погребальных комплексов Агафоновского II могильника (IX–XII вв.) // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 1987. С. 39–61.
12. Голдина Р.Д., Ютина Т.К. Хронология погребальных комплексов Агафоновского II могильника (IX–XII вв.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 25. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. С. 253–272.
13. Данич А.В. Исследования Баяновского могильника // Труды КАЭЭ. 2016. Вып. XI. С. 36–43.
14. Данич А.В. Охранные исследования Баяновского (Баяновского) могильника // Труды КАЭЭ. 2016. Вып. V. С. 45–53.
15. Данич А.В. Погребальный обряд по материалам Питер (Степаново Плотбище) могильника // Труды КАЭЭ. 2020. Вып. XVII. С. 72–84.
16. Данич А.В. Погребение 51 Баяновского могильника (обряд кремации) // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2008а. С. 460–464.
17. Кананин В.А. Погребальный обряд средневековых могильников верховьев р. Камы // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 1983. С. 80–95.
18. Крыласова Н.Б. Брюхова Н.Г. Плотниковский могильник. Пермь: Изд-во «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», 2017. 222 с.
19. Крыласова Н.Б. Брюхова Н.Г., Белавин А.М. Погребение 7 позднесредневекового Плотниковского могильника // Российская археология. 2012. № 12. С. 127–133.
20. Крыласова Н.Б. Исследование могильника Телячий Брод в Чусовском районе Пермского края: ритуальные рвы – отражение ритуальной практики средневекового населения // Труды КАЭЭ. 2016. Вып. XI. С. 66–77.
21. Крыласова Н.Б. Исследование Рождественского могильника в Карагайском районе Пермского края: к вопросу о жертвенно-поминальных комплексах // Труды КАЭЭ. 2016. Вып. XI. С. 51–65.
22. Крыласова Н.Б. Конь и элементы конской сбруи в погребальном обряде Рождественского могильника в Пермском крае // Труды КАЭЭ. 2017. № 13. С. 44–54.
23. Крыласова Н.Б. Хронологические особенности материальной культуры X–XI вв. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае) // Вестник Пермского университета. 2013. Вып. 1. С. 104–115.
24. Лунегов И.А. Редикорский могильник // КСИИМК. 1955. Вып. 57. С. 124–128.
25. Моряхина К.В. История изучения погребального обряда средневекового населения Пермского Предуралья // Вестник гуманитарного образования. 2022. № 2 (26). С. 123–132.
26. Моряхина К.В. Особенности погребального обряда Плесинского могильника // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 1 (17). С. 112–119.

27. Моряхина К.В., Шмуратко Д.В. Погребальный обряд средневековых могильников Пермского Предуралья (VII–XV вв.). Свидетельство о регистрации базы данных RU 2019622464 от 23.12.2019.
28. Оборин В.А. Камская археологическая экспедиция 1955 года // КСИИМК. 1959. Вып. 74. С. 101–109.
29. Оборин В.А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 1999. С. 255–298.
30. Оборин В.А. Коми-пермяки в IX–XV вв. (Родановская культура): дис. ... канд. ист. наук. М., 1957. 404 с.
31. Оборин В.А. Могильник Телячий Брод VII–XII вв. // Вопросы археологии Урала. 1973. Вып. 12. С. 126–136.
32. Оборин В.А. Памятники родановской культуры у с. Таборы // КСИИМК. 1956. Вып. 65. С. 107–118.
33. Оборин В.А. Плеховский могильник // КСИИМК. 1951. Вып. 36. С. 200–202.
34. Оборин В.А. Раскопки памятников железного века в верхнем Прикамье // Вопросы археологии Урала. 1962. Вып. 2. С. 95–99.
35. Отчет императорской археологической комиссии за 1900 год. СПб., 1902. 174 с.
36. Отчет императорской археологической комиссии за 1901 год. СПб., 1903. 199 с.
37. Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // Материалы и исследования по археологии СССР. 1952. № 28. 278 с.
38. Шмуратко Д.В. Грунтовая часть Митинской курганной группы (результаты раскопок 2016–2019 гг.) // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2019. Вып. IX. С. 94–109.

References

1. Arkheologicheskie pamyatniki Chashkinskogo ozera [Archaeological sites of Chashkinskoye Lake]. N.B. Krylasova, E.L. Lychagina, A.M. Belavin, S.V. Skornyakova, Perm', Knizhnyi format, 2014, 565 p. (In Russ.).
2. Bader O.N., Oborin V.A. Na zare istorii Prikam'ya [At the dawn of the history of the Kama region]. Perm', Kn. izd-vo, 1958, 244 p. (In Russ.).
3. Belavin A.M., Krylasova N.B. Drevnyaya Afkula: arkheologicheskii kompleks u p. Rozhdestvensk [Ancient Afkula: archaeological complex near the village of Rozhdestvensky]. Perm', PF IliA UrO RAN, 2008, 603 p. (In Russ.).
4. Belavin A.M., Krylasova N.B. Kompleksy orudii v muzhskikh zakhoroneniakh lomovatovskoi kul'tury kak otrazhenie kak osnovnykh khozyaistvennykh i proizvodstvennykh zanyatii u naseleniya [Complexes of tools in male burials of the Lomatov culture as a reflection of both the main economic and industrial occupations of the population]. *Vestnik ChelGU*. 2015, no. 6 (361), Istoriya, iss. 63, pp. 16-27. (In Russ.).
5. Belavin A.M., Krylasova N.B. Ogurdinskii mogil'nik [Ogurdinsky burial ground]. Perm', PGPU, 2012, 258 p. (In Russ.).
6. Bocharov I.V. Srednevekovi pogrebal'nyi obryad Verkhnego Prikam'ya kak istochnik rekonstruktsii etnicheskoi istorii regiona: opyt statisticheskogo analiza [The Medieval Funeral Rite of the Upper Kama Region as a Source for the Reconstruction of the Ethnic History of the Region: An Experience of Statistical Analysis]. PhD thesis. Ufa, 2000, 235 p. (In Russ.).
7. Gening V.F. Demenkovskii mogil'nik pamyatnik lomovatovskoi kul'tury [Demenkovo burial ground is a monument of Lomatov culture]. *Voprosy arkheologii Urala*. 1964, iss. 6, pp. 94-162. (In Russ.).
8. Gening V.F., Goldina R.D. Pozdnelomovatovskie mogil'niki v Komi-Permyatskom okruge [Late Lomatovskie burial grounds in the Komi-Permyatsky district]. *Voprosy arkheologii Urala*. 1970, iss. 9, pp. 30-56. (In Russ.).

9. Goldina R.D. Lomovatovskaya kul'tura v Verkhnem Prikam'e [Lomovatov culture in the Upper Kama region]. Irkutsk, Izd-vo Irkutskogo un-ta, 1985, 280 p. (In Russ.).
10. Goldina R.D., Kananin V.A. Srednevekovye pamyatniki Verkhnei Kamy [Medieval monuments of the Upper Kama]. Ekaterinburg, Ural'skii un-t, 1989, 215 p. (In Russ.).
11. Goldina R.D., Yutina T.K. Khronologiya pogrebal'nykh kompleksov Agafonovskogo II mogil'nika (IX-XII vv.) [Chronology of the burial complexes of the Agafonovsky II burial ground (IX–XII centuries)]. *Pogrebal'nye pamyatniki Prikam'ya*. Izhevsk, Izd-vo «Udmurtskii universitet», 1987, pp. 39-61. (In Russ.).
12. Goldina R.D., Yutina T.K. Khronologiya pogrebal'nykh kompleksov Agafonovskogo II mogil'nika (IX-XII vv.) [Chronology of the burial complexes of the Agafonovsky II burial ground (IX–XII centuries)]. *Drevnosti Prikam'ya epokhi zheleza (VI v. do n.e. - XV v. n.e.): khronologicheskaya atributsiya. Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii*. Izhevsk, Udmurtskii un-t, vol. 25, 2012, pp. 253-272. (In Russ.).
13. Danich A.V. Issledovaniya Bayanovskogo mogil'nika [Exploration of the Bayanovsky burial ground]. *Trudy KAEF*. 2016, iss. XI, pp. 36-43. (In Russ.).
14. Danich A.V. Okhrannye issledovaniya Boyanovskogo (Bayanovskogo) mogil'nika [Security investigations of the Boyanovsky (Bayanovsky) burial ground]. *Trudy KAEF*. 2016, iss. V, pp. 45-53. (In Russ.).
15. Danich A.V. Pogrebal'nyi obryad po materialam Piter (Stepanovo Plotbishche) mogil'nika [Funeral rite based on the materials of Peter (Stepanovo Plotbishche) burial ground]. *Trudy KAEF*. 2020, iss. XVII, pp. 72-84. (In Russ.).
16. Danich A.V. Pogrebenie 51 Boyanovskogo mogil'nika (obryad krematsii) [Burial 51 of the Boyanovsky burial ground (rite of cremation)]. *Arkheologicheskaya ekspeditsiya: noveishie dostizheniya v izuchenii istoriko-kul'turnogo naslediya Evrazii*. Izhevsk, Izd-vo «Udmurtskii universitet», 2008a, pp. 460-464. (In Russ.).
17. Kananin V.A. Pogrebal'nyi obryad srednevekovykh mogil'nikov verkhov'ev r. Kamy [The funeral rite of the medieval burial grounds of the upper reaches of the river. Kama]. *Etnicheskie protsessy na Urale i v Sibiri v pervobytnuyu epokhu*. Izhevsk, Izd-vo «Udmurtskii universitet», 1983, pp. 80-95. (In Russ.).
18. Krylasova N.B. Bryukhova N.G. Plotnikovskii mogil'nik [Plotnikovsky burial ground]. Perm', PGGPU, 2017, 222 p. (In Russ.).
19. Krylasova N.B. Bryukhova N.G., Belavin A.M. Pogrebenie 7 pozdnesrednevekovogo Plotnikovskogo mogil'nika [Burial 7 of the late medieval Plotnikovsky burial ground]. *Rossiiskaya arkheologiya*. 2012, no. 12, pp. 127-133. (In Russ.).
20. Krylasova N.B. Issledovanie mogil'nika Telyachii Brod v Chusovskom raione Permskogo kraja: ritual'nye rvy - otrazhenie ritual'noi praktiki srednevekovogo naseleniya [Study of the Velyachiy Brod burial ground in the Chusovsky district of the Perm Territory: ritual ditches as a reflection of the ritual practice of the medieval population]. *Trudy KAEF*. 2016, iss. XI, pp. 66-77. (In Russ.).
21. Krylasova N.B. Issledovanie Rozhdestvenskogo mogil'nika v Karagaiskom raione Permskogo kraja: k voprosu o zhertvenno-pominal'nykh kompleksakh [Study of the Christmas burial ground in the Karagai district of the Perm Territory: on the issue of sacrificial-commemorative complexes]. *Trudy KAEF*. 2016, iss. XI, pp. 51-65. (In Russ.).
22. Krylasova N.B. Kon' i elementy konskoi sbrui v pogrebal'nom obryade Rozhdestvenskogo mogil'nika v Permskom krae [Horse and elements of horse harness in the funeral rite of the Christmas burial ground in the Perm region]. *Trudy KAEF*. 2017, no. 13, pp. 44-54. (In Russ.).
23. Krylasova N.B. Khronologicheskie osobennosti material'noi kul'tury X-XI vv. (po materialam Rozhdestvenskogo mogil'nika v Permskom krae) [Chronological features of the material culture of the X-XI centuries. (Based on materials from the Christmas burial ground in the Perm Territory)]. *Vestnik Permskogo universiteta*. 2013, iss. 1, pp. 104-115. (In Russ.).
24. Lunegov I.A. Redikorskii mogil'nik [Redikor burial ground]. *KSIMK*. 1955, iss. 57, pp. 124-128. (In Russ.).

25. Moryakhina K.V. Istoriya izucheniya pogrebal'nogo obryada srednevekovogo naseleniya Permskogo Predural'ya [The history of the study of the funeral rite of the medieval population of the Perm Cis-Urals]. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya*. 2022, no. 2 (26), pp. 123-132. (In Russ.).
26. Moryakhina K.V. Osobennosti pogrebal'nogo obryada Plesinskogo mogil'nika [Features of the funeral rite of the Plesinsky burial ground]. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya*. 2020, no. 1 (17), pp. 112-119. (In Russ.).
27. Moryakhina K.V., Shmuratko D.V. Pogrebal'nyi obryad srednevekovykh mogil'nikov Permskogo Predural'ya (VII-KhV vv.) [The funeral rite of the medieval burial grounds of the Perm Cis-Urals (7th–15th centuries)]. Svidetel'stvo o registratsii bazy dannykh RU 2019622464 ot 23.12.2019. (In Russ.).
28. Oborin V.A. Kamskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya 1955 goda [Kama archaeological expedition in 1955]. *KSIIMK*. 1959, iss. 74, pp. 101-109. (In Russ.).
29. Oborin V.A. Komi-permyaki [Komi-Permyaks]. *Finno-ugry Povolzh'ya i Priural'ya v srednie veka*. Izhevsk, Izd-vo «Udmurtskii universitet», 1999, pp. 255-298. (In Russ.).
30. Oborin V.A. Komi-permyaki v IX-XV vv. (Rodanovskaya kul'tura) [Komi-Permyaks in the 9th–15th centuries. (Rodan culture)]. PhD thesis. Moscow, 1957, 404 p. (In Russ.).
31. Oborin V.A. Mogil'nik Telyachii Brod VII-XII vv. [Velyachiy Brod burial ground of the 7th–12th centuries]. *Voprosy arkheologii Urala*. 1973, iss. 12, pp. 126-136. (In Russ.).
32. Oborin V.A. Pamyatniki rodanovskoi kul'tury u s. Tabory [Monuments of Rodanovskaya culture near the village of Tabory]. *KSIIMK*. 1956, iss. 65, pp. 107-118. (In Russ.).
33. Oborin V.A. Plekhovskii mogil'nik [Plekhovsky burial ground]. *KSIIMK*. 1951, iss. 36, pp. 200-202. (In Russ.).
34. Oborin V.A. Raskopki pamyatnikov zheleznoogo veka v verkhnem Prikam'e [Excavations of Iron Age sites in the upper Kama region]. *Voprosy arkheologii Urala*. 1962, iss. 2, pp. 95-99. (In Russ.).
35. Otchet imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1900 god [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1900]. Saint Petersburg, 1902, 174 p. (In Russ.).
36. Otchet imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1901 god [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1901]. Saint Petersburg, 1903, 199 p. (In Russ.).
37. Smirnov A.P. Ocherki drevnei i srednevekovoi istorii narodov Srednego Povolzh'ya i Prikam'ya [Essays on the ancient and medieval history of the peoples of the Middle Volga and Kama regions]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 1952, no. 28. 278 p. (In Russ.).
38. Shmuratko D.V. Gruntovaya chast' Mitinskoi kurgannoi gruppy (rezul'taty raskopok 2016-2019 gg.) [Ground part of the Mitinskaya barrow group (results of excavations in 2016–2019)]. *Vestnik Muzeya arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ya*. 2019, iss. IX, pp. 94-109. (In Russ.).

Информация об авторе

К.В. Моряхина – кандидат исторических наук, доцент,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the author

K.V. Moryakhina – Ph. D. (History), Associate Professor,
Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 19.06.2022; одобрена после рецензирования 26.07.2022; принята к публикации 15.08.2022.

The article was submitted 19.06.2022; approved after reviewing 26.07.2022; accepted for publication 15.08.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 8. С. 43–51.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2022. No. 8. P. 43-51.

Научная статья

УДК 811.161.1:811.112.2

doi: 10.24412/2713-0231-2022-8-43-51

МОДАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФОРМЫ БУДУЩЕГО ПРОСТОГО ВРЕМЕНИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ВАРИАНТЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Анна Викторовна Аверина

Московский государственный областной университет, Москва, Россия,

Anna.averina@list.ru

Аннотация. Необходимо рассмотрение вопроса о том, при каких условиях глаголы совершенного вида русского языка в перспективе будущего времени кодируют корневые и некорневые модальные значения. Следует прояснить также и типичные варианты немецких соответствий для модализованных значений будущего времени, выраженных глаголами в форме совершенного вида. Выяснение обозначенных проблемных моментов позволит дать описание условий реализации корневых и некорневых модальных значений в русском языке, раскрыть модальный потенциал совершенного вида, а также определить немецкие соответствия для модализованных форм будущего времени в русском языке. Этим и определяется *актуальность* данной статьи. Цель публикации – описать условия, при которых глаголы совершенного вида русского языка приобретают способность передавать корневые и некорневые модальные значения, а также выявить типичные формы выражения модализованного будущего в немецком языке. В качестве материала исследования послужили оригиналы высказываний на русском языке, взятые из Национального корпуса русского языка и их переводы на немецкий язык. В процессе анализа фактического материала были использованы следующие методы: метод контекстуального анализа, описательный метод, метод контрастивного исследования. В результате описаны условия, при которых глаголы совершенного вида русского языка приобретают способность передавать модальные значения, а также выявлены типичные формы их выражения в немецком языке. Показано, что в немецком языке, не располагающем морфологически выраженной в глаголе категорией вида, модализованные значения будущего времени передает, в первую очередь, форма Futur I. В статье рассмотрен вопрос об условиях, при которых формы совершенного вида русского языка в перспективе будущего времени приобретают дополнительную модальную семантику, а также в определении соответствий в немецком языке.

Ключевые слова: совершенный вид, модальность, инференциальная эвиденциальность, немецкий язык, русский язык.

Для цитирования: Аверина А.В. Модальный потенциал формы будущего простого времени в русском языке и варианты его реализации в немецком языке // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 8. С. 43–51. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-8-43-51>

Original article

MODAL POTENTIAL OF THE FORM OF THE FUTURE SIMPLE TENSE IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND VARIANTS OF ITS IMPLEMENTATION IN THE GERMAN LANGUAGE

Anna V. Averina

Moscow State Region University, Moscow, Russia, Anna.averina@list.ru

Abstract. It is necessary to consider the question of under what conditions the verbs of the perfect form of the Russian language in the perspective of the future tense encode root and non-root modal meanings. It is also necessary to clarify the typical variants of German correspondences for modalized meanings of the future tense, expressed by verbs in the form of the perfect form. The clarification of the indicated problematic points will allow us to describe the conditions for the implementation of root and non-root modal meanings in Russian, to reveal the modal potential of the perfect form, and also to determine German correspondences for modalized forms of the future tense in Russian. This determines the relevance of this article. The purpose of the publication is to describe the conditions under which the Russian perfect verbs acquire the ability to convey root and non-root modal meanings, as well as to identify typical forms of expression of the modalized future in the German language. Russian original statements taken from the National Corpus of the Russian Language and their translations into German were used as the research material. In the process of analyzing the material, the following methods were used: the method of contextual analysis, descriptive method, method of contrastive research. It is shown that in the German language, which does not have a category of aspect, the modalized values of the future tense are transmitted, first of all, by the form Futur I. The article deals with the question of the conditions under which the forms of the perfect form of the Russian language in the future tense acquire additional modal semantics, as well as in determining correspondences in the German language.

Keywords: perfect form, modality, infinitive evidentiality, German, Russian.

For citation: Averina A.V. Modal potential of the form of the future simple tense in the Russian language and variants of its implementation in the German language. *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2022;8:43-51. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-8-43-51>

Введение

В центре внимания данной публикации – форма будущего простого в русском языке и ее немецкие аналоги. Речь пойдет о предложениях типа: (1) *Думаю и верю, что в следующем году мы **сделаем** скачок в четвёрку, – говорит Сергей Ермишин.* (Национальный корпус русского языка)¹ (= мы сможем сделать); (2) *А как же мы **пройдем** в парк?* (НКРЯ) В приведенных высказываниях значение будущего времени передано глаголами совершенного вида. В традиционной русской грамматике используют термин «будущее простое время» (Русская грамматика 1980). Наряду с временным может быть передано и дополнительное модальное значение – так, в (1) выражена семантика диспозиционной модальности, или модальности возможности: говорящий, оценивая ситуацию, указывает на то, что он и его единомышленники способны одолеть новый рубеж в предстоящем году.

Модальный потенциал будущего простого времени в русском языке затрагивался в некоторых исследованиях. В частности, следует отметить работы М.Я. Гловинской (2001),

¹ Далее – НКРЯ.

Анны А. Зализняк и А.Д. Шмелева (2000), Е.В. Петрухиной и Ли Чжухонга (2015), Л.Ч. Далкылыч (2012), А.В. Кашкиной (2015) и других лингвистов. М.Я. Гловинская обращает внимание на потенциальное значение совершенного вида в высказываниях типа *Ни слов своих, ни поступков обратно не возьмешь* (Н. Ильина) [Гловинская 2001: 15] – в данном случае речь идет о дополнительном модальном значении невозможности. Е.В. Петрухина и Ли Чжунг (2015) обращают внимание на то, что формы будущего простого времени могут дополнительно выражать предположение, уверенность, вероятность, необходимость.

В определенной степени модальные значения могут зависеть от форм лица: волитивная модальность преобладает в высказываниях с местоимением в форме 1-го лица, эпистемическая возможность – в предложениях, содержащих подлежащее в 3-м лице [Петрухина, Ли Чжунг 2015: 84]. Л. Далкылыч показывает, что в высказываниях, содержащих местоимения 1-го и 3-го лица, модальный оттенок выражен слабее, чем в таковых с местоимением 2-го лица. На основании проведенного анализа автор делает вывод о тесной взаимосвязи категорий темпоральности, персональности и модальности [Далкылыч 2012: 130]. А.В. Кашкина (2015) анализирует возможности перевода высказываний, содержащих будущее простое время, на другие европейские языки и показывает, что в английских переводах преобладают формы Future Simple, в немецком языке – Futur I, в итальянском и испанском – простое будущее время [Кашкина 2015: 22–23]. Анна А. Зализняк и А.Д. Шмелев обращают внимание на то, что глаголы совершенного вида всегда обозначают события, в то время как глаголы несовершенного вида – любое из трех явлений: состояния, процессы и события [Зализняк, Шмелев 2000: 36]. По всей видимости, именно событийность, лежащая в основе семантики совершенного вида, допускает возможность возникновения дополнительных модальных значений. Анализ работ германистов позволил обратить внимание на то, что категория вида обладает большим модальным потенциалом: глаголы совершенного вида способны передавать модальные значения [Kotin 2012, 2013, 2017, 2018].

В немецком языке ввиду отсутствия грамматически выраженной в глаголе категории вида существует обширная система модальных глаголов. В. Абрахам [Abraham 2013] показывает в своих исследованиях, что перфектность глагола соотносится с корневой модальностью, неперфектность – с эпистемичностью: модальные глаголы, сочетающиеся с формой Infinitiv предельных глаголов, участвуют в передаче корневых модальных значений, в то время как комбинация с непредельными глаголами позволяет передать некорневые модальные значения. Нуждается в дополнительном освещении вопрос о том, при каких условиях глаголы совершенного вида русского языка в перспективе будущего времени кодируют корневые и некорневые модальные значения. Следует прояснить также и типичные варианты немецких соответствий для модализованных значений будущего времени, выраженных глаголами в форме совершенного вида. Выяснение обозначенных проблемных моментов позволит дать описание условий реализации корневых и некорневых модальных значений в русском языке, раскрыть модальный потенциал совершенного вида, а также определить немецкие соответствия для модализованных форм будущего времени в русском языке. Этим и определяется актуальность данной статьи.

Цель публикации – описать условия, при которых глаголы совершенного вида русского языка приобретают способность передавать корневые и некорневые модальные значения, а

также выявить типичные формы выражения модализованного будущего в немецком языке. В качестве материала исследования послужили оригиналы высказываний на русском языке, взятые из Национального корпуса русского языка и их переводы на немецкий язык. Всего было проанализировано свыше 300 примеров. В процессе анализа фактического материала были использованы следующие методы: метод контекстуального анализа, описательный метод, метод контрастивного исследования.

Теоретическая значимость публикации заключается в выявлении роли лица и выполняемой им семантической роли в модализации глагольных показателей будущего времени. Соответственно, полученные результаты вносят определенный вклад в развитие представлений и механизмах межкатегориального взаимодействия в системе грамматики. Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в курсе сопоставительной типологии немецкого и русского языков.

В качестве теоретической базы исследования послужили работы М.Л. Котина (2012), (2013), (2017), (2018), В. Абрахама (2013) и Э. Лайсс (1992).

Основная часть

1. *Общая характеристика видов модальных значений.* Термин «корневая модальность» (*root modality*) был введен в лингвистический обиход исследователем Ф. Пальмером [Palmer 2001]. Корневые модальные значения отличаются от некорневых тем, что они участвуют в представлении ситуации как фактической. Так, например, выражая желание (волеизъявительное модальное значение, см. (5)), указывая на возможность (алетическое значение (см. (4)), необходимость (деонтическое модальное значение, см. (3)) или способность (диспозиционная модальность (6)), говорящий не выражает никаких сомнений относительно реальности фактов, о которых идет речь. Как отмечает в этой связи Г. Дивальд, говорящий воспринимает ситуацию как существующую в реальном контексте [Diewald 1999: 242]: (3) *Он **должен** понимать, что если он работает в угоду только сегодняшнему моменту, то придется расплачиваться за это* (НКРЯ); (4) *Ожидается, что к концу апреля он **может** получить назначение на государственную должность* (НКРЯ); (5) *Мы **хотим**, чтобы правительство ещё раз подумало и предложило новое, компромиссное решение этой проблемы* (НКРЯ); (6) *Он **может** говорить другими словами, он обманывает меня* (НКРЯ).

Как видно из приведенных высказываний, указание на возможность, необходимость, способность осуществления действия и желательность не связаны с представлением ситуации как нефактической. Нефактичность ситуации представлена в высказываниях с показателями эпистемической модальности и предполагает выражение значения уверенности, предположения или сомнения, например: (7) *Но **скорее всего**, закончится все добровольно-принудительно* (НКРЯ); (8) ***Наверное**, это была афиша оперетты или мюзик-холла* (НКРЯ); (9) *С другой стороны, выявившаяся картина **вряд ли** благоприятна для самих малых городов* (НКРЯ). В приведенных высказываниях использованы маркеры некорневой модальности, указывающие на оценку событий говорящим с позиции степени их вероятности. К показателям некорневой модальности можно отнести и те, которые кодируют *инференциальную эвиденциальность*: говорящий сам делает выводы о существовании того или иного факта на основе собственного знания, опыта или чувственного восприятия (подробнее см. [Soska 2021: 28–29]), например: (10) ***Видимо**, первые металлические*

предметы, которыми стали пользоваться люди, были сделаны из метеоритного железа (НКРЯ). В приведенном примере говорящий выражает оценку говорящим фактичности ситуации на основе собственного логического умозаключения. Таким образом, к корневым модальным значениям относятся диспозиционное, алетическое, деонтическое, волитивное; к некорневым – эпистемическое и значение инференциальной эвиденциальности.

2. *Контекстуальные условия реализации корневых и некорневых модальных значений, передаваемых формой будущего простого времени.* Форма будущего простого времени может быть использована для выражения алетического модального значения, или объективно существующей возможности. Говорящий показывает, что реализация обозначенных в перспективе будущего времени действий вполне осуществима: (11) *Как бы она ни играла, что бы ни делала, все равно говорю: «Молодец, ты можешь, ты сделаешь это»* (НКРЯ). По нашим наблюдениям, обязательным условием реализации алетического значения в предложениях с формой будущего простого времени является интонирование личной формы глагола. Речь идет о кодировании верификативной ремы [Янко 2008] – посредством ударения на личной форме глагола говорящий подчеркивает истинность своей позиции. В перспективе будущего времени возникает значение возможности реализации запланированных действий. В роли субъекта предложения может выступать местоимение 1-го, 2-го лица, использование 3-го лица также возможно. Рассмотрим примеры: (12) [...] *его заверили, что он получит это место по возвращении из заграничной командировки.* (НКРЯ) (= может получить); (13) *Вряд ли я увижу его...* (НКРЯ) (=смогу его увидеть); (14) *Ведь да? Ты сделаешь это ради меня?* (НКРЯ) (=ты сможешь сделать); (15) *Сначала я обрадовался: пусть, если и пять только лет проживет, то, значит, я увижу его* (НКРЯ) (=смогу его увидеть). В приведенных отрывках указывается на возможность осуществления действия.

В высказываниях с формами совершенного вида в перспективе будущего времени могут быть переданы волитивное и деонтическое значения. Важным при этом является использование местоимений 1-го или 2-го лица и выполняемая ими семантическая роль: как правило, подлежащее выступает в роли агенса. Рассмотрим примеры: (16) *Обратной стороной огромной ладони отодвинул водку. – Убереешь это!* (НКРЯ); (17) *И мы добьемся этого, будьте спокойны, господа!* (НКРЯ). В (16) выражено значение необходимости (деонтичности) наряду с значением будущего времени. В следующем предложении (17) выражено обещание говорящего – он дает знать аудитории, что намерен осуществить действие, выполнение его расценивается как необходимое.

Таким образом, обязательным условием реализации дополнительных корневых модальных значений в высказываниях с формой будущего простого времени является использование местоимений 1-го или 2-го лица в семантической роли агенса. Возможно выражение алетического модального значения в предложениях с местоимением в 3-м лице, если предикат получает ударение, то есть если находит реализацию верификативная рема.

Некорневые модальные значения находят реализацию в том случае, если в роли субъекта 1-го или 2-го лица выступает не агенс, а пациент или экспериенсер. Как правило, в высказываниях подобного рода находит реализацию инференциальной эвиденциальности – говорящий показывает, что он хорошо знает возможный исход ситуации: (18) *Ты еще не знаешь, на кого вы напоролась! Ты еще увидишь, кого вы обобрали!* (НКРЯ); (19) *Об этой девушке ты ещё пожалеешь, помни моё слово!* (НКРЯ)

Использование подлежащего в форме 3-го лица позволяет передать значение инференциальной эвиденциальности [Соска 2021: 28-29] независимо от того, выполняет ли подлежащее семантическую роль агенса или пациенса. Рассмотрим в этой связи ряд примеров: (20) *После поединка Владислав Радимов сказал: «Эта победа посвящается Андрею. Уверены, он ещё себя проявит!»* (НКРЯ) В приведенных высказываниях говорящий, опираясь на собственный опыт, дает знать собеседнику, что в перспективе будущего времени дело будет иметь определенный исход. Сделанные наблюдения позволяют сделать вывод о том, что форма совершенного вида русского языка в перспективе будущего времени может передавать дополнительные модальные значения: инференциальную эвиденциальность, деонтичность, волитивность и алетичность.

3. *Варианты передачи модализованных значений будущего простого времени русского языка на немецкий язык.* В немецком языке категория вида не выражена морфологически в глаголе так, как в русском языке. Соответственно, перед нами стояла задача определить, какими средствами немецкого языка передаются модализованные значения будущего простого времени русского языка. Для выяснения данного вопроса были проанализированы данные параллельного корпуса: из русско-немецкого подкорпуса Национального корпуса русского языка было отобрано 200 примеров, содержащих в оригинальном варианте глаголы совершенного вида, передающие значение будущего времени (будущее простое). Они были разделены на две группы. В первую группу мы отнесли примеры, содержащие в качестве дополнительного некорневые модальные значения, во вторую – примеры с дополнительным коневым модальным значением. Представим полученные результаты.

1) *Некорневые модальные значения.* Из 100 отобранных примеров в 8 случаях при переводе были использованы модальные глаголы, в 92 – форма Futur I. Продемонстрируем типичные случаи: (23) *Но меня всё равно потрясает, как они ухитряются существовать и развивать свою цивилизацию. – Ты поймёшь, – успокоил его Мартин.* (С. Лукьяненко. Спектр); (23') *«Dennoch verblüfft mich, wie sie es fertig bringen, zu existieren und ihre Zivilisation zu entwickeln». «Du wirst schon noch sehen, wie sie das machen», beruhigte ihn Martin.* (Übersetzt von Chr. Röhlmann); (24) *"Постой, – часто думала я, отыскивая глазами в конце залы его незамеченную, иногда скучающую фигуру, постой! – думала я, – приедем домой, и ты поймешь и увидишь, для кого я старалась быть хороша и блестяща [...]"*. ([Л.Н. Толстой. Семейное счастье); (24') *Warte nur! dachte ich oft, während ich ihm mit den Augen bis ans Ende des Saales folgte. Warte nur, wenn wir nach Hause kommen, sollst du einsehen, für wen ich mich bemühe, schön und glänzend zu sein [...]* (übersetzt von C. von Glümer). Это позволяет рассматривать форму Futur I как аналог модализованной формы будущего простого времени русского языка.

2) *Корневые модальные значения.* Из 100 примеров в 8 случаях была использована форма Präsens, в 4 случаях были применены трансформации различного рода, в 20 – модальные маркеры, указывающие на необходимость, возможность или желательность, в остальных 68 примерах была употреблена форма Futur I. Рассмотрим типичные примеры: (25) – *Я для вас все сделаю! Я вас не оставляю! – воскликнула Лидина, порывисто хватая его за руки.* (Б. Акунин. Алмазная колесница); (25') *«Ich tue alles für Sie! Ich lasse Sie nicht im Stich!» rief sie und griff hastig nach seinen Händen.* (übersetzt von A. Tretner); (26) – *Умоляю вас! День – только один день! Я завтра – завтра же – пойду и все сделаю...* (Е. Замятин. Мы); (26') *Ich bitte Sie! Ein Tag – nur noch ein Tag! Morgen will ich kommen und alles tun, was*

Sie wollen... (Übersetzt von G. Drohla); (27) *Так как он сам начал спрашивать, то я и рассказал ему всё в главных чертах и что у меня есть записка. – Пойдемте, – сказал он, – я всё сделаю* (Ф.М. Достоевский. Бесы); (27') *Da er selbst zu fragen begann, so erzählte ich ihm alles in den Hauptpunkten und sagte auch, dass ich einen Zettel bei mir hätte. «Kommen Sie mit!» sagte er; «ich werde alles erledigen».* (übersetzt von H. Röhl)

Проведенный анализ позволяет увидеть, что корневые модальные значения, передаваемые формами совершенного вида немецкого языка в перспективе будущего времени, в немецком языке преимущественно выражаются в немецком языке посредством использования формы Futur I. Сделанное наблюдение подтверждает идею многих исследователей, что форма Futur I является модальной, а глагол werden может получать трактовку как модальный [Vater 1975], [Fritz 2000]. Автор публикации разделяет позицию Т. Фритца [Fritz 2000], что базовое значение конструкции *werden + Infinitiv I* – эвиденциально-субъективное значение, а его интерпретация зависит от контекста.

Заключение

В данной публикации был рассмотрен вопрос об условиях, при которых формы совершенного вида русского языка в перспективе будущего времени приобретают дополнительную модальную семантику, а также в определении соответствий в немецком языке. Анализ фактического материала позволяет сделать следующие выводы:

1. Формы совершенного вида русского языка в перспективе будущего времени способны передавать дополнительные модальные значения. Корневые значения (деонтичность, волюнтаривность, диспозиционная модальность и алетичность) находят свое выражение в случае использования подлежащего в форме 1-го или 2-го лица в семантической роли агенса. Некорневые модальные значения (инференциальность, эпистемичность) проявляются в высказываниях с подлежащим в 3-м лице или подлежащим 1-го или 2-го лица, выступающего в роли экспериенсера.

2. Темпоральность, модальность и персональность выступают в тесной взаимосвязи друг с другом. Эта взаимосвязь отчетливо прослеживается в перспективе будущего времени.

3. В немецком языке, не располагающем морфологически выраженной в глаголе категорией вида, модализованные значения будущего времени передает, в первую очередь, форма Futur I. Следующий по частотности способ передачи модализованного будущего времени – модальные глаголы в первичном значении. Выявленная закономерность подтверждает наблюдения немецких исследователей о глубинной взаимосвязи темпоральных и модальных значений.

В перспективе возможно исследование вариантов передачи модализованных значений будущего времени в других языках. Нуждается также в дополнительном освещении вопрос о том, какое модальное значение, выраженное глаголами совершенного вида в перспективе будущего времени, является базовым.

Список литературы

1. Гловинская М.Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М.: Русские словари, Азбуковник, 2001. 320 с.

2. Далкылыч Л.Ч. Модальная и временная семантика в высказываниях с формами простого будущего времени в современном русском языке // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2012. Вып. 2. С. 126–131.
3. Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. 221 с.
4. Кашкина А.В. Выражение обещания и формы будущего времени (на материале романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его переводов) // Вестник НГЛУ. Выпуск 32. Язык и культура. 2015. С. 20–31.
5. Котин М.Л. Коррелирующие категориальные сигналы в синхронии, диахронии и типологии // Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе. М.: Институт языкознания РАН, 2017. С. 9–16.
6. Котин М.Л. Язык и время. Очерк теории языковых изменений. М.: Издательский дом ЯСК, 2018. 224 с.
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] // URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.05.2021).
8. Петрухина Е.В., Ли Чжухонг. Модальность глагольных форм будущего времени в русском языке // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 4. 2015. С. 72–86.
9. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1. 792 с.
10. Янко Т.Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008. 312 с.
11. Abraham W. Modalitäts-Aspekt-Generalisierungen: Interaktionen und deren Brüche. Wo kommen die epistemischen Lesarten t-her? // Modalität/Temporalität in kontrastiver und typologischer Sicht. Danziger Beiträge zur Germanistik. Band 30. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2010. S. 13–27.
12. Abraham W. Deutsche Syntax im Sprachenvergleich. Grundlegung einer typologischen Syntax im Deutschen. 3., erweiterte Auflage. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2013.
13. Diewald G. Die Modalverben im Deutschen. Grammatikalisierung und Polyfunktionalität. Tübingen, 1999. 436 S.
14. Fritz Th. A. Wahr-Sagen: Futur, Modalität und Sprecherbezug im Deutschen. Hamburg: Buske, 2000. 228 S.
15. Kotin M.L. (2012): Zur historischen Entwicklung der Definitheitsmarker in der Germania und Slavia // Geschichte und Typologie der Sprachsysteme. Winter Verlag, 2012. S. 147–158.
16. Kotin M.L. Modalität und kategorialgrammatische Konvergenz aus genealogischer Sicht // Funktionen der Modalität. Berlin et al., 2013. S. 305–334.
17. Leiss E. Die Verbalkategorien des Deutschen. Berlin et al.: De Gruyter, 1992. 341 S.
18. Palmer F.R. Mood and Modality. Second edition. Cambridge Textbooks in linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 262 S.
19. Socka A. Satzadverbien und Modalverben als Marker der Reportativität im Deutschen und im Polnischen. Reihe: Danziger Beiträge zur Germanistik. Bd. 60. 2021. 566 S.
20. Vater H. Werden als Modalverb // Aspekte der Modalität. Tübingen: Narr, 1975. S. 71–148.

References

1. Glovinskaya M.Ya. Mnogoznachnost' i sinonimiya v vido-vremennoi sisteme russkogo glagola [Polysemy and synonymy in the aspect-temporal system of the Russian verb]. Moscow, Russkie slovari, Azbukovnik, 2001, 320 p. (In Russ.).
2. Dalkylych L.Ch. Modal'naya i vremennaya semantika v vyskazyvaniyakh s formami prostogo budushchego vremeni v sovremennom russkom yazyke [Modal and temporal semantics in utterances with forms of the simple future tense in modern Russian]. *Vestnik SPbGU*. Series. 9, 2012, iss. 2, pp. 126-131. (In Russ.).

3. Zaliznyak Anna A., Shmelev A.D. Vvedenie v russkuyu aspektologiyu [Introduction to Russian Aspectology]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, 2000, 221 p. (In Russ.).
4. Kashkina A.V. Vyrazhenie obeshchaniya i formy budushchego vremeni (na materiale romana M. Bulgakova «Master i Margarita» i ego perevodov) [Expression of Promise and Forms of the Future Tense (based on M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita" and its translations)]. *Vestnik NGLU*. Vypusk 32. Yazyk i kul'tura. 2015, pp. 20-31. (In Russ.).
5. Kotin M.L. Korrelirovushchie kategorial'nye signaly v sinkhronii, diakhronii i tipologii [Correlating categorical signals in synchrony, diachrony and typology]. *Grammaticheskie kategorii germanskikh yazykov v antropotsentricheskoi perspektive*. Moscow, Institut yazykoznaniya RAN, 2017, pp. 9-16. (In Russ.).
6. Kotin M.L. Yazyk i vremya. Ocherk teorii yazykovykh izmenenii [language and time. Essay on the theory of language change]. Moscow, Izdatel'skii dom YaSK, 2018, 224 p. (In Russ.).
7. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. (In Russ.). Available at: <https://ruscorpora.ru> (accessed: 20.05.2021). (In Russ.).
8. Petrukhina E.V., Li Chzhukhong. Modal'nost' glagol'nykh form budushchego vremeni v russkom yazyke [Modality of verb forms of the future tense in Russian]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 9. Filologiya. No. 4, 2015, pp. 72-86. (In Russ.).
9. Russkaya grammatika [Russian grammar]. Moscow, Nauka, 1980. vol. 1, 792 p. (In Russ.).
10. Yanko T.E. Intonatsionnye strategii russkoi rechi v sopostavitel'nom aspekte [Intonation strategies of Russian speech in a comparative aspect]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008, 312 p. (In Russ.).

Информация об авторе

*А.В. Аверина – доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры германской филологии,
Московский государственный областной университет.*

Information about the author

*A.V. Averina – Grand Ph.D. (Philology),
Professor of the Chair for Germanic Philology,
Moscow State Regional University*

Статья поступила в редакцию 29.07.2022; одобрена после рецензирования 26.08.2022; принята к публикации 15.09.2022.

The article was submitted 29.07.2022; approved after reviewing 26.08.2022; accepted for publication 15.09.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 8. С. 52–62.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2022. No. 8. P. 52-62.

Научная статья

УДК 81'38:004.7

doi: 10.24412/2713-0231-2022-8-52-62

РИТОРИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КАК ПРИЁМЫ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТАХ УЧАСТНИКОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ФЕЙСБУК»¹

Елена Мечиславовна Крижановская

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
emkrizh@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты изучения использования риторических тропов и фигур речи в качестве приёмов манипулятивного воздействия на современных интернет-пользователей в сфере политической коммуникации. В работе отмечается динамичное развитие на современном этапе совершенствования технологий новых дискурсивных практик в сети Интернет, предпринимается попытка обоснования актуальности изучения средств речевой манипуляции в политическом дискурсе, кратко характеризуются исследовательские подходы к изучению языкового манипулирования, называются основные особенности речевой манипуляции. В качестве материала данного исследования выступают интернет-тексты участников двух сообществ социальной сети «Фейсбук», в которых обсуждались актуальные политические события недавнего прошлого – протестные митинги в Москве летом 2019 г., вызванные результатами выборов в Московскую городскую думу, и протестные акции в Казахстане в январе 2022 г. Сравнительный анализ интернет-текстов позволил выявить в текстах двух политических сообществ использование следующих риторических средств: метафоры, метонимии, эпитета, сравнения, иронии, намёка, парадокса, вопросно-ответного комплекса, риторического вопроса, риторического восклицания, парцелляции, антитезы и других. В статье описываются манипулятивные возможности метафоры, эпитета, иронии, вопросно-ответного комплекса, риторического вопроса. Автор приходит к выводу, что риторические тропы и фигуры, используемые в интернет-постах участников политических сообществ и комментариях к ним, реализуют следующие функции, которые имеют особое значение для порождения и восприятия интернет-текстов: позволяют наиболее эффективно выразить политическую позицию автора, способствуют личностной самопрезентации автора интернет-текста, создают выразительность текстов протестного политического интернет-дискурса, формируют образ политического оппонента с целью его дискредитации, осуществляют программируемое воздействие на других интернет-пользователей, способствуют манипуляции сознанием интернет-пользователей.

Ключевые слова: политический дискурс, интернет-коммуникация, социальная сеть, политическое сообщество, политическое событие, речевая манипуляция, средства речевой выразительности.

Для цитирования: Крижановская Е.М. Риторические средства как приёмы манипулятивного воздействия в интернет-текстах участников политических сообществ социальной сети «Фейсбук» // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 8. С. 52–62. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-8-52-62>

Original article

RHETORICAL MEANS AS METHODS OF MANIPULATIVE INFLUENCE IN INTERNET TEXTS BY POLITICAL COMMUNITIES PARTICIPANTS OF SOCIAL NETWORK «FACEBOOK»

Elena M. Krizhanovskaya

Perm State National Research University, Perm, Russia, emkrizh@gmail.com

Abstract. The article presents the results of studying the use of rhetorical tropes and figures of speech as methods of manipulative influence on modern Internet users in the field of political communication. The paper notes the dynamic development at the present stage of improving the technologies of new discursive practices on the Internet, attempts to substantiate the relevance of studying the means of speech manipulation in political discourse, briefly characterizes research approaches to the study of language manipulation, the main features of speech manipulation are called. The material of this study is the Internet texts of the participants of two communities of the social network Facebook, in which topical political events of the recent past were discussed – protest rallies in Moscow in the summer of 2019, caused by the results of the elections to the Moscow City Duma, and protest actions in Kazakhstan in January 2022. Comparative analysis of Internet texts revealed the use of the following rhetorical means in the texts of two political communities: metaphor, metonymy, epithet, comparison, irony, hint, paradox, question-and-answer complex, rhetorical question, rhetorical exclamation, parcel, antithesis and others. The article describes the manipulative possibilities of metaphor, epithet, irony, question-and-answer complex, rhetorical question. The author comes to the conclusion that the rhetorical tropes and figures used in the Internet posts of members of political communities and comments on them realize the following functions, which are of particular importance for the generation and perception of Internet texts: they allow the most effective expression of the author's political position, contribute to the personal self-presentation of the author of the Internet text, create the expressiveness of the texts of the protest political Internet discourse, form the image of a political opponent in order to discredit him, carry out a programmable impact on other Internet users, contribute to the manipulation of the consciousness of Internet users.

Keywords: political discourse, Internet communication, social network, political community, political event, speech manipulation, means of speech expressiveness.

For citation: Krizhanovskaya E.M. Rhetorical means as methods of manipulative influence in the Internet texts of participants of political communities of the social network «Facebook». Humanitarian Studies. History and Philology. 2022;8:52-62. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-8-52-62>

Введение

Одной из активно развивающихся социальных практик в настоящее время выступает интернет-коммуникация. По мнению О.С. Иссерс, частью социальной деятельности выступает определённая дискурсивная практика, которая понимается как «динамичная организация тех коммуникативных систем внутри социума, которая, с одной стороны,

отражает характерные для данной социальной общности речевое поведение и мышление, а с другой – формирует новые формы коммуникации в данной социокультурной реальности» [Иссерс 2015: 65]. Развитие современной коммуникации в Интернете происходит за счёт неуклонной технологической, национальной, тематической, жанровой и другой сегментации интернет-пространства. При этом в Сети постоянно формируются и развиваются различные дискурсивные практики, или виды дискурса, в том числе и политический интернет-дискурс как предмет нашего исследования.

О.Л. Михалёва справедливо полагает, что применение метода дискурсивного анализа при изучении современной политической коммуникации может быть результативным, «потому что он задаёт тот ракурс исследования, который позволяет осмыслить важную, сущностную сторону этой области функционирования языка – специфику осуществляемой в ней концептуализации мира, порождающей широкий спектр форм манипулятивного воздействия» [Михалёва 2008:7].

Как известно, в настоящее время специфика манипулятивного воздействия в различных видах дискурса изучается достаточно широко, однако до сих пор не выработано единого определения понятия речевой (языковой) манипуляции. Так, например, И.Г. Катенёва определяет языковое манипулирование как «манипулирование, осуществляемое путём сознательного и целенаправленного использования тех или иных особенностей устройства и употребления языка» [Катенёва 2008: 37]. При этом автор отмечает, что независимо от сферы проявления, любая манипуляция «характеризуется следующими признаками: скрытостью воздействия и его управляющим характером; наличием явного и неявного уровней воздействия; отношением адресанта коммуникации к адресату как средству достижения целей; стремлением инициатора общения изменить установки реципиента, чтобы получить односторонний выигрыш» [Катенёва 2010:8].

М.А. Семкин рассматривает манипуляцию как разновидность коммуникативного воздействия в политическом дискурсе и определяет её так: манипуляция – это «информационная деятельность, направленная на психологическую сферу реципиента (его мысли, намерения, чувства, духовное состояние, внутренний мир и т. п.), осуществляемая скрытым образом в интересах манипулятора с целью управления массовым сознанием и поведением аудитории» [Семкин 2012: 8]. Г.А. Копнина интерпретирует языковое манипулирование как разновидность психологического воздействия и отмечает, что «речевое манипулирование связано как со скрытыми от адресата целями, так и с особой речевой организацией текста (техникой построения речи, в том числе с риторическими приемами), восприятие которого приводит к добровольному принятию адресатом решения, выгодного манипулятору» [Копнина 2010: 29]. Обобщая приведенные характеристики речевой манипуляции, отметим, что многие современные исследователи относят языковое манипулирование к особому виду речевого воздействия и называют в качестве его основных признаков скрытый характер, а также использование всех возможных средств языковой системы, способов организации текста и приемов выразительности с целью оказания влияния на реципиента.

Цель данной работы заключается в характеристике средств речевой выразительности в качестве приёмов манипулятивного воздействия на интернет-пользователей в процессе интерпретации участниками политических сообществ актуальных политических событий.

Основная часть

Материалы и методы исследования. В качестве материала для выявления особенностей манипулятивного использования средств речевой выразительности участниками интернет-сообществ были исследованы тексты 30 постов и 119 комментариев, посвященные обсуждению протестных митингов в Москве в июле – августе 2019 г., которые были размещены в группе «Политика» запрещённой в настоящее время в России социальной сети «Фейсбук» в период с 24 июля 2019 г. по 7 августа 2019 г. Кроме того, были изучены тексты 50 постов и более 100 комментариев к ним, размещённые в период с 6 января 2022 г. по 29 января 2022 г. в другом сообществе этой же социальной сети с одноимённым названием «Политика». В процессе исследования применялись методы содержательного, сопоставительно-смыслового, стилистического и риторического анализа интернет-текстов.

Кратко напомним основные этапы развития анализируемых политических событий. Известно, что протестное движение летом 2019 г. в Москве возникло в результате того, что Московская городская избирательная комиссия не допустила к выборам в Московскую городскую думу часть независимых кандидатов из-за высокого процента от числа поданных ими документов недействительных бюллетеней. Это решение избирательной комиссии Москвы вызвало волну негодования определенной части избирателей, за которым последовали акции гражданского неповиновения. Они сопровождались массовыми административными арестами незарегистрированных кандидатов и жёсткими действиями по отношению к митингующим со стороны представителей силовых структур. Результатом урегулирования ситуации явилось допущение некоторых независимых кандидатов к выборам и увеличение мест оппозиционно настроенных депутатов Московской городской думы.

Протестные движения в Казахстане в январе 2022 г. тоже широко обсуждались в социальной сети «Фейсбук». Напомним о том, что 2 января 2022 г. в Казахстане после резкого повышения цен на сжиженный газ и перехода на рыночный механизм ценообразования начались народные протесты сначала в городе Жанаозене, а затем и в других городах страны. По мере развития протестного движения его участники потребовали отставки правительства и ухода из политической деятельности бывшего первого президента страны Нурсултана Назарбаева. Затем в Алма-Ате начались массовые беспорядки, после которых в Казахстане было объявлено чрезвычайное положение. По официальному запросу президента Казахстана Касыма-Жомарта Токаева 6 января 2022 г. было объявлено о начале операции Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), во время которой в страну были введены подразделения вооружённых сил России и ещё 5 стран-участниц. В результате проведения антитеррористической операции силами ОДКБ правопорядок в стране был восстановлен, о чем власти Казахстана объявили уже 7 января 2022 г.

Совершенно естественно, что описанные выше политические события стали предметом обсуждения среди участников анализируемых нами интернет-сообществ.

Результаты анализа и их обсуждение. Изучение размещённых в интернет-сообществах материалов свидетельствует о том, что в текстах постов и комментариев к ним были выявлены те же средства речевой выразительности, которые используются в реальном политическом дискурсе. Как справедливо отмечают Г.А. Копнина и А.П. Сковородников, «выразительные средства являются такими языковыми средствами, которые способствуют

точности, логичности, ясности, экспрессивности (эмоциональности, оценочности, интенсивности и образности) и обеспечивают полноценное (максимально приближенное к пониманию заложенной в тексте информации) восприятие речи адресатом» [Копнина, Сквородников 2003: 38]. В процессе анализа интернет-текстов были выявлены следующие риторические средства: метафора, метонимия, эпитет, сравнение, ирония, намёк, парадокс, вопросно-ответный комплекс, риторический вопрос, риторическое восклицание, парцелляция, антитеза и другие. Рассмотрим реализацию некоторых наиболее употребительных средств выразительности в анализируемых текстах.

Наиболее частотным риторическим средством, используемым в текстах постов и комментариев анализируемых политических сообществ, выступает метафора, примерами реализации которой могут служить такие речевые обороты, как: *воровать будущее; воровать голоса; запуск «сценария 2024»; качать газ из диктатуры; конструкция власти; опричники в сетях; погасить протест; поддерживать в тлеющем состоянии костерки гражданской войны; прислужники диктатора; российская верхушка; светочи демократии; сливать протест; транзит власти 2024 г.; уровни властной вертикали; эффект домино в регионах* и другие.

Анализ приведённых метафорических высказываний свидетельствует о том, что названные риторические средства также неоднородны: отдельные метафорические выражения характеризуются более высокой степенью общеупотребительности в современном русскоязычном политическом медиадискурсе, другие – менее высокой; некоторые метафоры относительно нейтральны в стилистическом отношении, при этом определённые тропы характеризуются принадлежностью к стилистическому регистру просторечной, грубой, жаргонной речи. Принимая ставшее хрестоматийным понимание метафоры как способа познания действительности, отметим, что метафорические высказывания в то же время обладают свойством «менять видение ситуации, подсказывать принятие решения, влиять на поведение», иначе говоря, обладают манипулятивным потенциалом и потому регулярно употребляются в политическом дискурсе, в том числе виртуальном [Иссерс 2011: 163].

В качестве подтверждения идеи манипулятивного использования метафоры в текстах политического дискурса приведём следующие текстовые фрагменты: (а) *«В Украине наши досрочные выборы уже окрестили Электоральным Майданом. Голосованием за несистемного клоуна Зеленского украинцы не дали сесть на трон системным казнокрадами и мздоимцам. То же самое и с народными депутатами...»* (Юрий Компанець 23.07.2022); (б) *«Всё вышесказанное однозначно свидетельствует о том, что события в Казахстане пытаются использовать в своих интересах иностранные спецслужбы, действующие в том числе через псевдоисламских экстремистов. Таким образом, Россия не может оставаться безучастной, когда ближайшего к нам соседа, где проживает порядка 3,5 млн русских людей (в основном на севере страны), пытаются погрузить в хаос, который неизбежно будет сопровождаться притеснениями русских и ростом террористической угрозы для России»* (Мильвит Сергей 08.01.2022).

В представленных выше текстовых фрагментах из постов участников интернет-сообществ употребляются такие метафоры, как «электоральный майдан», «несистемный клоун», «сесть на трон», «системные казнокрады и мздоимцы», «погрузить в хаос», «рост

террористической угрозы». Во фрагменте (а) метафоры используются для выражения позитивного отношения члена политического сообщества (гражданина Украины) к досрочным выборам президента этой страны, в результате которых, как утверждает интернет-пользователь, к власти пришли честные, неподкупные люди, противостоявшие, по его мнению, коррупционерам и взяточникам. Во фрагменте (б) автор, используя метафорические выражения, пытается обратить внимание других интернет-пользователей на существование скрытых геополитических угроз, которые могут, зародившись в определённом регионе, распространиться на территории ближайших стран-соседей. Таким образом, метафоры нередко используются в интернет-текстах как способ декларирования авторской точки зрения, формирования программируемого интернет-пользователем отношения к политическому событию. Наши выводы о роли метафоры в современных интернет-текстах политической направленности хорошо согласуются с утверждением А.П. Чудинова о том, что «метафора является мощным средством преобразования существующей в сознании адресата политической картины мира, побуждения его к определённым действиям и формирования у него необходимого адресанту эмоционального состояния» [Чудинов 2008: 127–128].

Изучение текстов постов и комментариев к ним в выбранных политических сообществах свидетельствует о высокой частоте употребления эпитета. Эпитет – это «основанное на переносе значения образное, экспрессивное, стилистически значимое слово или словосочетание в синтаксической функции определения или обстоятельства (реже сказуемого)» [Емельянова 2003: 781]. Эпитет, по мнению Т.В. Матвеевой, «противопоставлен обычному стилистически нейтральному определению по своей стилистической окрашенности, которая полнее всего достигается с помощью переноса лексического значения» [Матвеева 2003: 407]. Использование эпитета чрезвычайно эффективно не только для создания особой образности высказывания, но и для оказания воздействия на читателя, так как эпитет, как полагают авторы «Экспериментального системного толкового словаря стилистических терминов» С.Е. Никитина и Н.В. Васильева, «перегруппировывает уже имеющиеся признаки, вынося на первый план то, что говорящему представляется наиболее существенным и эмоционально значимым, и, следовательно, экспрессивным» [Никитина, Васильева 1996: 156].

В качестве иллюстрации приведём следующие атрибутивные словосочетания, содержащие эпитеты: *американский сценарий; гнилые либералы; диванный коммунист и патриот; красная строка; красная чума; крутейший историк; навальнятская сволочь; несанкционированные митинги; несистемная оппозиция; несогласованная акция; обстоятельная классовая борьба; обычный кремлевский провокатор; околополитические гламурные программы; оранжевая проказа; политический террор; правящая клика; провластные СМИ; прогнившие коммунисты; продажные социологи (СМИ, суды); протестное движение; протестные гуляния; пушечное мясо; репрессивная машина; свежееизбранные Гудков, Яшин и Соболев; слепой протест; чудовищный произвол и другие.*

Приведённые выше словосочетания неоднородны в узуальном отношении, поскольку большинство из них являются штампами газетно-публицистического стиля русского литературного языка, отдельные определения являются окказиональными, индивидуально-авторскими. При этом все эпитеты создают особую экспрессивность речевого высказывания

и формируют у участников интернет-дискуссии соответствующий модус восприятия обсуждаемого политического события, например: (а) *«По мнению Зюганова, произошедшее в Москве – это реализация “американского сценария” с использованием недовольства, в первую очередь молодёжи, в политических целях (Николай Смирнов 04.08.2019); (б) В МИД подчеркнули, что правоохранители республики противостоят террористам, а не мирным протестующим, как это преподносят некоторые СМИ. Во внешнеполитическом ведомстве заявили, что Казахстан подвергся вооружённой агрессии хорошо скоординированных групп террористов, прошедших подготовку за границей. “По предварительным данным, среди нападавших есть лица, имеющие опыт боевого участия в горячих точках на стороне радикальных исламистских группировок», – говорится в сообщении МИД»» (Александр Ушаков 10.01.2022).*

Приведённые текстовые фрагменты хорошо иллюстрируют тезис о возможности перегруппировки признаков явлений и предметов, которые выражаются при помощи эпитетов. Такая перегруппировка позволяет авторам «жонглировать» смыслами, задавая нужный интернет-пользователям вектор в восприятии и оценке политических событий.

Пожалуй, одним из самых частотных приёмов создания текстов постов и комментариев к ним в анализируемых политических сообществах выступает ирония. В современных справочниках по культуре русской речи этот термин определяется двояко: во-первых, ирония понимается как употребление выражения в значении, имеющем смысл, противоположный буквальному; во-вторых, этим понятием обозначается «вид комического, в котором критическое отношение к объекту осмеяния носит осуждающий характер и выражается в несколько завуалированном виде» [Сковородников 2003: 227]. Изучение интернет-текстов, созданных участниками политических сообществ, свидетельствует о преобладающем употреблении приема иронии как средства осуждения политического оппонента и формирования к нему программируемого негативного отношения у других участников сетевой дискуссии. Подтверждением отмеченной особенности могут служить следующие текстовые фрагменты, в которых реализован прием иронии (правописание оригинала сохранено): (а) *«Перед каждым митингом его принимают у дома, чтобы его как организатора и нарушителя режима отбывания условного наказания нельзя было принять и посадить всерьёз. Ну а Леша типа не догадывается, что его при выходе из дома примут, и так хочет прийти на митинг, что никак не додумается перед митингом заночевать в другом месте. Цирк да и только (Денис Восьмов 23.07.2019); (б) Вот насколько сильна позиция некоторых особенно сочувствующих незарегистрированным кандидатам Мосгордумы. Чуть что – за границу! А как же борьба с режимом или она тоже в YouTube-канале пройдёт? (Максим Купричёв 05.08.2019); (в) С удивлением не обнаружил в утренних лентах новостей заявлений Офиса президента о полной и безоговорочной поддержке абсолютно справедливых требований казахского майдана. В то время как.., Зеленский прохлаждается в Буковеле в компании сбежавшего из «Рэдиссона» Коломойского. Патриотическая общественность, возглавляемая вторым сбежавшим президентом Украины Петром Порошенко, негодует!» (Alexandr Zubchenko 05.01.2022).*

Приведённые текстовые фрагменты показывают, что применение иронии в анализируемых интернет-текстах является не только риторическим средством, но и приёмом развертывания речевого произведения. Кроме того, ирония участников политических

сообществ нередко выступает способом аргументации собственной политической позиции и осуждения, осмеяния позиции оппонента, поэтому не удивительно, что ирония в политическом интернет-тексте часто трансформируется в сарказм, едкую насмешку.

В группе выявленных в процессе анализа интернет-текстов участников политических сообществ «Фейсбук» риторических фигур особо отметим функциональную роль вопросно-ответного комплекса (хода – в терминологии А.П. Сковородникова) и риторических вопросов как синтаксических приёмов создания экспрессивности и эмоциональности высказывания, методов развертывания текста и способов выражения авторской позиции.

Вопросно-ответный комплекс – один из частотных стилистических приёмов, используемый авторами текстов постов и комментариев к ним в анализируемых сетевых сообществах. Нам представляется, что применение его в данных текстах не только оправдано, но и целесообразно, поскольку введение вопросно-ответного комплекса в речь участника сетевой дискуссии имеет большие выразительные возможности: применение этого приёма способствует диалогизации монологических высказываний интернет-пользователей, создаёт особую тональность своеобразного полемического задора в коммуникации, придаёт тексту оттенки непринужденного общения.

В качестве иллюстрации приведём пример реализаций вопросно-ответного комплекса в анализируемых текстах (правописание оригинала сохранено): «Поэтому на вопрос: Почему даже в Голодовках Алексея Навального и ранее Олега Сенцова (проведшего 145 суток голодовку), Михаила Саакашвили принимали участие, на солидарной основе, только горстка общественных активистов?! Ответ лежит на поверхности и ясен любому здравомыслящему Человеку. Во-первых, не хватает протестного, мужественного Духа и с учётом своей самозванной, “оценкой своей личности в истории”, как бы между девочками говоря, – не “выдавившие из себя по каплям раба” (Кабы мне не было худо)!» (Ramazan Yessergepov 23.01.2022).

Далее будет рассмотрена специфика функционирования в анализируемых интернет-текстах риторического вопроса. Как известно, риторический вопрос не требует ответа, так как имплицитно уже содержит его. Другими словами, риторический вопрос «изображает сомнения или раздумья говорящего и одновременно сообщает о результатах этих раздумий или хотя бы намекает на них» [Хазагеров, Ширина 1999: 264]. Основной функцией риторического вопроса в текстах протестного политического интернет-дискурса является, на наш взгляд, активизация мыслительной деятельности адресата сообщения в программируемом автором текста аспекте, скрытый призыв к действию и очень часто, к сожалению, попытки оскорбить других участников дискуссии. В качестве иллюстрации могут служить следующие текстовые фрагменты: (а) «В 2012 сели все, кроме Алёши. При этом, его всегда спокойно пускают за кордон, с непогашенной условкой (есть ли в истории нашего государства ещё такие прецеденты?) (Денис Восьмов 23.07.2019); (б) Хороший предвыборный ролик...думаю, у других будут не хуже... «пора действовать» – это как на Майдане или...?)) Может, хватит имитировать борьбы или действия?» (Юрий Компанець 02.08.2019).

Автор текстового фрагмента (а) задает риторический вопрос, касающийся отношения официальной российской власти к отмеченным в прошлом прецедентам свободных поездок Алексея Навального, не имевшего права выезжать за границу РФ из-за наличия

непогашенного условного срока судимости по делу компании «Ив Роше». В текстовом фрагменте (б) гражданина Украины, по сути, содержится скрытый призыв участников сообщества к более активным протестным действиям в России.

Наши наблюдения за особенностями функционирования риторического вопроса в текстах сетевых дискуссий по политической проблематике в целом подтверждают высказывание А.К. Михальской о том, что риторический вопрос – это «эффективная фигура диалогизации монологической речи, служащая для смыслового и эмоционального выделения её смысловых центров, для формирования эмоционально-оценочного отношения адресата к предмету речи, а также для представления адресату особенно важных в смысловом отношении этапов рассуждения (доказательства)» [Михальская 1996: 241].

Заключение

Подводя предварительные итоги изучения манипулятивных возможностей употребления средств речевой выразительности участников политических интернет-сообществ социальной сети «Фейсбук», отметим, что сравнительный анализ специфики функционирования риторических тропов и фигур в текстах участников двух политических сообществ сети «Фейсбук» подтвердил предположение о том, что интернет-тексты политических сообществ, в которых размещаются материалы преимущественно протестной направленности, характеризуются высокой частотой и интенсивностью использования выразительных возможностей русского языка.

Выявленные в процессе анализа риторические средства и приёмы полифункциональны, так как они позволяют следующее: отчётливо выразить политическую позицию автора интернет-текста; способствуют личностной самопрезентации участника интернет-дискуссии; помогают членам виртуального сообщества принять активное участие в онлайн-обсуждении и переживании актуальных общественно-политических событий; формируют образ врага, то есть политического оппонента, с целью его дискредитации и нередко – оскорбления; реализуют функцию программируемого воздействия на интернет-пользователей; создают особую экспрессивность текста протестного политического интернет-дискурса; способствуют манипуляции сознанием интернет-пользователей. При этом целью речевой манипуляции практически повсеместно является попытка навязать оппонентам свою точку зрения, своё видение обсуждаемых политических событий, оскорбить несогласных с авторской точкой зрения, реализовать вербальную агрессию, привлечь политических единомышленников. Обобщая, отметим, что манипулятивный потенциал риторических средств, используемых в виртуальном политическом дискурсе, абсолютно идентичен манипулятивным возможностям средств выразительности, которые используются в реальной политической коммуникации.

Список литературы

1. Емельянова О.Н. Эпитет // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. Ред. Л.И. Иванов, А.П. Сковородников, Е.Н. Ширяев. М.: Флинта, Наука, 2003. С. 781–782.
2. Иссерс О.С. Дискурсивные практики нашего времени. М.: ЛЕНАНД, 2015. 272 с.
3. Иссерс О.С. Речевое воздействие. М.: Флинта, Наука, 2011. 224 с.

4. Катенёва И.Г. Манипулятивный потенциал иронии в газетно-публицистическом дискурсе (на материале «Новой газеты») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2008. Т. 7. Вып. 2: Филология. С. 37–43.
5. Катенёва И.Г. Механизмы и языковые средства манипуляции в текстах СМИ (на примере общественно-политических оппозиционных изданий): автореф. ... к. филол. н. Новосибирск, 2010. 25 с.
6. Копнина Г.А. Речевое манипулирование: учеб. пособие. 3-е изд. М.: Флинта: Наука. 2010. 176 с.
7. Копнина Г.А., Сквородников А.П. Выразительные средства языка // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожин. М.: Флинта, Наука, 2003. С. 37–39.
8. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: Флинта, Наука, 2003. 432 с.
9. Михалёва О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2009. 256 с.
10. Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово. М.: Просвещение, 1996. 416 с.
11. Никитина С.Е, Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М.: РАН Институт языкознания, 1996. 172 с.
12. Семкин М.А. Политический комментарий как особый вид манипулятивного дискурса. Автореф. ... к. филол. н. М., 2012. 19 с.
13. Сквородников А.П. Ирония // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. Ред. Л.И. Иванов, А.П. Сквородников, Е.Н. Ширяев. М.: Флинта, Наука, 2003. С. 227–229.
14. Хазагеров Т., Ширина Л. Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 320 с.
15. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. 3-е изд., испр. М.: Флинта, Наука, 2008. 256 с.

References

1. Emel'yanova O.N. Epitet [Epithet]. Kul'tura russkoi rechi: Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik. Moscow, Flinta, Nauka, 2003, pp. 781-782. (In Russ.).
2. Issers O.S. Diskursivnye praktiki nashego vremeni [Discursive practices of our time]. Moscow, LENAND, 2015, 272 p. (In Russ.).
3. Issers O.S. Rechevoe vozdeistvie [Speech impact]. Moscow, Flinta, Nauka, 2011, 224 p. (In Russ.).
4. Kateneva I.G. Manipulyativnyi potentsial ironii v gazetno-publitsisticheskom diskurse (na materiale «Novoi gazety») [The Manipulative Potential of Irony in Newspaper and Journalistic Discourse (Based on the Material of Novaya Gazeta)]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2008, vol. 7, iss. 2, Filologiya, pp. 37-43. (In Russ.).
5. Kateneva I.G. Mekhanizmy i yazykovye sredstva manipulyatsii v tekstakh SMI (na primere obshchestvenno-politicheskikh oppozitsionnykh izdaniy) [Mechanisms and linguistic means of manipulation in media texts (on the example of socio-political opposition publications)]. PhD dissertation abstract. Novosibirsk, 2010, 25 p. (In Russ.).
6. Koptina G.A. Rechevoe manipulyrovaniye [Speech manipulation]. Moscow, Flinta, Nauka, 2010, 176 p. (In Russ.).

7. Копнина Г.А., Сквородников А.П. Vyrazitel'nye sredstva yazyka [Expressive means of language]. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka*. Moscow, Flinta, Nauka, 2003, pp. 37-39. (In Russ.).
8. Matveeva T.V. Uchebnyi slovar': russkii yazyk, kul'tura rechi, stilistika, ritorika [Educational dictionary: Russian language, culture of speech, stylistics, rhetoric]. Moscow, Flinta, Nauka, 2003, 432 p. (In Russ.).
9. Mikhaleva O.L. Politicheskii diskurs: Spetsifika manipulyativnogo vozdeistviya [Political discourse: The specifics of manipulative influence]. Moscow, Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2009, 256 p. (In Russ.).
10. Mikhal'skaya A.K. Osnovy ritoriki: Mysl' i slovo [Fundamentals of Rhetoric: Thought and Word]. Moscow, Prosveshchenie, 1996, 416 p. (In Russ.).
11. Nikitina S.E., Vasil'eva N.V. Eksperimental'nyi sistemnyi tolkovyi slovar' stilisticheskikh terminov. Printsipy sostavleniya i izbrannye slovarnye stat'i [Experimental system explanatory dictionary of stylistic terms. Principles of compilation and selected entries]. Moscow, RAN Institut yazykoznaniya, 1996. 172 p. (In Russ.).
12. Semkin M.A. Politicheskii kommentarii kak osobyi vid manipulyativnogo diskursa [Political commentary as a special kind of manipulative discourse]. PhD dissertation abstract. Moscow, 2012, 19 p. (In Russ.).
13. Skovorodnikov A.P. Ironiya [Irony]. Kul'tura russkoi rechi: Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik. Moscow, Flinta, Nauka, 2003, pp. 227-229. (In Russ.).
14. Khazagerov T., Shirina L. Obshchaya ritorika [General rhetoric]. Rostov-na-Donu, Feniks, 1999, 320 p. (In Russ.).
15. Chudinov A.P. Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]. Moscow, Flinta, Nauka, 2008, 256 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е.М. Крижановская – кандидат филологических наук, доцент,
кафедра журналистики и массовых коммуникаций,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

E.M. Krizhanovskaya – Ph. D. (Philology),
Associate Professor, Journalism and Mass Communications Department,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 19.06.2022; одобрена после рецензирования 16.07.2022; принята к публикации 25.08.2022.

The article was submitted 19.06.2022; approved after reviewing 16.07.2022; accepted for publication 25.08.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 8. С. 63–71.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2022. No. 8. P. 63-71.

Научная статья

УДК 821.161.1

doi: 10.24412/2713-0231-2022-8-63-71

КОНЦЕПТ «ЧАЙ» В ПОВЕСТИ В.А. ГИЛЯРОВСКОГО «ТРУЩОБНЫЕ ЛЮДИ»

Иван Валерьевич Бурдин¹, Борис Вадимович Кондаков²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ burdin@post.cz

² kondakovbv@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены особенности актуализации концепта «чай» в цикле бытописательных очерков В.А. Гиляровского «Трущобные люди», и выявляются связи художественного концепта «чай» в очерках с аналогичным лингвокультурным концептом. Авторами выявлены ключевые репрезентации изучаемого концепта («угощение», «товар», «часть алкогольной культуры» и др.). Раскрывается сюжетобразующая функция изучаемого концепта и отмечается, что концепт «чай» используется в очерках для углубленного раскрытия образов персонажей и реалий их повседневной жизни, способствует усилению реалистичности текста и связывает его с народной культурой. Особенности описания «чайной трапезы» в очерках «Трущобные люди» сопоставлены с традициями «русского литературного чаепития», представленными в творчестве других русских писателей XIX в. (А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А.Н. Островского, Ф.М. Достоевского, В.Т. Нарезного, Г.И. Успенского). Авторами доказывается, что В.А. Гиляровский завершал классический период «русского литературного чаепития» не только чисто хронологически, но и в плане поэтики, то есть объединил в тексте повести все основные сформировавшиеся ранее в русской литературе тенденции. Концепт «чай» связывается с определенным символическим содержанием, помогающим раскрыть жизнь героев в ее бытовых, экономических и эстетических аспектах. Через призму повести «Трущобные люди» концепт «чай» раскрывается в качестве одной из значимых «констант русской культуры XIX в.

Ключевые слова: Гиляровский, концепт «чай», репрезентация, очерк, повесть, традиция.

Для цитирования: Бурдин И.В., Кондаков Б.В. Концепт «чай» в повести В.А. Гиляровского «Трущобные люди» // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 8. С. 63–71. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-8-63-71>

Original article

CONCEPT "TEA" IN "THE STORIES OF THE SLUMS" BY V.A. GILYAROVKY

Ivan V. Burdin¹, Boris V. Kondakov²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ burdin@post.cz

² kondakovbv@gmail.com

Abstract. The article considers the peculiarities of actualization of concept "tea" in the work of V.A. Gilyarovsky "The Stories of the Slums" The authors identified key representations of the concept, the specifics of the tea meal in the story are compared with the traditions of the "Russian literary tea party." The commonality of approaches in illustrating the process by V.A.Gilyarovsky and other Russian writers of the 19th century was noted, that is, the actualization of the concept "tea" in the work is considered in the context of the trends that existed in the modern author of literature; in addition, the connection with both the texts of the previous era (1840-1860) and the subsequent periods of the history of literature has been analyzed in detail. The authors prove that V.A. Gilyarovsky not only chronologically, but also ideologically completed the classical period of the "Russian literary tea party," united in the text of the story all the trends formed in literature. The article notes that the description of the drink-related realities of the life of the heroes of "The Stories of the Slums" gives the text a realness indicates the everyday nature of the essays from which the story was compiled. Tea becomes a symbolic detail illustrating life in its domestic, economic and aesthetic aspects. The article revealed representations of the concept, thanks to which tea begins to play a similar role. The plot-forming function of the studied concept, as well as its significance in revealing the images of the heroes, was noted. The connection of the artistic concept "tea" in the work of V.A. Gilyarovsky with the concept of linguocultural, references to the drink are compared with oral folk art. Through the prism of the story "The Stories of the Slums" the concept of "tea" is considered as one of the "constants of Russian culture"

Keywords: Gilyarovsky, concept 'tea', representation, story, essay, tradition.

For citation: Burdin I.V., Kondakov B.V. Concept "tea" in "The stories of the slums" by V.A. Gilyarovky. Humanitarian Studies. History and Philology. 2022;8:63-71. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-8-63-71>

Введение

Русская литература XIX в. создала множество символов и связанных с ними типических образов, которые составили «ядро» русской классики, во многом определявшее дальнейшее развитие литературы. Но не меньшее значение для формирования русской культуры как особого рода целостности имеют соотнесенные с этими образами *мотивы* и *концепты*, определившие «фактуру» национальных особенностей литературы. Однако если системный анализ сюжетов, образов и мотивов давно уже стал важнейшей частью изучения текстов, исследование связи художественного произведения с концептосферой национальной культуры обычно остается на периферии литературоведческого знания.

Концепт – понятие, сформировавшееся на пересечении различных гуманитарных дисциплин, – философии, культурологии, искусствоведения, литературоведения и лингвистики. В российской гуманитаристике термин «концепт» впервые стал использоваться в 1928 г. С. Аскольдовым, который интерпретировал его как особое «мысленное образование», замещающее «неопределённое множество предметов одного и того же рода», увиденных с позиции конкретного субъекта – читателя; с его точки зрения «проблема концепта и проблема художественного слова <...> положительно совпадают» [Аскольдов

1997: 267–279]. Концепт можно рассматривать в качестве многомерной «ментальной единицы с доминирующим ценностным элементом» [Карасик 2001: 75–80], которая раскрывает связи, возникающие между языком и культурой.

Таким образом, исследование концептов, выраженных в том или ином тексте (в том числе художественном произведении), нередко позволяет раскрывать глубинные связи между реалиями культуры разных эпох.

Одним из самых своеобразных концептов, характеризующих русскую культуру XIX в., с нашей точки зрения, является концепт «чай». Чай и связанная с ним традиция чаепития имеет в русской культуре два основных источника – культуру Востока (в первую очередь – Китая, откуда чай в конце XVII в. пришел в Россию) и западно-европейскую культуру (прежде всего английскую), которая стала активно воздействовать на русскую культуру на рубеже XVIII – XIX вв. С другой стороны, на протяжении XIX в. чай и чаепитие стали важной частью русской национальной культуры, что позволяет сделать вывод о том, что в этом концепте пересекается несколько национальных традиций, а также разных исторических эпох. Этот процесс отразился в русской литературе XIX в., создавшей множество вариантов репрезентаций концепта, соотнесённых как с бытовыми, так и эстетическими реалиями. Среди репрезентаций ярко выделяются такие как «атрибут гостеприимства», «мерило достатка», «атрибут межкультурной коммуникации», «часть алкогольной культуры» [Бурдин, Бурдина 2019; Бурдин 2021].

В 1880–1890-х гг. чай и процедура чаепития, уже достаточно прочно вошедшие в русский национальный быт, стали появляться в очерковой литературе, играя роль особой символической детали, характеризующей повседневную жизнь в её бытовых, экономических и эстетических аспектах.

В качестве яркого примера такого рода можно привести произведения В.А. Гиляровского – писателя и журналиста, следовавшего реалистическим принципам русской литературы. В.А. Гиляровский был художником, который необычайно хорошо ощущал современность и тенденции развития культуры; с другой стороны, он необычайно точно характеризовал свое время и умел вычленив из множества бытовых подробностей самое важное и ценное. Свидетельства этого автора, касающиеся московского быта, исследователи считают в высшей степени достоверными. «Гиляровский был живой памятью Москвы, нестареющим ее библиографом» [Шпилянский 2013: 59]. Литературовед А.А. Охременко, характеризовавший В.А. Гиляровского как писателя и журналиста, прожившего в Москве более 50 лет и завоевавшего «репутацию знатока московской жизни», особо подчеркивал, что не только скрупулезный подход библиографа, но и сами обстоятельства жизни делали его настоящим экспертом московских реалий конца XIX в. [Охременко 2013: 144]. Той же точки зрения придерживается и автор монографии «Репортажи В.А. Гиляровского Б.И. Есин: «Гиляровский в конце концов оказался московским старожилом, «всезнающим» москвичом. Немного найдется людей, которые так хорошо знали бы Москву последней трети XIX – начала XX вв., ее окрестности, быт и нравы, как Гиляровский» [Есин 1985: 2].

Основная часть

Наиболее известное и значимое произведение В.А. Гиляровского как писателя – повесть «Трущобные люди», которая создавалась в 1880-е гг., а полностью опубликована была уже после Октябрьского переворота, в 1957 г. Повесть «Трущобные люди» состоит из отдельных очерков-рассказов, связанных едиными принципами изображения действительности и выбора персонажей, едиными местом действия, историческим периодом, проблематикой и стилем.

В повести «Трущобные люди» – произведении, отразившем самые разные – в том числе и весьма неприглядные – стороны жизни москвичей конца XIX в., многократно упоминался чай. Использование этого концепта организует все рассказы в единый текст; при этом «чай» оказывается связанным с несколькими сформировавшимися ранее в русской классической литературе репрезентациями, которые позволяют выстроить смысловые линии развития культуры. «Из дядиной семьи, где он был принят и обласкан как сын родной, Воронов очутился в казармах, под командой фельдфебеля, выкреста из евреев, и дядьки, вятского мужика, заставлявшего своего “племяша” чистить сапоги и по утрам бегать в лавку и трактир с жестяным чайником за покупкой: “на две – чаю, на две – сахару и на копейку – кипятку”» [Гиляровский 1988: 8]. В приведенном примере актуализируется репрезентация концепта «чай» как *товара*, характеризующего *экономическую ситуацию*, в которой находится персонаж произведения. Обращение к напитку в контексте материальных благ характерно для творчества Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого.

Анализ данной цитаты позволяет сделать противоречивые выводы. С одной стороны, чай оказывается уже не столь дорогим продуктом: количество чая, необходимое для приготовления одной (или нескольких) чашек, стоит всего в два раза больше, чем вода («кипяток»), необходимый для приготовления такого объема напитка. Однако для героев В.А. Гиляровского чай всё равно оказывается достаточно дорогим напитком, поэтому они не могут закупать его впрок и приобретают каждый раз порционно. Поскольку сам метод продажи чая небольшим количеством – «на вес» – в Москве действительно существовал, можно предположить, что такой способ торговли был необходим не только указанным персонажам произведения, но и оказывался востребованным среди самых разных слоев жителей города.

Чай упоминается и в рассказе сторожа белильного завода в главе «Обреченные». Вспоминая встречу у ворот с «обреченным» (как следует из названия главы) – бывшим офицером, пришедшим просить работу на заводе от безысходности, – сторож рассказывает: «– Здравствуй, – гырт, – Размоляев! – Заплакал и я тут... Повел его в сторожку, чайком, водочкой угостил...» [Гиляровский 1988: 14]. Чай здесь упоминается вместе с водкой, однако в данном случае речь идет не о традиции, предполагающей употребление и того, и другого напитка и их подачу к «изысканному столу», а о «народном» характере обоих продуктов, а также – как следует из контекста – о необходимости «обогреть» и «пожалеть» путника, с чем прекрасно справляется чай, – но только одновременно с алкогольным горячительным напитком. Необходимо отметить, что народный характер чая – в начале русского травяного, а затем и китайского – отражен во всей литературе XIX в., при этом в творчестве таких писателей, как Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, А.Н. Островский, Г.И. Успенский.

Чай пьют персонажи В.А. Гиляровского и в кабаке, при этом напиток вновь оказывается соотнесен с водкой, однако здесь взаимосвязь между ними, на первый взгляд, оказывается лишь на текстовом уровне: «Он пил водку чайным стаканом и говорил что-то своим собеседникам» [там же: 43]. Безусловно, эта выразительная деталь характеризует не какие-либо особенности русской чайной культуры, а только подчеркивает неумеренность героя в питии, поскольку чайный стакан имеет гораздо больший объем, нежели обычная водочная рюмка.

Автор «Трущобных людей» подчеркивал дух бедности, присущий изображаемой в произведении обстановке, в которой отсутствует отдельная посуда для разных напитков, однако – на концептуальном уровне – в данном фрагменте все же прослеживается связь этих двух продуктов. Действие происходит в трактире, а в подобных заведениях основными напитками, потреблявшимися посетителями, были именно чай и водка. Такая ситуация нашла отражение, например, в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», в котором описывалось, как Раскольников, оказавшись в трактире, иногда заказывал чай, а иногда – водку. В романе Ф.М. Достоевского возникала и аналогичная комбинация двух традиционных «трактирных» концептов: сам гость [Раскольников] пьет чай, но трактирщику оставляет не чаевые, а “на водку”. В «Трущобных людях» чай в трактире подают гостю, не имеющему ни жилья, ни денег, который, однако, рассчитывает на то, что именно в трактире сумеет решить в себе все свои проблемы: «Подали чай, за которым Колесов рассказал субъекту свое горе, как его обокрали и как, наконец, попросили удалиться из номеров» [там же]. Примечательно, что этот разговор всё-таки приносит свои плоды, – таким образом, угощение чаем оказывается первым благодеянием, «жестом доброй воли», направленным в сторону несчастного путника. Таким образом мы видим, что употребление чая интерпретируется как *средство, облегчающее диалог участников и помогающее решению сложных проблем*. Подобным образом изучаемый концепт актуализируется в произведениях В.Т. Нарезного, М.П. Погодина, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова.

Третья ситуация, в которой в «Трущобных людях» упоминался чай, принципиально не отличалась от двух предыдущих. Именно за чаем новый знакомый предлагает герою начать разговор о том, как решить его жизненные проблемы:

«Они вышли оба вместе с паперти и пошли по улице. Дорогой он выплакал свое горе старику. Тот с участием выслушал его и сказал: – Не помочь твоему горю. Пропал значит, мошенники тебя обработали начисто. Не один ты погиб так, а многие.

– Что же теперь делать, дедушка?

– И сам не знаю что! А вот пойдем-ка в трактир, я тебя чайком напою, а там и подумаем» [там же: 46].

В рассмотренных эпизодах отчетливо прослеживается вариант репрезентации концепта «чай» – «чай как угощение». В таком качестве напиток предстает и в произведениях А.С. Пушкина, В.Т. Нарезного, А.Н. Островского. В «Трущобных людях» чай становится неким обязательным *минимальным* угощением, которое подается любому, даже незнакомому и нежеланному гостю, – вне зависимости от обстоятельств его появления и ситуации, – иными словами, заварка предлагается даже при посещении наиболее бедных домов (заведений, трактиров, сторожек) самым несчастным путником.

Оставаясь достаточно дорогим продуктом, чай в 1880-е гг. становится массовым, народным напитком, и появление в литературе подобных репрезентаций концепта «чай» отчетливо иллюстрирует эту закономерность. Более того, именно за чаем в «Трущобных людях» решаются важнейшие для русского обездоленного человека вопросы: где и на что ему жить.

Следующая ситуация, в которой в произведении В.А. Гиляровского появляется чай, демонстрирует активное проникновение чая в русскую культуру, – в том числе в ее народную, «фольклорную» составляющую. Героиня «Трущобных людей» исполняет песню (вероятнее всего, народную частушку), в которой упоминается чай. В тексте приведены лишь небольшие ее отрывки: «За столом, где не было лампы, а стояла пустая бутылка и валялась обсосанная голова селедки, сидел небритый субъект в форменной фуражке, обнявшись с пьяной бабой, которая выводила фальцетом: И чай пи-ла, я, бб-буллки-и ела, Паз-за-была и с кем си-идела» [там же: 49]. Спустя некоторое время героиня продолжает исполнение песни, опуская при этом все прочие, возможно, существующие в фольклорном тексте строчки и вновь переходит к тем, которые посвящены чаю: «И чай пила я с сухарями, / Воротилась с фонарями...» [там же: 56].

В процитированной песне можно увидеть метафорическую природу концепта «чай»: он помогает читателю понять особенности характера героини и среды, в которой она обитает, а также символизирует общение, которое далеко не всегда (если судить о чаепитии на основании полученных героиней песни травм), соответствует характеру традиционной чайной церемонии. Тот факт, что оказавшийся на социальном «дне» человек вспоминает о чае, может свидетельствовать о его желании подчеркнуть, что до попадания в безнадежную ситуацию в его жизни были и другие периоды, в которых находилось место и для чая, – напитка, который все еще оставался мерилем достатка (хотя бы минимального), и который не только соседствовал, но и конкурировал с иными продуктами, которые преимущественно пили герои Гиляровского. Использование концепта «чай» в обстановке, описанной в данном эпизоде «Трущобных людей», – некий оксюморон, подчёркивающий обращенную к самому себе иронию, – и в то же время способ выражения чувств героя, а обращение к частушке демонстрирует восприятие чая как *русского народного напитка*.

В другой подобной ситуации – в ночлежке с характерным названием «Каторга» – мир, в котором пьют чай, открыто противопоставлен миру большинства обитателей «Каторги». «Хозяин самодовольно взглянул на плоды рук своих, на гудевшую пьяную ватагу, мановением руки приказал убрать все еще лежавшего и хрипевшего старика и сел за “хозяйский” стол у буфета за чай...» [там же: 61]. Чай здесь представлен как «барский» напиток, который имеет право пить только хозяин, при этом для своего чаепития он требует создания определенной обстановки, подобающей для данной церемонии, – или, по крайней мере, заявляет о необходимости убрать злоупотребивших горячительными напитками персонажей.

В произведении Гиляровского встречается и такое понятие, как «чаевые» (хотя в тексте используется другое слово): «Двери будешь отворять, калоши, платье снимать... жалованья пять, да чайных с красненькую набежит, а к празднику и с четвертную наподают, только услужить смоги!» [там же: 67]. Обещая щедрые «чайные», купец предлагает своему новому

знакомому Иванову должность швейцара. Возможно, данное слово было употреблено в необычной форме намеренно, так как описанные В.А. Гиляровским ситуации плохо сочетались с таким источником дохода, как чаевые. Реакция Иванова на такое предложение прямо свидетельствует об этом: «Иванов счел это предложение за глумление и ушел, сопровождаемый насмешками» [там же].

Согласно имеющимся источникам, во второй половине XX в. не было распространенным не только слово «чайные», но и более привычное для нас слово «чаевые»: в России практика «дачи сверх жалования» обычно называлась «дать на чай». «Самое раннее упоминание этого слова в корпусе русского языка встречается у П. Федотова в поэме «Поправка обстоятельств, или Женитьба майора» (1848)» [Корчмина: электронный ресурс].

Единичными рублями
Там с простыми писарями
Не поладишь, им на чай
Тож полсотенку подай, –
Вот тогда язык развяжут
И вакансию укажут,
Да научат и уму,
То есть сколько и кому
Да и в руки ль самому. [Федотов 1854: 19].

Отдаление понятия «чаевые» от самого «чая», возможно, было обусловлено тем, что чаевые для работников трактиров и ресторанов служили единственным (или основным) источником заработка: «Заработок служащего в трактире состоял из получаемой от хозяина платы и чаевых. Хозяева платили мальчикам в среднем 2,8 рубля в месяц, половым – 8,1» [Лурье 2011: 22]. Указанные в исследовании суммы не сопоставимы со стоимостью проживания, поэтому именно «плата сверх жалования» оказывалась основным источником дохода этих работников.

Заключение

Упоминания чая присутствует и в других произведениях В.А. Гиляровского (например, цикле «Москва и москвичи»), – в том числе и опубликованных после Октябрьского переворота. В них использовались как названные выше репрезентации концепта «чай», так и новые, характерные уже для последующего периода. Таким образом, на протяжении всего творчества В.А. Гиляровского чаепитие оставалось одним из центральных элементов сюжета и композиции произведений писателя, что особенно хорошо проявилось в текстах изучаемого нами периода – конца XIX в. Можно сказать, что произведения В.А. Гиляровского во многом подвели итог развитию русской литературы классического периода, обобщали действовавшие ранее тенденции. Это заметно при анализе художественных функций чая, рассмотренных нами сквозь призму анализируемого концепта.

Многочисленные репрезентации концепта «чай», которые были выявлены нами в «Трущобных людях», – «чай как средство раскрытия характера персонажа», «чай как способ характеристики среды обитания героев», «чай как способ организации диалога», «чай как специфический товар», «чай как средство решения проблем», «чай как мерило достатка», «чай

как угощение», выражающее добрые чувства одного персонажа по отношению к другому, «чай как русский народный напиток», – с одной стороны, связывали повесть с традициями репрезентации концепта и соотношенными с данными репрезентациями смыслами, сформированными русской литературой XIX в., а, с другой стороны, – оказывались способом раскрытия характера персонажей, образа автора и окружающей среды.

Список литературы

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология / под ред. проф. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. 317 с.
2. Бурдин И.В., Бурдина С.В. Художественный концепт «чай» в письмах русского путешественника // Филологический аспект. Нижний Новгород: НИЦ «Открытое знание», 2019. № 11 (55). С. 172–177.
3. Бурдин И.В. Чай и чаепитие в повести Ф.М. Достоевского «Записки из Мертвого дома» // Глаголы: альманах международного клуба / Н.В. Данилевская; И.Ю. Роготнев. Пермь: Изд-во «Пермский университет», 2021. С. 78–83.
4. Гиляровский В.А. Трущобные люди. Москва и Москвичи. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1988. 787 с.
5. Есин Б.И. Репортажи В.А. Гиляровского. М.: Изд-во «Московский университет», 1985. 112 с.
6. Карасик В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин; под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Изд-во «Воронежский государственный университет», 2001. С. 75–80.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 386 с.
8. Корчмина Е. Часто задаваемые вопросы о деньгах XVIII века [Электронный ресурс] // Арзамас. URL: <https://arzamas.academy/materials/1020> (дата обращения: 01.12.2022).
9. Лурье Л.Я. Питерщики. Русский капитализм. Попытка первая. СПб: БХВ, 2011. 288 с.
10. Охременко А.А. Язык города в творческой практике В.А. Гиляровского (на материале книги «Москва и москвичи») // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2013. № 4-2. С. 143–148.
11. Федотов П.А. Поправка обстоятельств, или Женитьба майора // Пантеон. № 1. СПб.: В. Поляков, 1854. С. 19.
12. Шпилянский Э.М. Гиляровский Владимир Алексеевич. 1853–1935. Русский писатель, поэт, знаток Москвы и России // Клиническая геронтология. 2013. № 19 (3–4). С. 58–59.

References

1. Askol'dov S.A. Kontsept i slovo [Concept and word]. Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: antologiya. Moscow, Academia, 1997, 317 p. (In Russ.).
2. Burdin I.V., Burdina S.V. Khudozhestvennyi kontsept «chai» v pis'makh russkogo puteshestvennika [The artistic concept of "tea" in the letters of a Russian traveler]. *Filologicheskii aspekt*. Nizhnii Novgorod, NITs «Otkrytoe znanie», 2019, no. 11 (55), pp. 172-177. (In Russ.).
3. Burdin I.V. Chai i chaepitie v povesti F.M. Dostoevskogo «Zapiski iz Mertvogo doma» [Tea and tea drinking in F.M. Dostoevsky "Notes from the House of the Dead"]. *Glagoly: al'manakh mezhdunarodnogo kluba*. Perm', Izd-vo «Permskii universitet», 2021, pp. 78-83. (In Russ.).
4. Gilyarovskii V.A. Trushchobnye lyudi. Moskva i Moskvichi. Kishinev: Kartya Moldovenyaske [Slum people. Moscow and Muscovites. Chisinau: Cartya Moldoveneasca], 1988, 787 p. (In Russ.).

5. Esin B.I. Reportazhi V.A. Gilyarovskogo [Reports by V.A. Gilyarovsky]. Moscow, Izd-vo «Moskovskii universitet», 1985, 112 p. (In Russ.).
6. Karasik V.I. Lingvokul'turnyi kontsept kak edinita issledovaniya [Linguistic and cultural concept as a unit of research]. *Metodologicheskie problemy kognitivnoi lingvistiki: sb. nauch. tr.* Voronezh, Izd-vo «Voronezhskii gosudarstvennyi universitet», 2001, pp. 75-80. (In Russ.).
7. Karasik V.I. Yazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, Gnozis, 2004, 386 p. (In Russ.).
8. Korchmina E. Chasto zadavaemye voprosy o den'gakh XVIII veka [Frequently Asked Questions About 18th Century Money]. Arzamas. (In Russ.). Available at: <https://arzamas.academy/materials/1020> (accessed: 01.12.2022).
9. Lur'e L.Ya. PETERSHCHIKI. Russkii kapitalizm. Popytka pervaya [Petersburgers. Russian capitalism. First attempt]. Saint Petersburg, BKhV, 2011, 288 p. (In Russ.).
10. Okhremenko A.A. Yazyk goroda v tvorcheskoi praktike V.A. Gilyarovskogo (na materiale knigi «Moskva i moskvichi») [The language of the city in the creative practice of V.A. Gilyarovsky (based on the book "Moscow and Muscovites")]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki.* 2013, no. 4-2, pp. 143-148. (In Russ.).
11. Fedotov P.A. Popravka obstoyatel'stv, ili Zhenit'ba maiora [Amendment of circumstances, or the Major's Marriage]. *Panteon.* Saint Petersburg, V. Polyakov, no. 1, 1854, pp. 19. (In Russ.).
12. Shpilyanskii E.M. Gilyarovskii Vladimir Alekseevich. 1853-1935. Russkii pisatel', poet, znatok Moskvy i Rossii [Gilyarovsky Vladimir Alekseevich 1853–1935 Russian writer, poet, connoisseur of Moscow and Russia]. *Klinicheskaya gerontologiya.* 2013, no. 19 (3-4), pp. 58-59. (In Russ.).

Информация об авторах

И.В. Бурдин – аспирант кафедры русской литературы,
Пермский государственный национальный исследовательский университет;
Б.В. Кондаков – профессор кафедры русской литературы
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

I.V. Burdin – Post-graduate Student of Russian Literature Department,
Perm State University;
B.V. Kondakov – Grand Ph. D. (Philology), Professor of Russian Literature Department,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 20.06.2022; одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 10.08.2022.

The article was submitted 20.06.2022; approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 10.08.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 8. С. 72–80.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2022. No. 8. P. 72-80.

Научная статья

УДК 81'271.2

doi: 10.24412/2713-0231-2022-8-72-80

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ПЕРИФРАЗЫ С КОМПОНЕНТОМ «БЕЛЫЙ»

Ирина Леонидовна Пересторонина

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
per.irina@mail.ru

Аннотация. В предлагаемой статье анализируется лингвоцветовая картина мира, которая является неотъемлемым компонентом культурной картины мира. Сравнение различных лингвокультур позволяет определить общие и отличные элементы. Цветовосприятие представляет собой универсальную категорию, однако, его реализация в языке и культуре может иметь как различия, так и сходства. Предметом исследования в настоящей статье являются топонимические перифразы наименований ряда городов мира. Целью статьи является выявление лингвокультурной специфики перифрастических наименований городов мира, содержащих компонент «белый», а также создание лингвокультурологического комментария обнаруженных перифраз. Исследовательский корпус данной статьи составили топонимические перифразы некоторых городов мира с колоративным компонентом «белый», таких как Арекипа (Перу), Мерида (Мексика), Остун, Альберобелло, Сиракуза и другие (Италия), Ла Рошель и Анже (Франция). Анализ исследовательского корпуса показал, что перифрастические наименования городов мира с компонентом белого цвета обладают такими общими признаками, как: 1) цвет природных ископаемых, из которых построены здания в городе (известняк, вулканические горные породы), а также цвет извести, производного от известняка материала; 2) положительная коннотация. К различным признакам можно отнести следующее: защита от инфекций, оптическое восприятие, свет, чистота, безопасность. Мы можем констатировать, что перифразы топонимов с компонентом «белый» имеют некоторые общие признаки, такие как, отражение природного богатства территорий, на которых находятся города. Во всех изученных лингвокультурах «белый» ассоциируется с горными породами. Во всех случаях «белый» обладает положительной коннотацией, выражает гордость жителей, представителей каждой лингвокультуры. Сопутствующими признаками, различными в лингвокультурах, выступают защита от инфекций, оптическое восприятие, свет, чистота, безопасность.

Ключевые слова: лингвоцветовая картина мира, топонимический перифраз, цветообозначения, лингвокультурологический комментарий, белый цвет.

Для цитирования: Пересторонина И.Л. Топонимические перифразы с компонентом «белый» // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 8. С. 72–80. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-8-72-80>

Original article

PERIPHRASTIC NAMES OF TOPONYMS WITH COMPONENTS "WHITE"

Irina L. Perestoronina

Perm State National Research University, Perm, Russia, per.irina@mail.ru

Abstract. The proposed article analyzes the linguo-color picture of the world, which is an integral component of the cultural picture of the world. Comparing different linguistic cultures allows you to identify common and distinct elements. Color perception is a universal category, however, its implementation in language and culture may have both differences and similarities. The subject of the research in this article is the toponymic periphrases of the names of a number of cities in the world. The purpose of the article is to identify the linguistic and cultural specifics of the periphrastic names of the cities of the world containing the component "white", as well as to create a linguoculturological commentary of the detected periphrases. The research body of this article consists of toponymic periphrases of some cities of the world with the color component "white", such as Arequipa (Peru), Merida (Mexico), Ostuni, Alberobello, Syracuse and others (Italy), La Rochelle and Angers (France). The analysis of the research building showed that the peripheral names of cities in the world with a white component have such common features as: 1) the color of the natural resources from which buildings in the city are built (limestone, volcanic rocks), as well as the color of lime, a material derived from limestone; 2) a positive connotation. Various signs include protection from infections, optical perception, light, cleanliness, safety. We can state that the periphrases of toponyms with the "white" component have some common features, such as a reflection of the natural wealth of the territories where the cities are located. In all studied linguistic cultures, "white" is associated with rocks. In all cases, "white" has a positive connotation, expresses the pride of the inhabitants, representatives of each linguistic culture. The accompanying features, which are different in linguistic cultures, are protection against infections, optical perception, light, purity, and safety.

Key words: linguistic color picture of the world, toponymic periphrasis, color designations, linguistic and cultural commentary, white color.

For citation: Perestoronina I.L. Periphrastic names of toponyms with components "white". Humanitarian Studies. History and Philology. 2022;8:72-80. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-8-72-80>

Введение

Цветобозначения находят свое отражение во многих сферах, в том числе и географии, составляя элемент лингвоцветовой картины мира. Восприятие цвета является универсальной категорией, при этом, согласно А. Вежбицкой, «языковая концептуализация различна в культурах, хотя и здесь есть поразительные элементы сходства», язык отражает в сознании все происходящее в окружающей общество культуре [Вежбицкая 1996: 239]. Предметом исследования данной статьи являются топонимические перифразы наименований некоторых городов мира, имеющих в своем составе колоративный компонент «белый». Так называемых «белых» городов в мире достаточно количество. Однако, возникает вопрос, одинаково ли мотивированы их перифрастические наименования. Целью данной статьи является определение лингвокультурной коннотации топонимических перифраз с колоративом «белый» в различных лингвокультурах.

Основная часть

Арекипа (Arequipa) – второй (после столицы Лимы) по величине, численности населения город в Перу, в котором проживает более миллиона жителей. Город был построен в колониальную эпоху, сейчас является административным центром одноименной провинции. На сайтах туристических агентств, путеводителей город представлен как одно из обязательных мест для посещения, упоминание о нем регулярно сопровождается перифразом *La Ciudad blanca*:

Arequipa es una preciosa ciudad que se ubica al sur del Perú, en la provincia y el departamento del mismo nombre. Conocida como la «Ciudad Blanca». Arequipa es una joya que te enamorará para siempre.

Арекипа – красивый город, расположенный на юге Перу, в одноименной провинции и департаменте. Известен как «Белый город». Арекипа – это сокровище, в которое вы влюбитесь навсегда [*Guía completa*].

Регулярность воспроизведения данного перифраза отмечена в исследовании М. Радович и О.С. Чесноковой, изучавших топонимические перифразы Перу на основе анализа языкового материала и результатов опроса информантов-носителей перуанского национального варианта испанского языка [Радович, Чеснокова 2020: 110]. Помимо перифраза *La Ciudad blanca*, город Арекипа обладает такими наименованиями, как *La Ciudad del Eterno Cielo Azul* («Город вечно голубого неба»), *Heroica Ciudad de los Libres de Arequipa* («Город-герой свободных арекипцев»), *Ciudad Caudillo* («Город-вождь»).

Благодаря уникальной архитектуре в 2000 г. исторический центр города был внесен в список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО. Действительно, центр города уникален и известен своими белоснежными зданиями, которые построены из камня *силлар* (*sillar*), это местное перуанское название для разновидности *игнимбрита*, вулканической горной породы [Словарь]. Этот камень послужил строительным материалом для зданий, расположенных в историческом центре города. *Силлар* обладает легкой, мягкой текстурой, пластичен, достаточно прочен, что позволило использовать его при строительстве в сейсмоопасных районах. Он добывается в карьерах, расположенных в провинции Арекипа, не так далеко от одноименного города. *Силлар* является бесспорной гордостью региона: для туристов проводятся экскурсии, во время которых они могут наблюдать процесс добычи и изготовления изделий из него, посещают природные ландшафты, образованные этой уникальной горной породой. Анализ контекстов, в которых упоминаются город и камень *силлар*, показывает, что в них используются лексические единицы исключительно с положительной коннотацией, такие как жемчужина, сокровище, величественный, очаровательный, элегантный, яркий, особенный.

Белым городом также называют Мериду, столицу Ютакан в Мексике. По мнению издательской компании *Lonely Planet*, специализирующейся на выпуске путеводителей, город занимал четвертую строчку в рейтинге «Best of 2017». Мерида получила свое вторичное наименование «*Ciudad Blanca*»:

Mérida, Ciudad Blanca, en el año 2017 es por segunda ocasión Capital Americana de la Cultura.

Мерида, Белый город, в 2017 году во второй раз стала культурной столицей Америки [*Mérida*].

Mérida, la ville blanche

Mérida, la capitale du Yucatán, devient notre base pour les prochains jours. Appelée aussi la ville blanche, elle doit ce surnom à sa réputation d'être une ville propre.

Мерида, Белый город

Мерида, столица Юкатана, становится нашей базой на ближайшие несколько дней. Её также называют белым городом, это прозвище она получила благодаря своей репутации чистого города [Mérida, la ville blanche].

Mérida surnommée «la ville blanche», capitale de l'état du Yucatán, se situe au nord-ouest de la péninsule éponyme. La ville séduit les visiteurs par son ambiance cosmopolite, sa taille humaine et la quiétude qui y règne. En effet, la capitale du Yucatan est réputée pour ses rues sûres et une atmosphère pacifique.

Мерида, имеющая название «Белый город», столица штата Юкатан, расположена на северо-западе одноименного полуострова. Город привлекает посетителей своей космополитической атмосферой, открытостью души и спокойствием, царящими в нем. Действительно, столица Юкатана славится своими безопасными улицами и мирной атмосферой [Merida au Mexique].

Белым его называют в связи с тем, что здания в историческом центре города построены из известняка или окрашены известью. Известно, что основанием полуострова Юкатан является известняк, одной из популярных местных природных достопримечательностей представляют собой сеноты, естественные провалы, образованные в результате разрушения известняковых пещерных сводов, затопленные водой. После завоевания города майя испанские конкистадоры возвели на руинах храмов майя, построенных из известняка, город наподобие испанской Мерида, называемой также «белым городом» благодаря белоснежным зданиям. Позднее мексиканская Мерида славилась производством извести.

Существует и другая версия интерпретации компонента «белый», так как, кроме «Cuidad Blanca», имеется вариант «La Blanca Merida». Предполагается, что в колониальную эпоху в Мериде, в ее центре, жили белокожие богатые землевладельцы и торговцы, а коренные жители, бедняки, жили на окраине в небольших деревнях, то есть Мерида считалась городом для высшего класса. Белые колонизаторы не желали, чтобы коренные жители с другим цветом кожи заходили в город [Por qué se le conose a Mérida]. Кроме коннотации, мотивированной цветом зданий, сегодня, по оценкам местных жителей, белый цвет ассоциируется

1) с чистотой общественных мест:

Mérida, la ciudad blanca, me entero que fue una aspiración de la época de La Conquista. Los colonizadores querían una ciudad sólo para peninsulares ibéricos, en la que no habitaran ni criollos, ni originales de la península de Yucatán, ni negros: unicamente blancos. Los diferente no debía entrar a Merida. Había de ser un bastión de pureza y uniformidad.

Siempre creí que Mérida era la ciudad blanca por limpia, por impecable – porque lo es –.

Мерида, белый город. Я узнал, что это было целью времен Завоевания. Колонизаторы хотели создать город только для жителей Пиренейского полуострова, в котором не жили бы ни креолы, ни выходцы с полуострова Юкатан, ни чернокожие: только белые. Другие не должны были входить в Мериду. Он должен был стать оплотом чистоты и единообразия.

Я всегда считал, что Мерида – это белый город благодаря его чистоте, его безупречности, просто потому что это так [En la blanca Mérida].

2) безопасностью:

Sin duda uno de los principales motivos de querer vivir en La Ciudad Blanca es por la Seguridad.

Несомненно, одна из главных причин, по которой вы захотите жить в Белом городе, – это безопасность [Seguridad en Mérida].

В Италии несколько городов могут обладать наименованием «белый город» / «la città bianca», такие как Альберобелло, Остунни, Локоротондо, Чистернино, Мартина Франка, Челье Мессапика, Мольфетта, Трани и другие. Их объединяет географическое расположение, все они находятся недалеко от моря в южной части Апеннинского полуострова. Однако самый известный из них и имеющий регулярное перифрастическое наименование «la città bianca» – Остунни, находящийся в регионе Апулия. В городе, расположенном на трех холмах, все дома окрашены известью. Благодаря расположению на возвышенности и белоснежному яркому цвету, город заслужил звание самого живописного города и вызывает восторг туристов при приближении к нему еще издалека. Существует несколько мотивирующих объяснений номинации «белый город». Первоначально решение выкрасить здания в белый цвет было стратегической целью: солнечный свет, отраженный от стен, должен был ослеплять врагов, давая таким образом возможность жителям получить явное преимущество над противником. Второе обоснование связано с дезинфицирующим свойством природного материала, гашеной извести, применяемой для покраски домов с целью предотвращения распространения чумы в XVII в. Вообще, известь – это дешевый, доступный материал для дезинфекции, поэтому широко применялся в средневековье во многих городах и странах. Позднее, в 1800 г., муниципалитет города издал постановление, обязывающее всех жителей красить дома в белый цвет также с гигиенической целью сохранения здоровья жителей, так как в том году город пострадал от длительного периода засухи, вызвавшего эпидемию и голод [Ostuni].

Еще одна из причин, почему стены домов красили в белый цвет, заключается в том, что средневековый город представлял собой лабиринт из узких улочек и переулков. Белый цвет легко отражает свет, благодаря чему, визуально пространство как в городе, так и в помещениях становится больше и светлее. Упоминание Остунни как белого города находим в текстах, предназначенных для туристов:

Ostuni è conosciuta in italiano come la Città Bianca per i suoi edifici in pietra bianca accecante, le case imbiancate con la calce e i vicoli di ciottoli. È ritenuta una delle mete più affascinanti di tutta la Puglia e per finire, dista a solo pochi chilometri dal magnifico mare Adriatico.

Остунни известен как Белый город благодаря своим ослепительно белым каменным зданиям, беленым известью домам и мощеным аллеям. Он считается одним из самых очаровательных мест во всей Апулии и, наконец, находится всего в нескольких километрах от великолепного Адриатического моря [Ostuni: la magica «Città Bianca» della Puglia].

Кроме этого, обнаруживаем перифраз «белый город» в названии агентства недвижимости «Immobiliare Città Bianca», гостиниц «Casa città bianca», «Città Bianca Homes» в Остунни, названии видеорепортажа влога «Alla scoperta di OSTUNI, la città bianca!».

Как отмечалось выше, мотивирующим основанием для использования колоратива «белый» в перифрастических наименованиях является цвет зданий, для строительства

которых используется камень белого цвета, чаще известняк, или окрашенных известью. В геологии региона Апулия преобладает известняк, который издавна использовался в качестве строительного материала. Город Альберобелло, будучи также «белым городом», представляет собой яркую иллюстрацию, при этом он имеет более известное перифрастическое наименование «*la capitale dei trulli*» / «столица труллей». Трулли – это сооружения круглой формы со сводчатым потолком и конической крышей, сложенные методом «сухой кладки» (без использования какого-либо связующего раствора) из грубо обработанных блоков известняка.

L'atmosfera fiabesca e magica che veste Alberobello, la capitale dei trulli divenuta patrimonio dell'Unesco nel 1996, ti lascerà senza fiato.

Сказочная и волшебная атмосфера, которая царит в Альберобелло, столице труллей, ставшем объектом всемирного наследия ЮНЕСКО в 1996 году, не оставит вас равнодушными [*Alberobello, la città incantata*].

Город Чистернино, расположенный в 20 километрах от Альберобелло, отличается зданиями белого цвета, построенными из известняка, и, соответственно, тоже получил перифрастическое наименование «белый город». В заголовке одного из блогов путешественников читаем:

Cisternino, in Puglia la città bianca che brilla anche di notte.

Чистернино, в Апулии, белый город, который сияет даже ночью [*Cisternino*].

Город Асколи Пичено, расположенный в регионе Марке, на востоке центральной части Италии, тоже можно отнести к «белым» городам, хотя его более устойчивым вторичным наименованием является «*la città dalle 100 torri*» / «город ста башен»:

Ascoli Piceno cosa vedere nella «città bianca»: itinerario in un giorno

Ascoli ha due soprannomi: è la «città bianca» per via del travertino usato generosamente per costruire chiese, palazzi e piazze. Ed è anche la città dalle 100 torri per le sue torri gentilizie e campanarie. Oggi ne sono rimaste una 60ina e le vedrai spuntare un po' ovunque.

Асколи Пичено, что посмотреть в «белом городе»: маршрут на один день

Асколи имеет два названия: это «белый город» из-за травертина, который часто использовался для строительства церквей, дворцов и площадей. А также это «город 100 башен» благодаря его благородным башням и колокольням. Сегодня их осталось 60, и вы увидите их повсюду [*Ascoli Piceno*]. Своим названием город обязан другому строительному материалу, из которого построены здания, – травертину. Травертин – это известковый туф, легкая пористая горная порода, относится к промежуточной форме, которая вобрала в себя качества и мрамора, и известняка, камень имеет белый, бежевый, желтоватый оттенки [*Каталог минералов*]. Месторождения этой породы в Италии находятся в Тиволи, то есть в непосредственной близости от Рима, в частности, Колизей построен из этого камня.

В Италии еще один город традиционно называют «белым городом», речь идет о городе Сиракуза, расположенном на Сицилии. В заголовке путеводителя по городу находим:

Miniguida di Siracusa, cosa vedere e dove mangiare nella città bianca

Мини-гид по Сиракузе, что посмотреть и где поесть в белом городе [*Miniguida di Siracusa*].

В историческом центре города преобладают постройки из белого камня, который так и называют «белый камень Сиракузы». Сами жители Сиракузы называют его на сицилийском

диалекте *pietra giuggiulena*, это разновидность известняка, осадочной породы, типичной для Иблейских гор, расположенных западнее Сиракузы [La «giuggiulena»].

На территории Франции два города имеют перифрастическое наименование «белый город» – Ла Рошель и Анже. Ла Рошель встречает своих гостей, прибывающих по морю, портовыми постройками из белого известняка, который добывали в этом регионе.

Le Vieux-Port de La Rochelle

Lieu de vie principal de la Ville Blanche, le Vieux Port est synonyme de rencontres, de flânerie et de détente.

Старый Порт Ла Рошели

Будучи главным местом Белого Города, Старый Порт ассоциируется со встречами, прогулками и отдыхом [Le vieux port de La Rochelle]. Что касается Анже, то город имел первоначально эпитет «черный» и сменил его на «белый» в XIX в. Ряд зданий в городе, принадлежащих, как правило, богатым людям, были построены из известкового туфа, обладающего белым, кремовым оттенком. Это дорогой материал, придающий благородный характер сооружениям, из него возведены также королевские дворцы.

Заключение

Подводя итог, можем констатировать, что перифразы топонимов с компонентом «белый» имеют некоторые общие признаки, такие как, во-первых, отражение природного богатства территорий, на которых находятся города. Во всех изученных лингвокультурах «белый» ассоциируется с горными породами: 1) известняком, распространенной на многих континентах, но имеющих свои особенности, которые нашли свое отражение и в названии самого материала (травертин, *pietra giuggiulena*); 2) игнибритом, вулканической горной породы. «Белый» также связан с известью, производимой из известняка, которой окрашивали здания. Во-вторых, во всех случаях «белый» обладает положительной коннотацией, выражает гордость жителей, представителей каждой лингвокультуры. Сопутствующими признаками, различными в лингвокультурах, выступают защита от инфекций, оптическое восприятие, свет, чистота, безопасность.

Список литературы

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
2. Каталог минералов. URL: <https://catalogmineralov.ru/mineral/travertin.html> (дата обращения: 11.07.22).
3. Радович М., Чеснокова О.С. Лингвокультурологический анализ топонимических перифраз Перу // Филологические науки МГИМО. № 22. 2020. С. 110–115.
4. Словарь терминов изверженных горных пород [Электронный ресурс]. URL: <http://www.igem.ru/peetrokomitet/slovar/s.html> (дата обращения: 11.07.22).
5. Alberobello, la città incantata. URL: <https://www.helloapulia.com/it/alberobello> (дата обращения: 16.07.22).
6. Ascoli Piceno cosa vedere nella città Bianca: itinerario in un giorno. URL: <https://treeaveller.it/ascoli-piceno-cosa-vedere-nella-citta-bianca/> (дата обращения: 16.07.22).
7. Cisternino, in Puglia la città che brilla anche di notte. URL: <https://www.storienogastronomiche.it/cisternino-in-puglia-la-citta-bianca-che-brilla-anche-di-notte/> (дата обращения: 16.07.22).

8. En la blanca Mérida. URL:<https://ceciliaduran.wordpress.com/2015/12/28/en-la-blanca-merida/> (дата обращения: 12.07.22).
9. Guia completa de Arequipa, la Ciudad Blanca del Perú. URL: <https://www.descubrir.com/guia-completa-de-arequipa-la-ciudad-blanca-del-peru/> (дата обращения: 11.07.22).
10. La «giugguilena»: un materiale da costruzione. URL: <https://www.smarteducationunesco sicilia.it/sensi/la-giugguilena-un-materiale-da-costruzione> (дата обращения: 15.11.22).
11. Le vieux port de La Rochelle. URL: <https://www.le-manoir-la-rochelle.fr/visiter-la-rochelle/#:~:text=Le%20Vieux%20Port%20de%20La,domin%C3%A9%20par%20les%20trois%20Tours> (дата обращения: 11.07.22).
12. Merida au Mexique: la ville tendance du Yucatan. URL: <https://www.mexique-voyages.com/blog/tourisme/merida-ville-tendance> (дата обращения: 12.07.22).
13. Mérida, Ciudad Blanca. URL: <https://yucatanoday.com/merida-ciudad-blanca> (дата обращения: 12.07.22).
14. Mérida, la ville blanche. URL: <https://lateteenfugue.com/2017/01/14/merida-la-ville-blanche/> (дата обращения: 12.07.22).
15. Miniguída di Siracusa, cosa vedere e dove mangiare nella città Bianca. URL: <https://www.gamberorosso.it/notizie/articoli-food/miniguída-di-siracusa-cosa-vedere-e-dove-mangiare-nella-citta-bianca/> дата обращения: 15.11.22).
16. Ostuni, la città Bianca dal candore accecante: ecco il perché. URL: <https://www.puglia.com/ostuni-citta-bianca-perche/> (дата обращения: 15.07.22).
17. Ostuni: la magica «Città Bianca» della Puglia. URL: <https://magazine.dooid.it/destinazioni/ostuni-la-magica-citta-bianca-della-puglia/> (дата обращения: 15.07.22).
18. Por qué se le conoce a Mérida como la ciudad blanca. URL: <https://descubro.mx/merida-ciudad-blanca/> (дата обращения: 12.07.22).
19. Seguridad en Mérida, de las 3 principales razones para vivir en Yucatán. URL: <https://legiona.mx/seguridad-vivir-en-merida-yucatan/> (дата обращения: 12.07.22).

References

1. Vezhbitskaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Cognition]. Moscow, Russkie slovari, 1996, 416 p. (In Russ.).
2. Katalog mineralov [Catalog of minerals]. (In Russ.). Available at: <https://catalogmineralov.ru/mineral/travertin.html> (accessed: 11.07.22).
3. Radovich M., Chesnokova O.S. Lingvokul'turologicheskiy analiz toponimicheskikh perifraz Peru [Linguistic and cultural analysis of toponymic paraphrases of Peru]. *Filologicheskie nauki MGIMO*. No. 22, 2020, pp. 110-115. (In Russ.).
4. Slovar' terminov izverzhennykh gornykh porod [Glossary of igneous rock terms]. (In Russ.). Available at: <http://www.igem.ru/peetrokomitet/slovar/s.html> (accessed: 11.07.22).
5. Alberobello, la città incantata. URL: <https://www.helloapulia.com/it/alberobello> (дата обращения: 16.07.22).
6. Ascoli Piceno cosa vedere nella città Bianca: itinerario in un giorno. URL: <https://treeaveller.it/ascoli-piceno-cosa-vedere-nella-citta-bianca/> (дата обращения: 16.07.22).
7. Cisternino, in Puglia la città che brilla anche di notte. URL: <https://www.storienogastronomiche.it/cisternino-in-puglia-la-citta-bianca-che-brilla-anche-di-notte/> (дата обращения: 16.07.22).
8. En la blanca Mérida. URL:<https://ceciliaduran.wordpress.com/2015/12/28/en-la-blanca-merida/> (дата обращения: 12.07.22).

9. Guia completa de Arequipa, la Ciudad Blanca del Perú. URL: <https://www.descubrir.com/guia-completa-de-arequipa-la-ciudad-blanca-del-peru/> (дата обращения: 11.07.22).
10. La «giugguilena»: un materiale da costruzione. URL: <https://www.smarteducationunescomsicilia.it/sensi/la-giugguilena-un-materiale-da-costruzione> (дата обращения: 15.11.22).
11. Le vieux port de La Rochelle. URL: <https://www.le-manoir-la-rochelle.fr/visiter-la-rochelle/#:~:text=Le%20Vieux%20Port%20de%20La,domin%C3%A9%20par%20les%20trois%20Tours> (дата обращения: 11.07.22).
12. Merida au Mexique: la ville tendance du Yucatan. URL: <https://www.mexique-voyages.com/blog/tourisme/merida-ville-tendance> (дата обращения: 12.07.22).
13. Mérida, Ciudad Blanca. URL: <https://yucatanoday.com/merida-ciudad-blanca> (дата обращения: 12.07.22).
14. Mérida, la ville blanche. URL: <https://lateteenfugue.com/2017/01/14/merida-la-ville-blanche/> (дата обращения: 12.07.22).
15. Miniguida di Siracusa, cosa vedere e dove mangiare nella città Bianca. URL: <https://www.gamberorosso.it/notizie/articoli-food/miniguida-di-siracusa-cosa-vedere-e-dove-mangiare-nella-citta-bianca/> дата обращения: 15.11.22).
16. Ostuni, la città Bianca dal candore accecante: ecco il perché. URL: <https://www.puglia.com/ostuni-citta-bianca-perche/> (дата обращения: 15.07.22).
17. Ostuni: la magica «Città Bianca» della Puglia. URL: <https://magazine.dooid.it/destinazioni/ostuni-la-magica-citta-bianca-della-puglia/> (дата обращения: 15.07.22).
18. Por qué se le conoce a Mérida como la ciudad blanca. URL: <https://descubro.mx/merida-ciudad-blanca/> (дата обращения: 12.07.22).
19. Seguridad en Mérida, de las 3 principales razones para vivir en Yucatán. URL: <https://legiona.mx/seguridad-vivir-en-merida-yucatan/> (дата обращения: 12.07.22).

Информация об авторе

И.Л. Пересторонина – кандидат педагогических наук,
доцент, кафедра лингвистика и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

I.L. Perestoronina – Ph. D. (Education),
Associate Professor, Department of Linguistics and Translation,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 17.06.2022; одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 15.08.2022.

The article was submitted 17.06.2022; approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 15.08.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 8. С. 81–92.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2022. No. 8. P. 81-92.

Научная статья

УДК 821.581:1

doi: 10.24412/2713-0231-2022-8-81-92

ТРАКТАТ “ДАО ДЭ ЦЗИН”: ЖАНРОВЫЙ КОНТЕКСТ

Чжан Юаньюань¹, Борис Вадимович Кондаков²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет

¹ zyjudith@qq.com

² kondakovb@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается жанровый контекст китайского философского трактата «Дао Дэ Цзин» – «книги-сокровища», произведения, выразившего мировоззрение китайского народа и глубоко повлиявшего на развитие национального самосознания, философию, культуру, науку, политику и религию. Поскольку трактат является не только сугубо философским, но и одновременно художественным текстом, в работе раскрывается исторический контекст его создания, проводится сопоставление с другими памятниками эпохи его создания, описывается принятая в китайском литературоведении разных эпох жанровая классификация, анализируются взгляды исследователей на принципы перевода поэтических текстов и делается вывод об уникальной жанрово-стилевой самобытности произведения, понимание которой необходимо для осуществления художественного перевода текста и определения степени его адекватности и качества. Сложность философского содержания памятника органично сочетается с разнородностью его стиля и неоднозначностью жанровой формы, которая используется как средство выражения художественного единства текста. Жанр трактата «Дао Дэ Цзин» определяется как «философская поэма в прозе». В работе делается вывод о необходимости воспроизведения в процессе художественного перевода некоторых жанрово-стилевых особенностей памятника: его монологической формы, использования образов-понятий и связанного с ними эмоционального содержания, лаконичности текста и его стилового изящества, разнообразных тропов, оригинального метра и ритма.

Ключевые слова: «Дао Дэ Цзин», национальное самосознание, жанр, культурный контекст, художественный перевод.

Для цитирования: Чжан Юаньюань, Кондаков Б.В. Трактат “дао дэ цзин”: жанровый контекст // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 8. С. 81–92. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-8-81-92>

Original article

THE TREATISE “TAO TE CHING”: GENRE CONTEXT

Zhang Yuanyuan¹, Boris V. Kondakov²

^{1,2} Perm State University? Perm, Russia

¹ zyjudith@qq.com

² kondakovb@mail.ru

Abstract. The article studies the genre context of the Chinese philosophical treatise “Tao Te Ching” – “the treasure book” that expressed the worldview of Chinese people and deeply influenced the development of national consciousness, philosophy, culture, science, politics and religion. Since “Tao Te Ching” is not only purely philosophical, but also an artistic text, this article reveals the historical context of its creation, compares it with other monuments of the era of its creation, describes the genre classification adopted by Chinese literary studies of different eras, analyzes researchers’ views on the principles of translating poetic texts and concludes about the unique genre-style identity of the work. The study is necessary for the implementation of “Tao Te Ching”’s literary translation and definition of its adequacy and quality. The complexity of the book’s philosophical content is organically combined with the heterogeneity of its style, as well as the ambiguity of the genre form, which at the same time is used as a means of expressing the artistic unity of the text. The genre of the treatise “Tao Te Ching” is defined as “a philosophical poem in prose”. The article concludes that it is necessary to reproduce in the process of literary translation some of the book’s genre and style features: its monological form, the use of images-concepts and associated emotional content, the conciseness of the text and its stylistic elegance, a variety of tropes, the original meter and rhythm.

Keywords: “Tao Te Ching”; national identity, genre, cultural context, literary translation.

For citation: Zhang Yuanyuan, Kondakov B.V. The treatise “tao te ching”: genre context. Humanitarian Studies. History and Philology. 2022;8:81-92. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-8-81-92>

Введение

Трактат «Дао Дэ Цзин» – драгоценное культурное наследие китайской нации, в котором гармонично сочетаются глубина мысли и красота формы. «Дао Дэ Цзин» выразил мировоззрение китайского народа и глубоко повлиял на китайскую философию, культуру, науку, политику и религию. Его тематика охватывает философскую, этическую, политологическую, а также военно-научную и другие области. Многочисленные поколения китайских читателей рассматривают «Дао Дэ Цзин» в качестве «книги-сокровища», имеющей как теоретическое, так и прикладное значение, используя которую можно успешно управлять страной, упорядочивать семейные отношения, заниматься собственным духовным развитием. Для адекватного понимания любого философского текста, который сыграл существенную роль в судьбе той или иной цивилизации необходимо исследование его *культурного контекста*, без понимания которого невозможны ни его «правильная» интерпретация, ни перевод.

Разница в мышлении народов Китая и России особо заметна при сопоставлении словесных изложений философских концепций. Древнекитайские философские труды во многих случаях одновременно явились и художественными литературными произведениями. Поскольку древняя китайская философия – это в основном изложение внутреннего поэтического мира мыслителей, характеризующегося мгновенными смутными прозрениями, которые выражены в многозначных образах. С другой стороны, для русского народа (как и вообще и для всех «западных» народов) характерно философское понятийное мышление, которое делает упор на рациональность и логику, выраженную через систему дихотомий. В тех случаях, когда философский текст является одновременно и текстом *художественным*, – тем более *поэтическим*, для его адекватного понимания и перевода необходимо учитывать его *жанровую* природу.

Основная часть

На протяжении долгой истории изучения «Дао Дэ Цзина» было создано огромное количество работ, направленных на исследование, разъяснение и перевод «Дао Дэ Цзина». Среди читателей этой книги были многие зарубежные учёные и мыслители, занимавшиеся самыми разнообразными проблемами, – например, И. Кант, Г. Гегель, Ф. Ницше, Л. Толстой, Н. Бор, У. Дюрант, Ф. Капра и др. По количеству переводов (около 250) на разные языки «Дао Дэ Цзин» находится на втором месте в мире (после Библии), в их числе – более 15 переводов книги на русский язык [Руденко, Мэн Ся 2020: 295]. Предполагаемый создатель трактата, Ли Эр, известный под именем Лао-цзы, родился и вырос в эпоху Чуньцю [春秋时代]¹, когда правители – «ваны» – непрерывно боролись между собой за власть. Суровые потрясения и превратности судьбы страдавших от непрерывных войн людей заставили автора размышлять о принципах управления государством и о способах облегчения жизни народа. Российский востоковед М.Б. Кравцова так охарактеризовала эту эпоху: «...Активность творческой и интеллектуальной деятельности древних китайцев резко контрастирует с историко-политической ситуацией того времени. По этому показателю интересующий нас период является в полном смысле слова “смутным временем”, до предела насыщенным драматическими событиями» [Кравцова 1994: 22].

В трактате «Дао Дэ Цзин» подчеркивалась мысль о необходимости следования законам природы и занятий нравственным самоусовершенствованием. Причиной зла являются деяния самого человека, который, вторгаясь в естественный ход вещей, нарушает законы природы, что может оказаться губительным для него самого. Об огромном значении этого трактата для китайского народа говорили многие мыслители. В 1907 г. Лу Синь (1881–1936) в статье «Мо ло ши ли шу» [《摩罗诗力说》] («О силе демонической поэзии») писал: «Лао-цзы – умнейший человек. Его книга содержит только всего (лишь) пять тысяч иероглифов, ее ключевая мысль состоит в уклонении от душевного возмущения. Для этого нужно сначала держать себя в душевном спокойствии и поставить перед собой цель сохраниться в состоянии «у-вэй». Если в государстве царит «у-вэй», то наше общество ожидает мир и великое спокойствие. Подход Лао-цзы действительно мастерский» [Лу Синь 2014: 78].

Китайский писатель, филолог и переводчик Линь Юйтан (1895–1976) в Предисловии своей книге «Мудрость Лао-цзы», сопоставляя конфуцианскую и даосскую философские системы, изложил свои взгляды на даосизм. Разъясняя учение Лао-цзы, согласно которому жизнь – это круговорот постоянных изменений, чередующихся периодов процветания и упадка, Линь Юйтан отметил, что динамика жизненной силы человека подобна приливам и отливам, момент достижения своей вершины предвещает нисходящее движение [Линь Юйтан 2006: 4].

Великий китайский историк Сыма Цянь сообщал, что Ли Эр (Лао Цзы) был хранителем дворцового архива в царстве Чжоу; видя упадок этого древнего царства, он решил оставить службу и уйти на Запад – в загадочную для китайцев страну [Сыма Цянь 2016: 1756]. Перевод текста «Дао Дэ Цзина» всегда оказывается необычайно сложным процессом. Сложность художественного перевода заключается в том, что помимо передачи философского смысла произведения, нужно воспроизводить хотя бы некоторые

¹ Точные годы рождения и скончания Лао-цзы неизвестны. Согласно китайских ученых, родился он в последние годы Периода Чуньцю [春秋时代], примерно в 571 г до н. э, а скончался примерно в 471 г до н. э).

особенности его художественной формы, *поэтики*: «Дао Дэ Цзин» особенно сложен для перевода на любой современный язык, – тем более, если это перевод *художественный*. Основными причинами сложности такого перевода являются «многозначность иероглифов в древнекитайских текстах и широта их “смысловых полей”», а также «невозможность лаконично выразить многослойный семантический образ» [Руденко, Мэн Ся 2020: 299].

Помимо содержательной насыщенности, «Дао Дэ Цзин», как утверждают все китайские исследователи, обладает художественной выразительностью и «превосходной стилистической изящностью», а также оригинальностью формы. Стилистическая изящность главным образом состоит в том, что текст читается красивым, с стилистическим мастерством. А выразительность главным образом состоит в том, что в тексте много образных метафор, несложно понять, о чем идёт речь, автор простым словом и примером рассказал сложную философскую суть. Сложность переложения текста книги «Дао Дэ Цзин» на любой современный язык (в том числе и на современный китайский язык) обуславливается не только выраженными в нём мыслями и формой их изложения, но и неоднозначностью художественной природы произведения, – прежде всего образностью использованных *понятий*, а также наличием множества принципиально различающихся интерпретаций текста, сложившихся на протяжении двух с половиной тысяч лет, и непривычностью (особенно для современного «западного» сознания) изложенных в нём философских концепций.

На протяжении полутора столетий российские китаеведы прилагали огромные усилия, направленные на разработку принципов перевода произведений китайской классической словесности. Общей позицией всех переводчиков-синологов стало понимание необходимости приоритета передачи *содержания* оригинального текста и обеспечение максимальной *лаконичности* переводов, поскольку китайская классическая литература отличается тем, что «от всех жанров повелительно требуются ясность и выпуклость идеи, без лишних слов» [Алексеев 2002: 377]. Особо важным представлялся вопрос о способах передачи *ритма* и *рифмы*. В.М. Алексеев и Ю.К. Шуцкий подчеркивали важность её сохранения [Шуцкий 1993: 41], одновременно указывая на то, что в некоторых случаях от рифмы можно отказываться ради сохранения ритма; отрицательного мнения относительно необходимости передачи рифмы придерживался Л.З. Эйдлин [Китайская классическая поэзия 1984: 9]. М.Е. Кравцова выступила за воспроизведение не только рифмы, но и размера стихов [Кравцова 2004: 26-27]. Позиция И.С. Смирнова о рифме в переводах китайской поэзии несколько раз изменялась: от мысли об обязательности рифмы к заявлению о важности сохранения музыкальности через использование «подобной» фонетики и далее к утверждению перевода без рифмы. «Я убирал из некоторых старых переводов рифму. Со временем мне стало казаться, что ради рифмы я кое-где допустил некоторые ритмические и словесные натяжки. Ритмически организованный текст, почти без рифм, больше, на мой взгляд, похож на звучание китайских стихов (старые рифмы почти не слышны в современном китайском произношении, за столетия фонетика сильно изменилась). Китайцы ценили в поэзии то, что называли словом “пресность”, то есть простоту, доведенную до предела, отсутствие цветистости. Поэтому, может быть, стихи о солнце в открытых дверях ценятся в Китае не так уж высоко.

Русский читатель ждет от стиха новизны, а китаец стремится к тому, чтобы сквозь стертую по возможности внешнюю форму мерцало глубокое содержание. Некоторые стихи я оставляю без изменений, чтобы под одной обложкой соседствовали переводы разного времени, чтобы возникало некоторое разнообразие», отметил ученый в интервью в 2001 г. [Смирнов 2001].

Обратим внимание на точку зрения русского поэта-переводчика В. Перелешина – большого любителя китайской культуры и литературы, осуществившего стихотворный перевод этого трактата. Он, естественно, не был погружен в теоретические споры российских синологов и переводчиков, однако, как поэт стремился к максимальному сохранению особенностей стиля и ритма исходного текста, передаче его лаконичной красоты (большинство интерпретаторов трактата, стремясь сделать его понятным для современного читателя, существенно расширяло его текст). Осуществленный им поэтический перевод трактата «Дао Дэ Цзин» являлся ярким примером реализации переводческих принципов, которые сам поэт формулировал следующим образом: «Предлагаемый опыт стихотворного перевода имеет целью показать, что перевести стихи стихами на русский язык, действительно, трудно, но отнюдь не невозможно, хотя переводчик-поэт “связан по рукам и по ногам”: он должен запретить себе употребление нерусских слов (даже таких, как “идея”, “мораль” или “стратег”), рифмовать те строки, которые рифмуются в оригинале, стараться воспроизводить повторы, отдавать предпочтение мужской рифме (что лучше отвечает односложной структуре китайского языка). Краткость и сжатость китайской поэтической речи остаются, конечно, недостижимым идеалом, но я старался везде избегать “расцветиванья” и “отсебятины”» [Дао Дэ Цзин 1990: 146].

Трактат «Дао Дэ Цзин» относится к числу так называемых «цзинов» [经]. В древнем Китае название «Цзин» относили к книге, которая использовалась в качестве стандарта мышления, морали и поведения, то есть для обозначения основополагающих письменных текстов, считающихся непревзойденными образцами, которые своим существованием «упорядочивают» окружающий мир, вселенную, в том числе и культуру, – то есть в значении, близком к русским словам «классика» или «канон». «Цзинами» часто назывались книги, излагавшие религиозную доктрину – даосскую, конфуцианскую или буддийскую, – а также некоторые основополагающие сочинения в сфере медицины, математике, боевых искусствах, о духах и т. п. Литературная форма трактата «Дао Дэ Цзин» существенно отличалась от формы других «цзинов». Для того, чтобы понять жанровые особенности этого текста, необходимо разобраться с принципами жанрового деления китайской литературы. Известный российский филолог-китаист и переводчик академик В.М. Алексеев в «Трудах по китайской литературе» справедливо отмечал: «Китайская старинная литература <...> – полное отражение китайской старой культуры, притом неизмеримо большее, нежели то, которое мы наблюдаем в других искусствах (живописи, зодчестве, скульптуре). <...> этот колоссальный литературный мир содержит в себе много нового и неожиданного для читателя Европы, так как отражает всю китайскую культуру и всю историю великого народа» [Алексеев 2002: 64].

Жанровые разновидности и принципы классификации древнекитайских литературных текстов существенно отличаются от привычных для европейского и русского литературоведения, а их названия, как полагают синологи, «еле переводимы как термины»

[Алексеев 2002: 64]. В качестве принципов классификации жанров китайской словесности могут использоваться как особенности их формы (метр и ритм, способ рифмовки, использование определённых средств образности и стилевых приёмов, тем или иным способом воздействующих на читателя), так и их внелитературная утилитарная функция, связанная с тематикой произведения.

Появлявшиеся с древних времен в Китае словесные тексты всегда отражали жизненный опыт китайского народа и были связаны с теми или иными прагматическими целями, а также соотнесены с определенной коммуникативной сферой. Большинство древних китайских произведений выполняли определенные внелитературные функции, в основе которых находились конкретные практические задачи, которые соотносились со сложной системой этикета, национальными обычаями и культурными традициями, что заложило основу для формирования принципов классификации жанров.

Например, Сыма Цянь, знаменитый историк династии Хань, следуя цели описания династических историй и биографий выдающихся личностей, создал историографический жанр. Каждый жанр традиционной китайской словесности, существование которого устанавливалось конкретными целями и функциями, был связан с определённым стилем – изобразительно-выразительными средствами, стилистическими фигурами, композиционными структурами текста, стилями речи и т. п. На протяжении долгой истории древнего Китая множество мыслителей пыталось систематизировать жанры отечественной словесности в зависимости от их стиля. К числу таких работ можно отнести «Дянь лунь лунь вэнь» («Трактат о стильном произведении») Цао Пи (187–226), «Вэнь фу» («Ода изящному слову») Лу Цзи (261–303), «Вэнь синь дяо лун» («Резной дракон литературной мысли») Лю Се (465–532), а также «Вэнь сюань» («Изборник») Сяо Туна (501–531) и др. Учёный Ван Чун (около 27–100), систематизируя состав словесности его времени, называл, помимо основных классических памятников (Ши Цзин, Шу Цзин, И Цзин, Чуньцю и Ли-цзи), тексты, связанные с эпохами отдельных царств, – *лунь* [论], *шо* [说] и *цзи* [集], то есть «рассуждения», «разъяснения» и «записки», а также «послания» [表], обращенные к императору [Конрад 1977: 547].

Лю Сян [刘向] (79–6 г. до н. э.), выдающийся китайский историк и книжник династии Ранняя Хань, первый в истории Китая библиограф, составивший каталог императорской библиотеки, классифицировал существовавшие в его эпоху книги по семи рубрикам: 1) «своды», то есть собрания, содержащие разный материал; 2) списки шести классических сочинений конфуцианства (И-цзин, Ши-цзин, Шу-цзин, Ли-цзи, Чуньцю и Юэ-цзин; 3) сочинения, принадлежащие авторам классического периода китайской Древности (Мэн-цзы, Чжуан-цзы и т.д.); 4) *ши* и *фу*, то есть произведения поэтические; 5) сочинения по военному делу (Сунь-цзы, У-цзы и т.д.); 6) сочинения по вопросам государственного управления (Гуань-цзы и т. д.); 7) сочинения медицинские, гадательные и пр. [Конрад 1977: 499].

До начала династии Сун китайские филологи разделили жанры на основе *практических функций* текстов и *выраженных в них эмоций*. Начиная с династии Сун китайские филологи стали выделять жанры на основании использованных автором выразительных средств. Жанровая классификация в эпоху династии Сун уже была похожа на принятую в современном литературоведении: в ее основе находилось деление на эпические, лирические

и драматические жанры, а каждый жанр стал соотноситься с определенными выразительными средствами, которые использовались в качестве критериев отнесения к тому или иному жанру. Например, ученый-неоконфуцианец Чжэнь Дэсю [真德秀] (1178–1235) в составленной им антологии «Вэнь Чжан Чжэн Цзун Ган Му» [文章正宗纲目] («Компендиум истинной классификации словесности») не только обратил внимание на существование *стиля* как целого, но и создал классификацию текстов на основе стилевых особенностей, присущих отдельным жанрам, что свидетельствует о том, что понимание текста в эпоху династии Сун значительно углубилось. Чжэнь Дэсю впервые стал использовать понятие «повествование» [叙事] в качестве обозначения особой разновидности текстов, к которой он отнес исторические сочинения «Цзо Чжуань» [左传], «Го Юй» [国语] и некоторые другие.

Согласно исследованию В. Алексеева, опирающегося на работы китайских ученых, жанры поэзии можно «с некоторым приближением» разделить на следующие: «*фу* – стихотворения в прозе разных размеров, с рифмой и без нее; *ши* – стихи с фиксированными размерами; *сао* – стихи причудливых размеров; *цы* – стихи песенного типа; *сун* – оды лапидарного типа; *цзань* – стихотворные евлоги-восхваления и характеристики; *лэй* и *ай* – плач по покойному достойному человеку в разных ритмах; *вэнь* – молитва к покойному; *сюй* – предисловие к стихам и одам» [Алексеев 2002: 62].

Каждый из этих жанров имеет свои стилистические особенности: «*ши* – древняя классическая форма народных и храмовых песен, песнопений и од, изучением которых в перспективе истории и морали занимались все, начиная с Конфуция; красива она своим классически-искренним чувством; *фу*, поэма в прозе, напоминающей своим кадансом скорее стихи, дорога своею ритмичной напевностью; надпись на камне, *бэй вэнь*, имеет свой особый повествовательный и славословный стиль – лапидарный, но содержательный и отчетливый, нужный историку и моралисту; плач типа *лэй* (есть и другие) вьет свою скорбную мысль как сложную нить воспоминаний о покойном; *мин*, надпись на бронзе или камне, много говорит в нарочито кратких, типичных для нее словах, сочащихся теплым чувством или назиданием; но назидание, *чжэнь*, должно быть суровым и важным, прозрачным и ясным; *сун*, древнейший тип стихотворного славословия (обычно четырехсложного), блещет точностью слов, свободных от шаблона, обильных и красочных; *лунь*, рассуждение на тему, очень часто историко-критическую, вникает во все подробности дела, мыслит в большой сосредоточенности, блещет ясною определенностью приговора над человеческими действиями в ту или другую сторону; *цзоу*, доклад государю, произведение по крайней мере не менее стильное, чем другие, пишется в спокойном, уравновешенном тоне, словами, излагающими все весьма основательно, но вместе с тем с непринужденным изяществом речи высокого литературного достоинства; *шо*, объяснительное суждение, теория явлений, доказательство правильности мнения, не может быть изложено в простых и грубых словах, но должно блистать своим стилем, ослепляющим читателя, пленяющим его изворотливостью мысли, остроумием» [Алексеев 2002: 377].

Таким образом, мы видим, что каждый из многочисленных жанров китайской словесности предполагает органичную связь содержания с прикладной функцией текста и особенностями его художественной формы, выраженной через *ритм* и *стиль*.

По своей жанровой характеристике «Дао Дэ Цзин» не подходит ни под одну из этих жанровых категорий (хотя и обладает некоторыми чертами, присущими отдельным жанрам). Трактату присущи ритмичная напевность и эмоциональная свобода, стилистическое изящество. С одной стороны, текст трактата «Дао Дэ Цзин» напоминают классические формы древнекитайской поэзии в жанрах *ши*, *фу* и даже *лэй*; с другой стороны, в нем заметны признаки повествования, присущие прозаическим жанрам *бэй вэнь*, *сун*, *чжэнь*, *цзоу* и т. п. Таким образом, трактат, сочетающий признаки одновременно нескольких поэтических и прозаических жанров, является *уникальным* в жанровом плане произведением, которому присуще искусное сочетание сложных философских идей, характерных для прозаических жанров, с образной выразительностью, свойственной лирическим жанрам.

В конце XIX – начале XX в. многие китайские учёные предлагали разные варианты определения жанра «Дао Дэ Цзин». Например, философ Ху Юаньсюнь [胡远濬] в книге «Лао-цзы Шу И» [老子述义] («Толкование Лао-цзы») (1933) отметил, что жанр трактата можно определить как «*юнь-вэнь*» [韵文] (прозаическое сочинение, имеющее рифму) [Ху Юаньсюнь 1933: 5]; по мнению известного филолога и философа Ху Ши [胡适] жанр определяется как «*цза-цзи*» [杂记] (заметки, описывающие пейзаж или чувства человека) [Ху Ши 2013: 153]; ученый и поэт Се Улян [谢无量] считал, что жанр трактата – «*цы-фу*» [辞赋] (стихотворения в прозе разных размеров, с рифмой и без нее, выражающие сентиментальные чувства) [см.: Сборник избранных сочинений даосов 2018: 3841]. Современный философ Фэн Юлань в «Истории китайской философии» отмечал: «Текст Лао-цзы написан лаконичным каноничным стилем» [Фэн Юлань 2000: 77]; другой авторитетный философ, Чэнь Гуйин, писал, что «5000 слов Лао-цзы – это сжатая философская поэма, которая полна вдохновляющих человека идей» [Чэнь Гуйин 2009: 7]; по мнению историка Чжан Чжэнмина, «это прозаическая философская поэма с целостной композицией и грандиозной системой, сосредоточенной на термине “Дао”» [Чжан Чжэнмин 1988: 355]. На первый взгляд «Дао Дэ Цзин» представляется произведением внешне разнородным, однако эта разнородность кажущаяся, являющаяся проявлением его своеобразия и внутреннего художественного единства. Общим для всех попыток определения особенностей жанра трактата оказалось признание того, что «Дао Дэ Цзин» – выдающееся философское произведение, созданное в *художественной* форме, которая органично связана с традициями разных жанров национальной китайской словесности, но одновременно не совпадает полностью ни с одной из них. Таким образом, «Дао Дэ Цзин» следует рассматривать как уникальную *философскую поэму в прозе*, и эта точка зрения получила убедительное филологическое обоснование.

С одной стороны, «Дао Дэ Цзин» принадлежит *поэзии*, поскольку почти весь его текст имеет определённый *ритм* и *рифму* (эта рифма старинная, характерная для древнекитайского языка, которая не всегда «звучит» на современном китайском языке). В книге «Дао Дэ Цзин» соблюдались основные правила древнего китайского стихосложения, которые предполагают не только следование определённому размеру (выражающемуся в чередовании тонов) и соблюдение той или иной системы рифмовки, но и особую образность *стиля*. Следует особо отметить, что использованная в трактате схема рифмовки похожа на использованную в «Книге Песен» («Ши Цзин»), которая была создана в ту же эпоху и служила образцом для словесности того времени. Каждая из глав, входящих в трактат, имеет небольшой размер; они могут различаться по количеству строк и иероглифов; большинство глав имеет определённую

ритмическую структуру и рифму (хотя иногда ритм и рифма исчезают). Российский востоковед Н.И. Конрад, исследовавший это произведение, отмечал, что «изменение размера строк координировано со смысловым ходом текста» [Конрад 1977: 435].

С другой стороны, можно сказать, что «Дао Дэ Цзин» создан в свободном *прозаическом* жанре, не предполагающем регулярного деления на соизмеримые отрезки. В отличие от поэтического текста, для которого характерны определенный ритм и рифма, текст «Дао Дэ Цзина» опирается на *приблизительную* соотнесенность синтаксических конструкций (периодов, предложений, колонов). В китайской словесности представлено множество философских текстов («И Цзин», «Чжуан-цзы», «Луньюй», «Мэн-цзы» и др.), однако «Дао Дэ Цзин» уникален не только своей философской глубиной, но и высокой художественностью, тематической и композиционной целостностью, которые способствуют выражению ключевых мыслей, выраженных в образах-понятиях “Дао” и “Дэ”. Если сравнивать «Дао Дэ Цзин» с названными выше философскими сочинениями, то можно отметить, что в книге «И Цзин» отсутствует философичность, целостность композиции и рациональная полемичность; книгу «Чжуан-цзы» можно отнести к философской лирике; «Луньюй» считается по большей мере сборником афоризмов; а «Мэн-цзы» не обладает такой высокой литературностью и системностью, как «Дао Дэ Цзин».

Для трактата «Дао Дэ Цзин» была характерна не только философская глубина, но и *эмоциональность* в разных ее вариантах – поэтическая взволнованность, задушевность, иногда – ироничность. Например, в главке 20 Лао-цзы сформулировал различия между автором и всеми остальными людьми: “沌沌兮，如婴儿之未孩；儻儻兮，若无所归。众人皆有余，而我独若遗。我愚人之心也哉！”¹. Для выражения абстрактной философской мудрости в книге использовались разнообразные тропы – метафоры и метонимии: так, при объяснении значения образа-понятия «дао» Лао-цзы для доказательства необходимости соблюдения законов природы применил максимально простые образные сравнения: “天之道，其犹张弓欤？高者抑之，下者举之。”².

Важной особенностью трактата является его *монологическая форма*, которая соответствовала передаче эмоций автора. В отличие от другого классического произведения той же эпохи, – книги «Лунь Юй», построенной в форме диалогов Конфуция (Кун-цзы) с его учениками, или книги «Ши Цзин», содержащей песни (оды), каждая из которых имеет своего обобщенного автора, «Дао Дэ Цзин» организован в виде *монолога* одного героя. Вот как охарактеризовал эту особенность текста Н.И. Конрад: «За литературным Кун-цзы стоит житейски-реальный Кун Цю, сказать же, что за Лао-цзы стоит некий Ли Эр, – никак нельзя. <...> Лао-цзы – только герой поэмы, названной по его имени, и притом целиком литературный. И герой этот совершенно иной, чем Кун-цзы в Луньюе или Мэн-цзы в Мэн-цзы; там герои присутствуют, в Лао-цзы герой отсутствует. Отсутствует, однако, только персонально, но всюду присутствует его речь. И эта речь создает его образ. И так как то, что он говорит, необыкновенно, необыкновенен и этот образ. Он – Лао-цзы, т. е. <...> Старец. [Конрад 1977: 442]. Речь героя трактата очень выразительна, насыщена яркими образами, противопоставлениями и парадоксами.

¹ Ах, какой я бесполовый! Я подобен младенцу, который еще не научился смеяться. Какой я усталый и праздный – как бездомный потерявшийся скиталец. У всех есть что-нибудь, но у меня, похоже, нет ничего. Какое у меня глупое сердце! *Перевод Чжан Юаньюань.*

² Закон природы – разве он не тот же самый, что проявляется при стрельбе из лука? Если стрела направлена выше цели, то её следует опустить, а если ниже, то её следует приподнять. *Перевод Чжан Юаньюань.*

Заключение

Трактат «Дао Дэ Цзин» следует рассматривать как своеобразную философскую поэму в прозе. Сложность интерпретации и переложения текста «Дао Дэ Цзин» на любой современный язык обуславливается не только выраженными в нём мыслями и формой их изложения, но и используемой системой понятий и образов, неоднозначностью его образной природы, наличием множества принципиально различающихся интерпретаций текста, а также необычностью (особенно для современного «западного» сознания) изложенных в нём философских концепций. Любой художественный перевод трактата «Дао Дэ Цзин» должен адекватно передавать выраженные в нём философские идеи. При этом важно учитывать и жанрово-стилевые традиции китайской литературы, а также быть ориентированным на максимальное сохранение ритма, стиля и лаконичной красоты оригинального текста.

Дальнейшие исследования в этом направлении помогут постичь особенности культурой картины мира, воссозданной в философском трактате, раскрыть особенности его функционирования в инокультурной среде, что будет содействовать культурному обмену и практике межкультурной коммуникации народов.

Список литературы

1. Алексеев В.М. Труды по китайской литературе: в 2-х книгах. Кн. 1 / сост. М.В. Баньковская; отв. ред. Б.Л. Рифтин. М.: Восточная литература, 2002. 574 с.
2. Дао Дэ Цзин. В. Перелешин // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 3. С. 144–161.
3. Китайская классическая поэзия / пер. Л. Эйдлина; вступ. статья и примеч. Л. Эйдлина; оформление худож. Н. Крылова. М.: Художественная литература, 1984. 373 с.
4. Конрад Н.И. Запад и Восток: статьи. М.: Главная редакция восточной литературы, 1966. 520 с.
5. Конрад Н.И. Избранные труды. Синология. М.: Главная редакция восточной литературы, 1977. 622 с.
6. Кравцова М.Б. Поэзия Древнего Китая: Опыт культурологического анализа. Антология художественных переводов. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. 544 с.
7. Кравцова М.Е. Хрестоматия по литературе Китая / состав., предисл., вводные статьи, примеч. и худож. перевод поэтических произведений. СПб.: Азбука-классика, 2004. 765 с.
8. Руденко А.А., Мэн Ся. Филологические особенности даосского трактата «Дао Дэ Цзин» как неиссякаемый источник его герменевтических трактовок (на примере анализа первого параграфа и переводов на русский язык) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Т. 13. Вып. 5. С. 294–300.
9. Смирнов И.С. Илья Смирнов – переводчик с китайского [Электронный ресурс]. URL: https://www.slowo.ru/stat11_14.html?ysclid=l5wc4berzs694868586 [дата обращения: 12.12.2022].
10. Шуцкий Ю.К. Китайская классическая «Книга перемен» / под ред. А.И. Кобзева; состав., статьи, био- и библиография А.И. Кобзева, предисл. к 1-му изд. Н.И. Конрада, статьи В.М. Алексеева, примеч. А.И. Кобзева и Н.И. Конрада. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 606 с.
11. Линь Юйтан. Мудрость Лао-цзы. Сиань: Изд-во «Шаньсийский педагогический университет», 2006. 248 с. [林语堂, 老子的智慧[M], 西安, 陕西师范大学出版社, 2006年, 248页。] (на кит. яз.).
12. Лу Синь. Полное собрание сочинений Лу Синя. Пекин: Изд-во Тунсинь, 2014. 7827 с. [鲁迅, 鲁迅全集[M], 北京, 同心出版社, 2014年, 7827页。] (на кит. яз.).

13. Сборник избранных сочинений даосов / сост. Фан Юн. Пекин: Изд-во государственной библиотеки, 2018. 4458 с. [方勇, 子藏·道家部·老子卷(全120册)[M], 北京, 国家图书馆出版社, 2018年, 4458页。](на кит. яз.).
14. Сыма Цянь. Глава 63. Биография Лао-цзы и Хань Фэя III // Сыма Цянь. Исторические заметки. Пекин: ООО Пекинское культурное распространение Юэйлань, 2016. 2838 с. [司马迁, 史记卷六十三·老子韩非列传第三[M], 北京, 北京阅览文化传播有限公司, 2016年, 2838页。](на кит. яз.).
15. Ху Юаньсюнь. Толкование Лао-цзы. Нанкин: Изд-во Вэньмэй, 1933. 23 с. [胡远濬, 老子述义[M], 南京, 南京文美印刷局, 1933年, 23页。](на кит. яз.).
16. Фэн Юлань. Сборник избранных трудов Фэн Юланя. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2000. 447 с. [冯友兰, 冯友兰选集[M], 北京, 北京大学出版社, 2000年, 447页。](на кит. яз.).
17. Чэнь Гуин. Лао-цзы. Примечания и обзор. Пекин: Китайское книгоиздательство, 2009. 492 с. [陈鼓应, 老子注译及评介[M], 北京, 中华书局, 2009年, 492页](на кит. яз.).
18. Ху Ши. Очерк истории китайской философии. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2013. 332 с. [胡适, 中国哲学史大纲[M], 北京, 北京大学出版社, 2013年, 332页。](на кит. яз.).
19. Чжан Чжэнмин. Следы чуской культуры. Ухань: Хубэйское народное изд-во, 1988. 450 с. [张正明, 楚文化志[M], 武汉, 湖北人民出版社, 1988年, 450页。](на кит. яз.).

References

1. Alekseev V.M. Trudy po kitaiskoi literature [Works on Chinese Literature]. Moscow, Vostochnaya literatura, book 1, 2002, 574 с. (In Russ.).
2. Dao De Tszin. V. Pereleshin [V. Pereleshin]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 1990, no. 3, pp. 144-161. (In Russ.).
3. Kitaiskaya klassicheskaya poeziya [Chinese classical poetry]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1984, 373 p. (In Russ.).
4. Konrad N.I. Zapad i Vostok [West and East]. Moscow, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1966, 520 p. (In Russ.).
5. Konrad N.I. Izbrannye trudy. Sinologiya [Selected works. Sinology]. Moscow, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1977, 622 p. (In Russ.).
6. Kravtsova M.B. Poeziya Drevnego Kitaya: Opyt kul'turologicheskogo analiza. Antologiya khudozhestvennykh perevodov [Poetry of Ancient China: An Experience of Cultural Analysis. Anthology of literary translations]. Saint Petersburg, Tsentr «Peterburgskoe Vostokovedenie», 1994, 544 p. (In Russ.).
7. Kravtsova M.E. Khrestomatiya po literature Kitaya [Reader on Chinese Literature]. Saint Petersburg, Azbuka-klassika, 2004, 765 p. (In Russ.).
8. Rudenko A.A., Men Sya. Filologicheskie osobennosti daoskogo traktata «Dao De Tszin» kak neissyakaemyi istochnik ego germenevicheskikh traktovok (na primere analiza pervogo paragrafa i perevodov na russkii yazyk) [Philological features of the Taoist treatise "Tao Te Ching" as an inexhaustible source of its hermeneutic interpretations (on the example of the analysis of the first paragraph and translations into Russian)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota, 2020, vol. 13, iss. 5, pp. 294-300. (In Russ.).
9. Smirnov I.S. Il'ya Smirnov - perevodchik s kitaiskogo [Ilya Smirnov - translator from Chinese]. (In Russ.). Available at: https://www.slowo.ru/stat11_14.html?ysclid=15wc4berzs694868586 [accessed: 12.12.2022].
10. Shutskii Yu.K. Kitaiskaya klassicheskaya «Kniga peremen» [Chinese Classical "Book of Changes"]. Moscow, Nauka. Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura», 1993, 606 p. (In Russ.).
11. Линь Юйтан. Мудрость Лао-цзы. Сиань: Изд-во «Шаньсийский педагогический университет», 2006. 248 с. [林堂老の慧[M], 西安: 西安师范大学出版社, 2006年, 248页。](на кит. яз.).

12. Лу Синь. Полное собрание сочинений Лу Синя. Пекин: Изд-во Тунсинь, 2014. 7827 с. [鲁迅全集, 北京人民出版社2014年7827页] (на кит. яз.).
13. Сборник избранных сочинений даосов / сост. Фан Юн. Пекин: Изд-во государственной библиотеки, 2018. 4458 с. [老子道家著作卷全20册, 北京图书馆出版社2018年4458页] (на кит. яз.).
14. Сыма Цянь. Глава 63. Биография Лао-цзы и Хань Фэя III // Сыма Цянь. Исторические заметки. Пекин: ООО Пекинское культурное распространение Юэйлань, 2016. 2838 с. [史记卷六十三列传第五, 北京北京文化传播公司2016年2838页] (на кит. яз.).
15. Ху Юаньсюнь. Толкование Лао-цзы. Нанкин: Изд-во Вэньмэй, 1933. 23 с. [胡濬老义, 南京美局1933年23页] (на кит. яз.).
16. Фэн Юлань. Сборник избранных трудов Фэн Юланя. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2000. 447 с. [冯兰发选集, 北京北京大学出版社2000年447页] (на кит. яз.).
17. Чэнь Гуин. Лао-цзы. Примечания и обозрение. Пекин: Китайское книгоиздательство, 2009. 492 с. [陈立老注及介, 北京中华书局2009年492页] (на кит. яз.).
18. Ху Ши. Очерк истории китайской философии. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2013. 332 с. [胡适中国哲学史, 北京北京大学出版社2013年332页] (на кит. яз.).
19. Чжан Чжэнмин. Следы чуской культуры. Ухань: Хубэйское народное изд-во, 1988. 450 с. [张明楚七志, 武汉人民出版社1988年450页] (на кит. яз.).

Информация об авторах

Чжан Юаньюань – аспирант кафедры русской литературы,
Пермский государственный национальный исследовательский университет;
Б.В. Кондаков – доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

Zhang Yuanyuan – Post-graduate student of Russian Literature Department,
Perm State University;
B.V. Kondakov – Grand Ph. D. (Philology), Professor of Russian Literature Department,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 19.06.2022; одобрена после рецензирования 10.07.2022; принята к публикации 25.08.2022.

The article was submitted 19.06.2022; approved after reviewing 10.07.2022; accepted for publication 25.08.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 8. С. 93–106.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2022. No. 8. P. 93-106.

Научная статья

УДК 811.511.13'28

doi: 10.24412/2713-0231-2022-8-93-106

ПРОСТОРЕЧНЫЕ НАРЕЧИЯ, МЕСТОИМЕНЕНИЯ И ЧАСТИЦЫ В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ПЕРМСКОГО РЕГИОНА: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

Тамара Ивановна Ерофеева

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
genling.psu@gmail.com

Аннотация. В статье описано лексическое просторечие в речи носителей литературного языка пермского региона. На примере анализа семантики таких частей речи, как наречие, местоимение и частицы, определены критерии, способствующие квалификации слова как просторечного: критерий – наличие экспрессивной семы; критерий – широкое бытование по говорам. Анализ проведен с привлечением большого количества диалектных и литературных словарей русского языка. В результате выявлено, что экспрессия является активным движущим фактором, способствующим изменению статуса единиц в рамках идиомов национального языка. Исследование процесса перемещения единиц в горизонтальной проекции дало возможность показать сущность городского просторечия как промежуточного идиома между диалектами и литературным языком. При этом процесс перемещения единиц из одного идиома в другой идет по схеме: диалектное → просторечное → литературное и сопровождается изменением стилистической характеристики слова. Цель статьи – проанализировать семантику и функционирование просторечных наречий, местоимений и частиц в повседневной речи носителей литературного языка Пермского региона. Материалом исследования послужили записи речи пермских носителей литературного языка в течение 70–90-х гг., составившие около 30 часов звучания. Фронтальное исследование этого массива данных на лексическом уровне выявило, помимо значительного количества единиц диалектного происхождения, и группу просторечной лексики.

Ключевые слова: просторечие, семантика, критерий просторечной единицы, экспрессивная сема, функционально-стилистическая характеристика слова.

Для цитирования: Ерофеева Т.И. Просторечные наречия, местоимения и частицы в речи носителей литературного языка Пермского региона: семантический анализ // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 8. С. 93–106. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-8-93-106>

Original article

VERNACULAR ADVERBS, PRONOUNS AND PARTICLES IN THE SPEECH OF NATIVE SPEAKERS OF THE LITERARY LANGUAGE OF THE PERM REGION: SEMANTIC ANALYSIS

© Ерофеева Т.И., 2022

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-412-590001 «Вариативность региолекта: территориальный, социальный и когнитивный аспекты».

Tamara I. Erofeeva

Perm State University, Perm, Russia, genling.psu@gmail.com

Abstract. The paper presents a study of vernacular lexical units in the speech of Perm regiolect speakers. Basing on the example of the semantics' analysis of adverbs, pronouns and particles criteria contributing to the qualification of a word as vernacular are described: the presence of an expressive seme; wide existence in dialects. Many dialect and literary dictionaries of the Russian language were involved in the analysis. It was found that expression contributes to the change of the status of units within the idioms of the national language. The study of the process of moving units in a horizontal projection made it possible to show the essence of urban vernacular as an intermediate idiom between dialects and literary language. The movement of units from one idiom to another follows the scheme: dialect → vernacular → literary and is accompanied by a change in the stylistic characteristics of the word. The purpose of the article is to analyze the semantics and functioning of colloquial adverbs, pronouns and particles in the everyday speech of native speakers of the literary language of the Perm region. The material of the study was the recordings of the speech of Perm native speakers of the literary language during the 70-90s, which amounted to about 30 hours of sound. A frontal study of this data array at the lexical level revealed, in addition to a significant number of units of dialect origin, a group of colloquial vocabulary.

Keywords: vernacularism, semantics, criterion of vernacularism, expressive seme, functional and stylistic characteristics of the word.

For citation: Erofeeva T.I. Vernacular adverbs, pronouns and particles in the speech of native speakers of the literary language of the perm region: semantic analysis. Humanitarian Studies. History and Philology. 2022;8:93-106. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-8-93-106>

Введение

При изучении обиходно-бытовой речи пермских носителей литературного языка на лексическом уровне обнаружено, кроме воздействия народных говоров, еще и присутствие лексических единиц городского просторечия как формы функционирования национального языка [Городское просторечие 1984; Ерофеева Е.В. 2003, 2005; Ерофеева Т.И. 2009; Ерофеева Е.В., Грузберг 1989; Ерофеева Е.В., Ерофеева Т.И. 2019].

По определению Ю.А. Бельчикова, просторечие – «самобытная речевая сфера внутри каждого нац. языка. Функционально противопоставленное литературному языку, П., как и литературный язык, коммуникативно значимо для всех носителей нац. языка» [ЛЭС 1990: 402]. В лексикографической практике принято рассматривать просторечие как особый стилистический пласт просторечной лексики, обладающий «яркой экспрессивной окраской “сниженности”, грубоватости, фамильярности» [там же].

Цель статьи – проанализировать семантику и функционирование просторечных наречий, местоимений и частиц в повседневной речи носителей литературного языка Пермского региона.

Материалом исследования послужили записи речи пермских носителей литературного языка в течение 70–90-х гг., составившие около 30 часов звучания. Фронтальное исследование этого массива данных на лексическом уровне выявило, помимо значительного количества единиц диалектного происхождения, и группу просторечной лексики, по данным БАС и МАС. МАС определяет просторечие как стилистическое средство, которое характеризуется следующими особенностями:

- 1) ограниченный пласт лексики на границе литературного языка;
- 2) грубость содержания, резкость выражаемой оценки;
- 3) употребляется в сниженном стиле, в обиходной, бытовой речи [МАС 1: 9].

Основная часть

В пределах анализируемого материала выделим для статьи 229 просторечных единиц и определим их частеречный объем (см. табл. 1).

Таблица 1. Объем частей речи среди лексических просторечий

Классы лексических единиц	Частота	
	Абс.	%
Глаголы	98	42,8
Существительные	56	24,5
Фразеологизмы	24	10,5
Прилагательные	21	9,2
Наречия	21	9,2
Служебные	9	3,9
Всего	229	100,0

В данной статье описывается семантика просторечных наречий, местоимений и частиц.

Просторечные наречия

Просторечные наречия составляют 9,2 %, то есть 21 лексическую единицу от всех зафиксированных просторечных единиц; представлены пятью семантическими группами, расположенными по убыванию частоты: 1) наречия со значением оценки; 2) наречия со значением образа действия; 3) наречия со значением меры и степени; 4) наречия со значением времени; 5) наречия со значением места. Рассмотрим эти группы и лексемы, входящие в них.

Наречия со значением оценки

Оценочный аспект достаточно активно представлен в семантике этих наречий (7 единиц). Так, наречие *в аккурат* определяется МАС как просторечное со значением 'точно, как раз'. Активно используется в пермской городской речи:

Он подъехал в аккурат к моему дому (жен., 45 л., служащая, высш. образование, Пермь);

Пока платье тебе велико, но через год будет совсем в аккурат (жен., 50 л., инженер, высш. образование, Краснокамск);

В аккурат 200 рублей будет (муж., 28 л., историк, высш. образование, Кунгур);

Платье на тебе как тут и было – в аккурат (жен., 38 л., профсоюзный работник, сред. спец. образование, Чайковский);

А он в аккурат в это время подойдет. Он всегда приходит в одно и то же время (муж., 27 л., преподаватель, сред. спец. образование, Чусовой);

Собрание, как и предполагалось, было проведено в аккурат в четверг (муж., 50 л., бухгалтер, сред. образование, Оса);

Размахнувшись, я вогнал топор в аккурат в середину чурбака (муж., 36 л., инженер, высш. образование, Пермь).

Данное слово отмечено в Акчимском словаре, находится в активном словарном запасе жителей Пермского края, привычно с детства и воспринимается как литературное. Его статус просторечного слова подтверждается «Словарем просторечий русских говоров Среднего Приобья».

Наречие **всяко** со значением ‘по-разному, неодинаково; различно’, отмеченное в МАС и БАС как просторечное, фиксируется в речи жителей пермского региона:

Есть такие люди. Ссорятся из-за мелочей, оскорбляют друг друга всяко (жен., агроном, высш. образование, Краснокамск);

До дому можно добраться всяко (жен., 20 л., студентка, Пермь);

Живут они всяко. Бывают и ссоры (муж., пенсионер, Верещагино);

Здоровья-то стало мало. Теперь всяко бывает, болею часто (жен., пенсионерка, высш. образование, Кунгур);

Всяко бывает. То двойки, то пятерки. Чаще двойки (жен., 30 л., секретарь-машинистка, сред. образование, Березники).

В.И. Даль включает данное слово в словарь в том же значении без указания территории бытования. Есть фиксация этого наречия и в СРНГ, Соликамском, Брянском, Псковском словарях. Однако «Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья» считает его просторечным; к просторечным наречие **всяко** относит и «Словарь современного русского города» (г. Омск).

Многозначное наречие **здорово** в значении ‘очень, сильно’ (МАС) фиксируется в речи носителей пермского региона:

Только сто тридцать семь процентов. Что они так отстают здорово? (муж., главный инженер, высш. образование, Красновишерск);

Здорово он говорит! (жен., 28 л., делопроизводитель, Губаха);

Чудишь, говорят. Здорово чудишь! (муж., 30 л., следователь, сред. спец. образование, Красновишерск).

Наречие с этим значением уже не фиксируется в говорах, но отмечено в «Словаре просторечий русских говоров Среднего Приобья». Полагаем, что экспрессивная сема ‘очень’ способствует квалификации его как просторечного слова.

Значение наречия **позарез** согласно МАС – ‘до крайности, чрезвычайно’. В речи жителей пермского региона слово используется, правда, не очень часто.

Вас и в Пермь возьмут, и в Березники. Каменщики вот так нужны, позарез! (муж., 38 л., мастер, сред. спец. образование, Красновишерск);

Позарез такие учителя были нужны! (жен., 45 л., директор школы, высш. образование, Пермь).

Как употребительное отмечено это наречие в «Словаре современного русского города», где подчеркивается наличие у него экспрессии.

В значении наречия **пользительно** акцентируется полезность как оценка действия. Слово характеризуется МАС как *прост.* и *устар.*, очевидно поэтому встречается в речи наших информантов редко.

Пользительно на ночь пить молоко (жен., библиотекарь, высш. образование, Пермь);

Знаю слово, но скажу всё-таки не пользительно, но полезно (жен., филолог, высш. образование, Пермь).

В пермских диалектных словарях слово не отмечено. Встречается только в «Словаре просторечий русских говоров Среднего Приобья», где представлено одним примером: *Пользительно молочко-то пить.*

Многозначное наречие *справно*, имеющее в МАС помету *прост.*, зафиксировано в речи пермских информантов в двух значениях:

1. Хорошо, добротнo. 2. Зажиточно.

И хозяйство у них справно, и живут они справно; не то, что мы – беднота (жен., 55 л., филолог, пенсионер, высш. образование, Пермь).

Наречие отмечено в СПГ. Омский словарь городской речи фиксирует прилагательное *справный*, имеющее помету *общеупотреб.* в значении ‘зажиточный’, которое приведено БАС и Словарем Даля. Широко употребительно слово в говорах Приобья, в связи с чем отмечено как просторечное в «Словаре просторечий русских говоров Среднего Приобья».

Наречие *сроду* имеет помету *прост.* в значении ‘никогда, ни разу’ (МАС) при глаголе с отрицанием. Часто встречается в речи жителей пермского региона.

Сроду я такого слова не говорила (жен., 30 л., библиотекарь, высш. образование, Оса);

Она сроду-то книгу в руки не брала (муж., геолог, сред. спец. образование, Красновишерск).

Данное значение наречия отмечено СПГ, Соликамским словарем, СРНГ (на территории Вологодской, Владимирской, Рязанской, Курганской, Томской, Иркутской областей) и как просторечное «Словарем просторечий русских говоров Среднего Приобья».

Наречия со значением образа действия

В анализируемом материале встретилось 6 наречий со значением образа действия. Рассмотрим их семантику, опираясь на данные МАС и употребление в речи жителей пермского региона.

Наречие *больно* в МАС имеет значение ‘очень, весьма, сильно’ и сопровождается примером из М.Ю. Лермонтова: *Вижу, Азамат, тебе больно понравилась эта лошадь.* Словарь Даля фиксирует значение ‘весьма, очень, гораздо, крепко, сильно’, не указывая территории его распространения по говорам. Между тем в XX в. слово отмечается уже с просторечным значением как в литературных словарях (БАС, МАС, Ушаков), так и в «Словаре просторечий русских говоров Среднего Приобья». Достаточно широко это наречие распространено и в Пермском крае. В речи носителей пермского региона отмечено около 100 употреблений, например:

Малины в этом году больно много уродилось (жен., 42 г., врач, высш. образование, Пермь);

Больно долго вы ходили. Я ждать устала (жен., 44 г., учитель истории, высш. образование, Оса);

Уж больно быстро ты решаешь! (жен., 22 г., учитель математики, высш. образование, Краснокамск);

Уж больно умная девочка к нам в группу пришла (жен., 30 л., воспитатель детсада, высш. образование, Краснокамск);

Хороша свадьба, да жених-то уж больно молодой (муж., фельдшер, Пермь);

Туфли не подошли, размер больно мал (муж., 30 л., инженер, сред. образование, Пермь);

Больно хороша девка-то! (муж., 55 л., историк, высш. образование, Куеда);

Больно вкусен обед (муж., 40 л., преподаватель техник, сред. спец. образование, Кунгур);

Больно ты пряткий, как я погляжу! (жен., 28 л., библиотекарь, высш. образование, Кунгур);

А она и так не больно внимание-то обращает (жен., 27 л., монтажник, сред. образование, Верещагино);

Грибы! Но вот какие – я в грибах уж больно худо..., потому что в детстве ходила с бабушкой в лес (жен., 52 г., филолог, высш. образование, Пермь);

Она очень хороший человек. Она добрая, мягкая больно; А у птицы красная грудка. Наверно это снегирь какой-нибудь. Но он больно худенький для снегиря (жен., 23 г., преподаватель англ. языка, высш. образование, Пермь).

Наречие зафиксировано в Акчимском словаре, имеет несколько значений, в том числе и указанное. Имеет экспрессивную сему ‘очень’, характерную для просторечной лексики.

Наречие *втихаря* имеет значение ‘втихомолку’ с пометой *груб.*, по определению МАС. Есть случаи употребления этого наречия в речи пермских информантов, часто с оттенком значения ‘незаметно’:

Он все делал втихаря для других (жен., студентка, 3 курс, филолог, Пермь);

Вот ведь вредная какая! Запретишь ей что-нибудь – промолчит, а втихаря своё сделает (жен., 28 л., секретарь-машинистка, сред. спец. образование, Березники);

Что-то, наверно, затевают втихаря. За мальчишками нужен глаз да глаз! (жен., 30 л., воспитатель детсада, сред. спец. образование, Кунгур).

Можно заметить, что в речи пермяков стилистическая окраска наречия сдвигается с *груб.* на *неодобр.*

Наречие *втихаря* со значением ‘незаметно, тайком, потихоньку’ отмечено и в томских говорах. Оно имеет помету *общеупотр.* в «Словаре современного русского города» (г. Омск). Ярко выраженная экспрессия слова способствует его распространению в просторечной и – шире – разговорной среде.

Наречие *крепко* согласно МАС имеет значение ‘очень, сильно’; отмечается и в речи разных социально-возрастных групп носителей пермского региона:

Крепко он его шарахнул! (жен., студентка, 2 курс, биолог, Пермь);

Ох, как я вчера крепко поддал! Даже праздника не помню (муж., студент, 4 курс, юрист, Пермь);

Значит они [диалектные слова] у нас на Урале крепко держатся, раз я знаю их (муж., 36 л., юрист, высш. образование, Красновишерск).

Как и во многих предыдущих случаях, значение слова включает экспрессивную сему ‘очень’. Наречие характерно для акчимского говора, многозначно, активно в диалектной речи. В Омском словаре городской речи слово имеет помету *общеупотр.*, такую же стилистическую окраску приписывают этому наречию БАС, МАС, СРНГ, в которых отмечается широкая территория бытования этого наречия. Например, в СРНГ указанное значение зафиксировано как встречающееся в тверских, кубанских, уфимских, восточных, закамских, горьковских, калужских, псковских, смоленских, брянских, орловских, рязанских, московских, костромских, вологодских, архангельских, печорских, новосибирских, саратовских, пермских, олонечких и др. говорах.

Значение слова *силко́м*, данное в МАС, указывает на образ действия ‘силой’, принуждая, то есть не считаясь с желанием, насильно, против воли. С этим значением данное наречие фиксируется и в пермской городской речи носителей разных социально-возрастных групп:

Что это мне тебя силком тянут? (жен., 35 л., учитель, сред. спец. образование, Березники);

Есть у тебя такое – силком заставить (муж., 28 л., инженер, высш. образование, Пермь);

Послать его силком, силой (жен., инженер, высш. образование, Кунгур);

Мне надо делами заниматься, а он [сын] меня силком усаживает... [заставляет слушать] (жен., 50 л., филолог, высш. образование, Пермь).

Наречие отмечено во многих диалектных словарях: Акчимском словаре, СПГ, СРНГ, СПРГСР, Словаре В.И. Даля (с пометой *вост.*), Деулинском словаре, – имеет широкую территорию бытования, имеет экспрессивную сему ‘насильно’ и, разумеется, считается принадлежащим к просторечному слою лексики в МАС, Словаре Ожегова.

Сило́м – вариант наречия *силко́м*, имеющего то же значение, также активно используется в городской пермской речи:

Он силом ее заставил работать (муж., 38 л., геолог, сред. образование, Красновишерск);

Что тебя силом тащить? (жен., 35 л., филолог, высш. образование, Пермь);

Силом заставили, с трудом доставили (муж., конструктор, высш. образование, Красновишерск);

Силом послала в магазин (жен., 50 л., работник связи, сред. образование, Чусовой);

Силом девку замуж отдали (жен., 48 л., экономист, сред. образование, с. Малая Сива).

Наречие имеет широкую территорию бытования, отмечено в Акчимском словаре, СПГ, СРНГ, ПОС, Словаре Даля (с пометой *вост.*), Архангельском словаре, поэтому неслучайно в МАС имеет помету *прост.*

Наречие *шибко* со значением ‘сильно, очень’ квалифицируется в МАС как просторечное. Это слово достаточно частотно в речи разных социально-возрастных групп пермского региона:

Бабка твоя держала корову, лошадь да поросенка. Шибко скотину любила (жен., 50 л., учитель, сред. спец. образование, Оса);

Да не беги так шибко. Не догнать! (жен., 22 г., воспитатель, сред. образование, Чернушка);

Стёпка шибко любил свою бабушку (жен., 44 г., юрист, высш. образование, Пермь);

Шибко устали тогда (жен., 28 л., литсотрудник, сред. спец. образование, с. Б. Соснова);

Шибко уж он мне нравится (муж., пенсионер, Губаха).

Наречие фиксируется в диалектных словарях (Акчимском словаре, СПГ, Словаре Даля) как многозначное слово. Экспрессивная сема ‘очень’ способствует включению этой единицы в просторечный лексикон (см. «Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья»). Как общеупотребительное слово отмечается и в «Словаре современного русского города» (г. Омск).

Наречия со значением меры, степени действия

Дадим характеристику наречий со значением меры, степени действия (5 единиц).

Наречие *беда́*, по данным МАС, имеет помету *прост.* и значение ‘очень, чрезвычайно’.

В этом же значении реализуется в речи жителей пермского региона:

Беда хороший человек (жен., 23 г., медсестра, Пермь);

У меня вчера был беда нетоварный вид (жен., преподаватель вуза, Пермь);

Да, наверно, некогда будет идти сегодня: дел беда много (жен., учитель, пос. Октябрьский);

Беда жалко мне ее деток (жен., 23 г., агроном, высш. образование, Куеда).

В пермском регионе это наречие фиксируется преимущественно в обиходной речи и не включает в свое значение семы, с которой приводится в словарях литературного языка. Используется местными писателями в художественной речи (например, А. Колчанов в книге «Старина оханская» обращается к этому локализму 9 раз: *Беда веселый народ был в Усолье: песенники и плясуны, а главное – просмешники...*; *Старик беда возмутился нахальством Памфила...* и др.). Наречие *беда́* в значении ‘очень, чрезвычайно’ без квантификатора ‘много’ отмечено в диалектных словарях (Акчимском словаре, СПГ, СРНГ), однако в «Словаре просторечий русских говоров Среднего Приобья» оно квалифицируется уже как просторечное.

Значение наречия *вдруго́рядь*, по данным МАС, – ‘в другой раз, вторично’; имеет в этом словаре пометы *устар.* и *прост.* Наречие активно используется в речи различных социально-возрастных групп пермского региона:

Некогда сейчас, вдругорядь зайду к вам (жен., 38 л., профсоюзный работник, сред. спец. образование, Чайковский);

Следует поговорить с ним. Вдругорядь не будет так делать (жен., 30 л., воспитатель, сред. образование, Кунгур);

Сегодня мне некогда, вдругорядь придешь (муж., 42 г., механизатор, высш. образование, Куеда).

В картотеке зафиксировано 13 подобных примеров. Как диалектное, слово отмечено в Акчимском словаре, СПГ, Словаре Даля, «Словаре современного русского города». СРНГ показывает очень широкую территорию бытования наречия *вдруго́рядь*: Урал, Кострома, Ярославль, Вологда, Архангельск, Северо-Двинск, Новгород, Самара, Оренбург, Саратов, Астрахань, Киров, Пермь, Свердловск, Курган, Тюмень, Тобольск, Томск, Барнаул, Иркутск, Забайкальский округ, Якутия. Вполне естественно, что в «Словаре просторечий русских говоров Среднего Приобья» слово имеет помету *прост.*

МАС два значения для слова *мале́нько*:

1. Немного, чуть-чуть, слегка; 2. Непродолжительное время. Оба значения отмечены в речи наших информантов:

Плесни молока маленько (жен., 21 г., студентка, Кунгур);

Куда ты пошел? Посиди еще маленько (жен., 60 л., пенсионерка, Пермь);

Мой сын еще маленько не дорос, чтобы высказывать своё мнение (жен., 42 г., работник района, высш. образование, Очер).

Слово зафиксировано в «Словаре просторечий русских говоров Среднего Приобья». Там же отмечено и другое просторечное слово *малёничко* с пометой *ласк.*, которое также присутствует в речи носителей пермского региона:

Совсем маленечко поспала, а уже полегче (жен., 42 г., учитель, сред. спец. образование, Красновишерск);

Подождите маленечко. Я сейчас вернусь (жен., 22 г., библиотекарь, сред. спец. образование, с. Частые);

Надо маленечко побережся, не перенапрягаться (жен., 35 л., врач, высш. образование, Пермь).

Слово не фиксируется ни диалектными, ни литературными словарями. Однако в речи горожане почти не используют слово *немножечко* – только *малёничко*:

Слово немножечко, конечно, все знают. Но говорят почему-то маленечко. Видимо, так здесь привычнее (жен., 44 г., работник районо, высш. образование, Очер);

Для коренного пермяка это слово [маленечко], конечно, роднее (жен., 46 л., преподаватель вуза, высш. образование, Пермь).

Наречие *чутóк* имеет значение ‘немного, чуть-чуть’ и с пометой *простор.* дано в МАС. Наречие отмечено в речи жителей региона:

Чуток подожди. Сейчас я освобожусь (жен., 40 л., учитель, высш. образование, Чернушка);

Я очень торопилась. Тем не менее чуток опоздала. Извините (жен., 28 л., социальный работник, сред. спец. образование, Пермь).

Диалектные словари пермского региона этого слова не показывают. Есть его фиксация в Словаре Даля без указания на территорию распространения с примером *Дай чуток порошку!* Слово отмечено в «Словаре современного русского города» с пометой *общеупотр.*, а также «Словаре просторечий русских говоров Среднего Приобья» как просторечное.

Наречия со значением времени

В речи носителей пермского региона отмечены два наречия с временным значением.

Наречие *намéдни* используется в значении ‘недавно, на днях’. Например:

Грибков намедни погла (жен., 31 г., врач, высш. образование, Очер);

Коева дни два дни да намедни день [шутливо; пословичное] (жен., 69 л., учитель, сред. спец. образование, Кунгур);

Намедни? Конечно, знаю. Это значит совсем недавно. У Парфёнова же передача так называется (жен., 48 л., врач, высш. образование, Пермь);

Я не воспринимаю это слово как диалектное. Для меня оно просто не сегодняшнее. Из XIX-го века. Не народно-разговорное. Моя мама его никогда не употребляла (жен., 40 л., преподаватель вуза, лингвист, высш. образование, Пермь).

БАС сопровождает это слово пометой *простореч.*; МАС – *устар.* и *простореч.* Фиксируется в диалектных словарях (СПГ, СРНГ, Словаре Даля, в «Словаре просторечий русских говоров Среднего Приобья») также как просторечное слово. Следовательно, устаревшее наречие *намéдни* закрепились в просторечии.

Наречие *сызмала* согласно МАС имеет значение ‘с малых лет’. Достаточно активно используется в речи в пермском регионе:

Нас сызмала учили и шить, и вышивать (жен., 55 л., филолог, высш. образование, Пермь);

Уважать старших следует приучать сызмала (муж., мастер, сред. образование, Красновишерск).

Слово фиксируется в диалектных словарях – СПГ, Акчимский словарь (*сызмала*), Словарь Даля, СРНГ – в говорах многих территорий: Ярославской, Тверской, Воронежской, Павлодарской, Архангельской, Вологодской, Свердловской, Иркутской областей, Красноярского и Пермского краев, Коми АССР. Такая широкая территория бытования слова способствует переходу его в разряд просторечных единиц.

Наречие со значением места

В материале было отмечено только одно наречие со значением места – *посерёдке* ‘посередине’. В МАС оно имеет помету *прост.* С такой же пометой *прост.* в «Словаре просторечий русских говоров Среднего Приобья» и Омском словаре городской речи (пример на употребление: *Я чур посерёдке спать буду*).

Используется наречие *посерёдке* и в пермской городской среде:

Кругом деревни были красные, а посерёдке – белые (муж., историк, высш. образование, Пермь).

Таким образом, описание семантики групп просторечных наречий дает возможность продемонстрировать их статус с точки зрения критерия экспрессивности. Как показывает частотность, им в большей степени обладают группы наречий со значением оценки, со значением образа действия и со значением меры, степени действия. При этом заметим, что в отличие от критерия квалификации просторечной единицы МАС как *сниж.*, *груб.*, в пермских городской среде чаще используются пометы: экспрессивная *ласк.*, функционально-стилистические *разг.*, *общеупотреб.*, как активно употребляемые в речи для всех семантических групп просторечных наречий. Кроме того, статус просторечного слова в этих группах во многих случаях поддерживается критерием широкого бытования по говорам, по данным диалектных словарей.

Просторечные местоимения

В группе просторечных местоимений в активном употреблении отмечены 2 лексемы.

В речи пермских носителей литературного языка часто встречается лексема *ихний*. МАС считает, что эта единица имеет то же значение, что и местоимение *их*, т.е. «в значении притяжательности местоимения: принадлежащие им» [МАС 1: 696]. В записях речи слово отмечено в речи разных по специальности информантов:

А гараж дайте, пожалуйста, тогда. Ихний не отвечает? (инженер);

Это была ихняя затея (маркшейдер, г. Губаха);

Бабы ругаются, а я должен вникать в ихнюю жизнь (следователь, г. Красновишерск);

Костюмы ихние совсем порвались (режиссер, г. Пермь);

Они сразу увидели, что она не ихней веры... А по ихним понятиям ее посчитали за ведьму... Это была не ведьма, а девушка ихней общины (участковый милиционер, г. Оса).

Лексема зафиксирована и в речи женщины (г. Пермь): *Катька-то теперь в ихнем доме живет*. Данное местоимение с пометой *прост.* фиксируется в БАС, МАС, Словаре Ожегова, «Словаре современного русского города», где показана еще и стилистическая помета – *фамильярное*.

Просторечие *наше[у]нский*, как отмечает МАС, имеет значение ‘наш, свой’ [МАС 2: 417]. Характерно для речи наших информантов. Например, женщина 40 лет секретарь-машинистка: *Да их в наше[у]нском магазине продавали.*

Словарь Даля показывает оба притяжательных местоимения в своем словаре, считая их диалектными (с пометами *пск. ниж. тамб.*) и демонстрирует таким примером: *Это ихняя полоса, а эта нашинская, наша.*

Диалектный характер слов отмечен «Словарем пермских говоров» в иной фонетической трактовке: *ихной* и *нашенский*. Однако уже в БАС и МАС слова имеют помету *прост.* и фиксируются в форме *ихний*, *нашенский*.

Как видим, и та, и другая лексема, соотносясь с притяжательными местоимениями *их*, *наш* характеризуются наличием окончания. На этом их сходство кончается. Лексема *ихний* характерна для диалектно-просторечной речи. Современные толковые словари ее не фиксируют. Лексема *нашенский*, как отмечают «Толковый словарь русской разговорной речи», «Современный толковый словарь русского языка» 2004, претерпела изменения в экспрессивно-стилистических характеристиках, получив статус *разг.*, то есть используется в речи носителей литературного языка.

Итак, лексическая единица *ихний* характерна сегодня для городского просторечия, оставаясь в рамках местоимения, в то время как лексическая единица *нашенский* уже квалифицируется как принадлежащая литературно-разговорной речи и часто (но не всегда) отмеченная как местоименное прилагательное. Для доказательства приведем словарную статью из СТСРЯ 2004:

Нашенский, -ая, -ое. Разг. Наш, свой. *Эти овцы не н. // Такой, как у нас. Обычай явно не н.* [СТСРЯ 2004: 396].

Просторечные частицы

В обиходно-бытовой литературной речи встречаются частицы, отмеченные в МАС с пометой *прост.*

Ага, [ahá] – утвердительная частица. «Употребляется для согласия, подтверждения; соответствует по значению словам: *да, хорошо, так*» [МАС 1: 23]. Несколько примеров:

- *Так мы пока в морг на вскрытие с преподавателем ходим.*
- *Не боитесь?*
- *Ага, привыкли уже* (студент 3 курса медицинского института);
- *Календарики тетя Лена дала, навсегда.*
- *Много?*
- *Ага* (студентка 4 курса филологического факультета);

Ребята, вы идете сегодня на практику, ага? (преподаватель биологии).

Широкое использование диалектного *a[h]a* [Акч. 1984: 39] способствовало квалификации толковыми словарями слова (МАС, Ожегов 1995) как просторечного. Однако активное употребление лексемы в речи привело к изменению статуса слова: используется помета *разг.* [ТСРРР 2010] и даже *разг.-сниж.* [СТСРЯ 2004].

Данная «история» слова наглядно показывает, что просторечие является промежуточным идиомом в процессе перехода диалектных лексических единиц в литературно-разговорную речь.

Диалектная частица *вроде* толкуется в Акчимском словаре так: «Придает высказыванию некоторую предположительность» [Акч. 1984: 154]. В этом же значении лексема фиксируется МАС, но уже в просторечной среде. Подобная точка зрения отмечается также в МТСРЯ: 2. Частица. Как будто, кажется (прост.). *Я в. его уже видел»* [МТСРЯ 1993: 67]. Однако современные толковые словари (например, СТСРЯ 2004 и ТСРРР 2010) подают диалектно-просторечную частицу *вроде* с пометой *разг.* Наш материал также фиксирует эту частицу в литературно-разговорной речи:

[Рассматривает рисунок]: *Это желуди наверно. Форма-то вроде на желуди похожа. А листья-то шиповника* (жен., 58 лет, методист, высш. образование, филолог);

У него вроде глаза голубые (жен., 22 г., учитель нач. классов, высш. образование, филолог);

Спать надо уж вроде (муж., 50 л., инженер, высш. образование, технич.).

Заключение

Итак, считая общепринятым понимание просторечия как особого пласта лексики литературного языка [Баранникова 1974; Капанадзе 1984; Литературная норма и просторечие 1977 и др.], придерживаемся мнения, что просторечие понимается как форма функционирования языка, противопоставленная другим формам функционирования языка в силу ряда особенностей. Анализ семантики и функционирования таких частей речи как наречие, местоимение и частицы, определил во многом маркер просторечной единицы – наличие экспрессивной семы, материально выраженной в значении слова. Не менее важным в характеристике слова как просторечного отмечен и другой критерий – широкое бытование по говорам, зафиксированное часто в диалектных словарях русского языка.

Наконец, проведенный анализ семантики наречий, местоимений и частиц наглядно показал, что в большинстве случаев просторечие служит переходным стилистическим пластом при движении слова от диалекта к разговорной речи по схеме: диалектное → просторечное → литературное [Коготкова 1977].

Список источников

1. Акч. – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области / гл. ред. Ф.Л. Скитова. Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 1984–2011.
2. Архангельский словарь – Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецевой. Вып. 1–10. М., 1980–1999.
3. БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17-и т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
4. Брянский словарь – Словарь брянских говоров. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1976–1988.
5. Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955.
6. Деулинский словарь – Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / гл. ред. И.А. Оссовецкий. М.: Наука, 1969. 612 с.
7. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.
8. МАС – Словарь русского языка: в 4-х т / под ред. А.П. Евгеньевой; Инст. рус. яз. АН СССР. М.: Русский язык, 1985–1988.

9. МТСРЯ – Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Малый толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 1993. 704 с.
10. ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. СПб.: Изд-во СПб. 1967–2016. Вып. 1–26.
11. Словарь Ожегова – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. М.: Азъ, 1995. 928 с.
12. Словарь современного русского города / под. ред. Б.И. Осипова. Омск: Русские словари, АСТ, Астрель, Транзиткнига, 2003. 576 с.
13. Соликамский словарь – Словарь говоров Соликамского района Пермской области / сост. О.П. Беляева. Пермь: Изд-во «Пермский государственный педагогический институт», 1973. 706 с.
14. СПГ – Словарь пермских говоров / под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. Пермь: Книжный мир, 2000. Вып. 1: А–Н. 480 с.; 2002. Вып. 2: О–Я. 576 с.
15. СПРГСР – Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья / сост. О.И. Блинова, В.В. Палагина, С.В. Сыпченко; ред. О.И. Блинова. Томск: Изд-во «Томский государственный университета», 1977. 183 с.
16. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л.; М.: Наука, 1965–2014.
17. СТСРЯ – Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. М.: Ридерз Дайжест, 2004. 960 с.
18. ТСРРР – Толковый словарь русской разговорной речи / отв. ред. Л.П. Крысин. М., Языки славянской культуры, 2014. Вып. 1: А – И. 776 с. 2017. Вып. 2. К – О. 864 с.
19. Ушаков – Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: ООО «Буколика», РОО «РООССА», 2008. 1244 с.

Список литературы

1. Баранникова Л.И. Просторечие как особый социальный компонент языка // Язык и общество. Саратов: Из-во «Саратовский университет», 1974. Вып. 3. С. 3–22.
2. Городское просторечие: проблемы изучения / отв. ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелев. М.: Наука, 1984. 189 с.
3. Ерофеева Е.В. Статус просторечия в современном русском языке // Русский язык сегодня / отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Азбуковник, 2003. Вып. 2: Актуальные языковые процессы конца XX века. С. 434–442.
4. Ерофеева Е.В. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во «Пермский университет», 2005. 320 с.
5. Ерофеева Т.И. Социолект: стратификационное исследование: монография / Перм. гос. ун-т. Пермь: Изд-во «Пермский университет», 2009. 240 с.
6. Ерофеева Т.И., Грузберг Л.А. Еще раз о просторечии // Живое слово в русской речи Прикамья / ред. Ф.Л. Скитова. Пермь: Изд-во «Пермский университет», 1989. С. 3–10.
7. Ерофеева Т.И., Ерофеева Е.В. Просторечные наречия в пермском региолекте: семантика и функционирование // Социо- и психолингвистические исследования. 2019. Вып. 7. С. 106–115.
8. Капанадзе Л.А. Современное городское просторечие и литературный язык // Городское просторечие: проблемы изучения / отв. ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелев. М.: Наука, 1984. С. 5–12.
9. Коготкова Т.С. Роль просторечия в процессе освоения говорами литературного языка // Литературная норма и просторечие / отв. ред. Л.И. Скворцов. М.: Наука, 1977. С. 58–76.
10. Литературная норма и просторечие / отв. ред. Л.И. Скворцов. М.: Наука, 1977. 255 с.

References

1. Barannikova L.I. Prostorechie kak osobyi sotsial'nyi komponent yazyka [Vernacular as a special social component of the language]. *Yazyk i obshchestvo*. Saratov, Iz-vo «Saratovskii universitet», 1974, iss. 3, pp. 3-22. (In Russ.).
2. Gorodskoe prostorechie: problemy izucheniya [Urban vernacular: problems of study]. Moscow, Nauka, 1984, 189 p. (In Russ.).
3. Erofeeva E.V. Status prostorechiya v sovremennom russkom yazyke [Status of vernacular in modern Russian]. *Russkii yazyk segodnya*. Moscow, Azbukovnik, 2003, iss. 2, Aktual'nye yazykovye protsessy kontsa KhKh veka, pp. 434-442. (In Russ.).
4. Erofeeva E.V. Veroyatnostnaya struktura idiomov: sotsiolingvisticheskii aspekt [Probabilistic structure of idioms: sociolinguistic aspect]. Perm', Izd-vo «Permskii universitet», 2005, 320 p. (In Russ.).
5. Erofeeva T.I. Sotsiolekt: stratifikatsionnoe issledovanie [Sociolect: a stratification study]. Perm', Izd-vo «Permskii universitet», 2009, 240 p. (In Russ.).
6. Erofeeva T.I., Gruzberg L.A. Eshche raz o prostorechii [Once again about vernacular]. *Zhivoe slovo v russkoi rechi Prikam'ya*. Perm', Izd-vo «Permskii universitet», 1989, pp. 3-10. (In Russ.).
7. Erofeeva T.I., Erofeeva E.V. Prostorechnye narechiya v permskom regiolekte: semantika i funkcionirovanie [Colloquial adverbs in the Perm regional dialect: semantics and functioning]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya*. 2019, iss. 7, pp. 106-115. (In Russ.).
8. Kapanadze L.A. Sovremennoe gorodskoe prostorechie i literaturnyi yazyk [Modern urban vernacular and literary language]. *Gorodskoe prostorechie: problemy izucheniya*. Moscow, Nauka, 1984, pp. 5-12. (In Russ.).
9. Kogotkova T.S. Rol' prostorechiya v protsesse osvoeniya govorami literaturnogo yazyka [The role of vernacular in the process of mastering the dialects of the literary language]. *Literaturnaya norma i prostorechie*. Moscow, Nauka, 1977, pp. 58-76. (In Russ.).
10. Literaturnaya norma i prostorechie [Literary norm and vernacular]. Moscow, Nauka, 1977, 255 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Т.И. Ерофеева – доктор филологических наук,
профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

T.I. Erofeeva – Grand Ph.D. (Philology), Professor,
Theoretical and Applied Linguistics Department,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 29.06.2022; одобрена после рецензирования 11.07.2022; принята к публикации 15.08.2022.

The article was submitted 29.06.2022; approved after reviewing 11.07.2022; accepted for publication 15.08.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 8. С. 107–121.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2022. No. 8. P. 107-121.

Научная статья

УДК 81'25

doi: 10.24412/2713-0231-2022-8-107-121

ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СИСТЕМЫ ОБРАЗНЫХ СРАВНЕНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ РЭЯ БРЭДБЕРИ «ВИНО ИЗ ОДУВАНЧИКОВ»)

Лариса Григорьевна Лапина

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
lapina48@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности предпереводческого анализа художественного текста, связанные с функционированием в нем образных сравнений. Объектом исследования явилась система образных сравнений, представленная в повести Рэя Брэдбери «Вино из одуванчиков» (1957). Первый этап анализа посвящен уточнению лингвистического статуса этих языковых единиц. В качестве предмета исследования выступили структурные и семантические особенности образных сравнений. Анализ сравнений по образной основе сравнения выявил доминирующие сферы-источники: Артефакт, Человек, Неживая природа, Животные и другие. Особенно значимы для изучаемого текста образные ассоциации, связанные с мистическими и сказочными существами и суевериями. Они содержат ценную информацию, которую необходимо учитывать при переводе. Анализ образных сравнений по предмету сравнения показал, из чего складывается окружающий мир главного героя. Было выявлено, что все образные сравнения можно разделить на те, которые характеризуют предмет сравнения, и те, которые категоризируют его, то есть позволяют упорядочить восприятие окружающего мира. Категоризирующие образные сравнения коррелируют с основными топиками повести: человек, счастье, страх, смерть и жизнь, бессмертие, время, а также с ключевой метафорой текста – вино из одуванчиков. Эта философская метафора олицетворяет процесс накопления жизненного опыта главным героем, художественное воплощение которого и было главной задачей писателя. Подчеркнутая антропоцентричность системы сравнений во многом определяет принципы предпереводческого анализа текста на лексико-семантическом уровне и выбор стратегии перевода. В статье представлено новое предпереводческое прочтение повести Рэя Брэдбери «Вино из одуванчиков». Результаты исследования могут быть использованы в переводческой практике, при переводческом редактировании художественных текстов, при создании словарей сравнений и метафор, в вузовских курсах интерпретации художественного текста, переводческой стилистике английского языка, сравнительной типологии русского и английского языков.

Ключевые слова: художественный текст, Рэй Брэдбери, «Вино из одуванчиков» («Dandelion Wine»), предпереводческий анализ, образное сравнение, метафора, антропоцентричность.

Для цитирования: Лапина Л.Г. Предпереводческий анализ системы образных сравнений художественного текста (на материале повести Рэя Брэдбери «Вино из одуванчиков») // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 8. С. 107–121. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-8-107-121>

Original article

TRANSLATION ANALYSIS OF THE SIMILES SYSTEM IN FICTIONAL TEXT (USING RAY BRADBURY'S DANDELION WINE)

Larisa G. Lapina

Perm State National Research University, Perm, Russia, lapina48@mail.ru

Abstract. The article considers specific techniques of the translation analysis of fictional text that are connected with the functioning of similes. The scope of research is the system of similes featured in Ray Bradbury's story *Dandelion Wine* (1957). The first stage of analysis focuses on clarifying the linguistic status of these language units. The immediate subject of research can be defined as structural and semantic features of the similes. The analysis of similes based on the source sphere of image transfer identified the following source domains: Artifact, Human, Inanimate Nature, Animals, and others. The image associations linked to mythological and fairy-tale entities and beliefs proved to be particularly important for the text under study. They contain valuable information that should be taken into account during the translation process. The analysis of similes according to the basis of cross-mapping of the two notions revealed the constituent parts of the protagonist's inner world. It was shown that all similes can be divided into those that characterise the target of image transfer, and those that categorise it, or, in other words, allow for determining how the outside world should be perceived. Categorising similes correlate to the main plot motifs of the story: human being, happiness, fear, life and death, immortality, time, and also to the story's key metaphor – that of dandelion wine. This philosophic metaphor embodies the process of the protagonist's maturing and gaining experience; the writer's main task consisted in fictional representation of this process. The emphasized anthropomorphic character of the similes system largely determines the principles of translation analysis of the text which refer to the level of the words semantics, hence influencing the choice of translation strategies. The article represents a new reading of Ray Bradbury's story *Dandelion Wine* with a view of its translation. The results of the research can find their application in the practice of translation, in editing the translations of fictional texts, in creating dictionaries of similes and metaphors, and in the academic syllabuses for teaching interpretation of fictional text, stylistics of the English language for translational purposes, and comparative studies involving English and Russian.

Keywords: fictional text, Ray Bradbury, *Dandelion Wine*, translation analysis, simile, metaphor, anthropocentric character.

For citation: Lapina L.G. Translation analysis of the similes system in fictional text (using Ray Bradbury's *Dandelion Wine*). *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2022;8:107-121. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-8-107-121>

Введение

В статье рассматривается участие системы авторских образных сравнений в создании художественного текста и воспроизведение этой системы при переводе. Как известно, сравнение относится к основным приемам создания образности в художественном тексте. Использование сравнений отражает не только индивидуальный стиль писателя, но и особенности национального восприятия мира в художественной форме.

Сравнениям посвящена обширная научная литература. В частности, основательно рассмотрены такие проблемы, как связь языкового сравнения с логическим и определение логической структуры образного сравнения, или сравнения-уподобления [Огольцев 1978]. Большое внимание уделяется разграничению сравнения и метафоры [Арутюнова 1990]. Однако ввиду уникальности системы языковых средств, представленных в каждом художественном тексте, развернутый анализ образных сравнений при предпереводческом анализе филологического текста по-прежнему остается актуальной и постоянно воспроизводимой задачей.

Основная часть

Объектом нашего внимания явились образные сравнения в повести выдающегося американского писателя-фантаста Рэя Брэдбери «Вино из одуванчиков» («Dandelion Wine», 1957) и ее перевод на русский язык, выполненный российской переводчицей Эдвардой Кабалева в 1967 г. Объем текста на языке оригинала составляет 276 страниц. В ходе исследования методом сплошной выборки получена картотека, насчитывающая 310 текстовых фрагментов с образными сравнениями. Повторяющиеся сравнения не обнаружены. При анализе языкового материала мы опирались и на сопоставительно-переводной метод [Комиссаров 1973] и методы наблюдения и описания.

Нашей целью был анализ функционирования образных сравнений как особой подсистемы языковых средств художественного текста и способов воссоздания этой подсистемы при переводе. Для этого нам пришлось обратиться к уточнению лингвистического статуса образных сравнений и их структурно-семантическим особенностям. Методологической базой послужили труды российских и зарубежных ученых в области лингвистических исследований образных сравнений (В.М. Огольцев, Л.А. Лебедева) и переводоведения (А.В. Фёдоров, П.М. Топер и др.).

Система образных сравнений в анализируемой повести отличается уникальностью, направленной на раскрытие образного восприятия и познания окружающего мира ребенком, что заложено уже в заглавии текста, представленном изысканной когнитивной метафорой.

Как известно, оперирование сравнениями – неотъемлемая часть человеческого мышления. Познание любого предмета и явления начинается с того, что мы его отличаем от всех других предметов и устанавливаем его сходство с родственными предметами. Как писал Н.И. Кондаков, «познание есть процесс, в котором различие и сходство находятся в неразрывном единстве» [Кондаков 1954: 497]. Термин «сравнение» не получил однозначного и общепринятого определения ни в лингвистике, ни в литературоведении.

В образном сравнении объекты сравниваются явно (*explicitly*) в отличие от метафоры, которая считается скрытым (*implicit*) сравнением. Понятия «сравнение» и «метафора» тесно связаны между собой. В общем смысле можно сказать, что образное сравнение – это метафора. Однако не все метафоры являются образным сравнением. Термин «метафора» шире. В буквальном смысле метафора – это «употребление слова или выражения в переносном значении, основанное на сходстве, сравнении, аналогии; слово или выражение, таким образом употребленное» [Большой толковый словарь русского языка 2004: 759].

Среди исследований последнего десятилетия необходимо отметить работы Г. Стейна (G. Steen) и сотрудников Лаборатории метафоры Свободного университета Амстердама

«Metaphor in usage» (2010) и его монографию «The Paradox of Metaphor: Why we need a three-dimensional model of metaphor» (2008), в которых образное сравнение рассматривается как вид метафоры. Стейн полагает, что изучать метафору следует в трех измерениях (направлениях): лингвистическом, концептуальном и коммуникативном. Лингвистическое направление разделяет метафору на прямую (direct metaphor) и непрямую (indirect metaphor). Для прямой метафоры характерно эксплицитное сравнение и наличие сигнальных слов (lexical flag), таких как *like*. Кроме компаративной связки, выраженной предлогом *like*, в английских сравнениях появляются глаголы *seems, resembles, looks like*, а также конструкция *as ... as* [Арнольд 2002: 60], а в русском языке – *как, будто, словно*. Однако, как отмечает Стейн, не все прямые и имеющие сигнальное слово метафоры являются образными сравнениями [Steen 2010: 767].

Итак, образное сравнение – в отличие от реального сравнения (например, *высокий, как его отец*) – это особый вид метафоры, в котором конкретный индивидуальный предмет или явление действительности сопоставляется с понятием предмета или явления другого рода на основе какого-либо общего для них признака и которое выражает не понятие, а лишь представление, данное в живом, непосредственном ощущении, и имеющий в своей структуре средство, указывающее на акт сравнения. Структура образного сравнения выглядит, как правило, следующим образом:

А – предмет сравнения (субъект сравнения, компарандум, объект, тема, прообраз, референт);

В – образ сравнения (рема, субъект, уподобляемое и др.);

С – основание сравнения (скрепа, модуль, конкретизатор сравнения, модуль сравнения, стержневые слова и др.);

m – показатель сравнения.

Традиционно выделяют *устойчивые и свободные сравнения*. Устойчивые сравнения, являясь особым типом фразеологических конструкций, отличаются традиционной структурой, характерной национальной образностью и бытовым реализмом. Свободные сравнения, характеризуют предмет с самых разных точек зрения, но чаще всего – для воспроизведения его неповторимого облика. В зависимости от количества присутствующих логических элементов, выделяют *полные и сокращенные сравнения*. Полные сравнения содержат в своей структуре полный состав логических элементов А, В, С и показатель компаративных отношений [Томашевский 1983: 204]. В сокращенных сравнениях признак, положенный в основание сравнения, опускается: *Лицо как блин...; брови как стрелы*.

Далее, исходя из компаративной структуры, различают *простые сравнения* (сравнения, имеющие в своей структуре сравнительные обороты), *сложные сравнения* (сравнения, представленные предложением в составе сложного (сложносочиненного) целого), *развернутые сравнения* (сравнения, функция которых заключается или в раскрытии ряда признаков одного явления, или в характеристике целой группы явлений) [Черемисина 1971].

Кроме того, классифицировать сравнения можно по всем трём основным компонентам компаративной структуры: по образу сравнения (В), по объекту приложения сравнения (А), по признаку-основанию (С). Л.А. Лебедева в своей монографии «Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии» (1999) осуществила семантическую классификацию сравнений с точки зрения человеческого фактора. Она выделила несколько идеографических полей для характеристики человека: внешность, физические качества,

физиологические состояния, физические действия, движение – неподвижность, черты характера, поведение, отношение к людям, чувства, образ жизни, труд – безделье, бедность – богатство, и т.д. [Лебедева 1999]. Такая классификация обнажает антропоцентрическую природу системы сравнений. В отличие от Л.А. Лебедевой, В.М. Огольцев выделяет типы сравнений с точки зрения лексического значения средств выражения образа. Он указывает на такие тематические группы слов, выражающих элемент В (образ) в сравнениях, как человек, предметы быта, животные, растения, предметы церковного обихода и т.д. [Огольцев 1978].

Опираясь на изложенные выше теоретические положения, перейдем к рассмотрению особенностей функционирования системы образных сравнений в повести Р. Брэдбери «Вино из одуванчиков», понимая под системой единство однородных взаимообусловленных элементов в пределах одного яруса [Реформатский 1996: 32, 37].

Рэй Дуглас Брэдбери – выдающийся американский писатель (1920–2012), один из самых значимых писателей XX в. В его произведениях сравнения приобретают особую значимость. Анализируемая нами повесть «Вино из одуванчиков» словно соткана из образных сравнений, которые оставляют в сознании читателя неповторимое впечатление. На языке сравнений автор раскрывает глубинный, но в то же время такой простой и понятный смысл мироздания. «Вино из одуванчиков» входит в сокровищницу мировой литературы. Российский литературовед А.Н. Осипов писал, что Рэй Брэдбери всегда поражал читателей «своим дарованием тонкого лирика и психолога, красочного стилиста и рассказчика, обладающего магией в любом привычном земном явлении увидеть романтику, непривычность, фантастическую наполненность тайным смыслом» [Осипов 1999: 17]. Активное изучение творчества Р. Брэдбери началось в 1950-х гг. после публикации «Марсианских хроник», а затем романа «451° по Фаренгейту». Исследователей неизменно привлекала жанровая природа его произведений, поэтика, авторская концепция мира и места человека в нем. Дэвид Моген, американский литературный критик, охарактеризовал центральный мотив произведений Брэдбери как «счастливое поглощение жизненного опыта» [Mogen 1986: 28].

Среди отечественных исследований отметим диссертацию В.В. Литвиновой «Индивидуально-авторские концепты в структуре художественного мира Рэя Брэдбери» (2009), в которой автор описывает основные концепты и мотивы и способы их вербализации в романе «451° по Фаренгейту» и повести «Вино из одуванчиков». В.В. Литвинова представляет художественный мир писателя в виде своеобразного «Древа Жизни», основу которого составляет природа. Автор отмечает, что базовые концепты тесно переплетаются между собой. К основным лингвистическим средствам их выражения относятся олицетворение, красочные эпитеты, метафора, сравнение, оксюморон, метонимия, параллельные и негативные конструкции [Литвинова 2009].

Повесть «Вино из одуванчиков» во многом основана на личных переживаниях автора, в ней много автобиографичного и пропитанного светлой ностальгией: семья Рэя Брэдбери так же, как и домочадцы главного героя, Дугласа Сполдинга, проводила летние вечера на веранде дедушкиного дома, на лужайке росли одуванчики, а дедушка готовил из них вино. Действие повести происходит летом 1928 года, накануне Великой Депрессии в США. 1928 год был последним в так называемой эпохе «просперити» (*англ. prosperity* «процветание»). Неудивительно, что спустя годы писатель захотел вернуться в лучшие времена, по крупицам собирая свои воспоминания.

Повесть «Вино из одуванчиков» не имеет традиционных глав, он состоит из отдельных эпизодов. Эта особенность гармонична образу детства: порядок следования этих независимых фрагментов повествования соответствует детской избирательности в восприятии и познании мира. Метафора о вине, проходящая через всю книгу, поразительно точна, поскольку автор собирал образы всю жизнь и сравнивал их с «кладовыми воспоминаний». Главный герой ведёт дневник, фиксируя в нём не только «обряды и обыкновения» (“Rites and Ceremonies”), но и собственные «открытия и откровения» (“Discoveries and Revelations”), радостные и печальные события.

Двенадцатилетний мальчик воспринимает мир вокруг себя непростым, на грани реального и фантастического, у него богатое воображение, он впечатлителен и принимает всё близко к сердцу. Так, уезжает в далекие края близкий друг Джон Хаф, умирает полковник Фрилей, которого ребята навещали, чтобы послушать увлекательные истории из прошлого. В глубине оврага поздним вечером Дуглас видит призрак убитой Душегубом девушки. Умирает прабабушка, которая была в глазах Дугласа олицетворением порядка и хранительницей семейных традиций. Изменения неизбежно наступают и в привычной жизни городка: появляются новые транспортные и рекламные технологии, изменяется стиль жизни, так, люди начинают активно заниматься спортом и т.п.

Одним из выразительных средств повести являются, с нашей точки зрения, образные сравнения, возникающие на основе красочных ассоциаций.

При отборе фрагментов текста, содержащих образные сравнения, важным формальным показателем служила компаративная связка (*like, as, as if, etc.*). Картотека образных сравнений повести «Вино из одуванчиков» насчитывает 310 фрагментов текста. Наибольшее количество сравнений картотеки содержат компаративную связку *like*. Нами были выявлены следующие структурные типы сравнений:

1. Простые сравнения: *Here, ears pricked like a deer, he snuffed a danger that was old a billion years ago* [27]; *The prairie like a big stage all set for the storm to come* [99]; *He purred away as if running off forever* [110].

2. Развернутые сравнения (их функция которых заключается или в раскрытии ряда признаков одного явления, или в характеристике целой группы явлений): *It was June and long past time for buying the special shoes that were quiet as a summer rain falling on the walks* [34]; *Always did think it [the Green Machine] looked like a little car off the carnival roller coaster!* [111].

3. Сложные сравнения (они представлены сложным предложением с придаточным сравнительным): *And then, as though an ancient phonograph record had been set hissing under a steel needle, she remembered a conversation she had once had with Mr. Bentley* [102]; *He vaulted to the machine again, his teeth like those you saw in dental windows, alone, grimacing at you, as you passed by late at night* [110].

Можно предположить, что структурные особенности образных сравнений будут существенным образом влиять на их перевод.

Другой важной характеристикой образных сравнений являются их семантические особенности. Как известно, мышление человека носит ассоциативный характер. Любой человек мыслит, ассоциируя, соединяя слова в словосочетания (образный ряд) путем перебора ассоциаций. В повести представлены житейские, бытовые, природоморфные и сказочные ассоциации:

They passed like cloud shadows downhill . . . the boys of summer, running [29]; Her husband had owned rental property in a number of towns, and, like a yellow ivory chess piece, she [Mrs. Bentley] had moved and sold one after another, until now she was here in a strange town, left with only the trunks and furniture, dark and ugly, crouched about her like the creatures of a primordial zoo [84]; At the very moment Mrs. Bentley was smiling down upon them with her yellow mask face, around a corner like an elfin band came an ice-cream wagon. It jingled out icy melodies, as crisp and rimmed as crystal wineglasses tapped by an expert, summoning all [84]; I'll [Tom] unwind the world like the rubber band on a golf ball's insides every morning, put it back together every night [272].

Часто образные ассоциации довольно необычны для ребенка: *The dim light filtered through Colonel Freeleigh's nose which was large and like white porcelain which cupped a very thin and tepid orange tea indeed [101].* Образными ассоциациями могут быть заполнены развернутые фрагменты текста, состоящие из череды сравнений и метафор, например, при описании легких теннисных туфель, о которых мечтает Дуглас: *It was because they [the tennis shoes] felt the way it feels every summer when you take off your shoes for the first time and run in the grass. They felt like it feels sticking your feet out of the hot covers in wintertime to let the cold wind from the open window blow on them suddenly and you let them stay out a long time until you pull them back in under the covers again to feel them, like packed snow. The tennis shoes felt like it always feels the first time every year wading in the slow waters of the creek and seeing your feet below, half an inch further downstream, with refraction, than the real part of you above water [33].*

Многие исследователи, как, например, В.М. Огольцев, классифицируют образные сравнения по элементу В – образу сравнения. Изучение повести Р. Брэдли «Вино из одуванчиков» выявило следующие тематические группы слов (субсферы-источники), выражающие образ сравнения:

1. Животный мир (животные, птицы, рыбы, насекомые и т.д.): *<...> gasping like trout thrown out on a bank, laughing till they cried [24]; Dad there, alert as a mountain cat on the log [20]; Here, ears pricked like a deer, he snuffed a danger that was old a billion years ago [29]; So no matter how she called after them, the girls were gone, like moths through darkness [90].*

2. Растительный мир: *This to trees where boys might grow like sour and still-green crab apples, hid among leaves [28]; The tennis shoes silently hushed themselves deep in the carpet, sank as in a jungle grass [47]; The children sat up, turning their heads, like sunflowers after the sun [94].*

3. Неживая природа, стихийные явления: *It was June and long past time for buying the special shoes that were quiet as a summer rain falling on the walks [32]; it was only important that the darkness filled the town like black water being poured over the houses [54]; you could hear the men's voices rumbling like a distant, political earthquake, constant, unceasing, rising or falling a pitch [55].*

4. Человек (родственные связи, возраст, физическое и моральное состояние, части тела, национальность): *Then he turned his gaze upon the old ladies like a doctor with a small light, looking into their eyes and nostrils and mouths [109-110]; Bees hang around grapes like boys around the kitchens [17]; "Boy, I walk like an Indian," said Tom. "Not a sound" [18].*

5. Артефакт (объект, созданный в результате деятельности человека): *It jingled out icy melodies, as crisp and rimmed as crystal wineglasses tapped by an expert, summoning all* [84]; *<...> on shady porches, people would begin to appear, like those figures who tell good or bad weather in rain-or-shine clocks* [44]; *Then they [old men] rattle on like a rusty elevator wheezing up a shaft* [98]; *And then, as though an ancient phonograph record had been set hissing under a steel needle, she remembered a conversation she had once had with Mr. Bentley* [91]

6. Предметы церковного обихода, религиозные представления, библейские мотивы: *And I [Colonel Freeleigh] stand there feeling like God's right hand* [100]; *He trudged reverently up the porch stairs, hat in hand, turning to gaze at the trial model as at the altar of a familiar church* [111].

7. Мистические и сказочные существа и предметы, суевериями: *Like the goddess Siva in the travel books, he [Douglas] saw his hands jump everywhere, pluck sour apples, peaches, and midnight plums* [14]; *so they stood, Douglas, Tom, Grandma, Great-grandma, and Mother poised like a collection of witches and familiars over the duty patterns of old Armenia* [79]; *And there in the black kitchen at two of a warm summer morning, Grandma floated like an apparition* [269].

Эти образные сравнения необычны и оставляют в воображении читателя неизгладимое впечатление: *she [Mrs. Bentley] watched her own hands, like a pair of ghostly gloves at a séance* [87]; *At last, like ghosts hovering momentarily behind the door screen, Grandma, Great-grandma, and Mother would appear* [44]; *his nightgown seemed a disembodied spirit* [215]. Откуда у маленького мальчика такие ассоциации? По семейной легенде, прапрабабушка Рэя Брэдбери была колдуньей, а сам писатель, будучи ребенком, мечтал стать волшебником, какое-то время увлекался книгами о магии. Сравнения с привидениями и призраками носят в тексте положительную эмоциональную нагрузку. Выявлено, что с призраками сравнивается преимущественно женская половина семьи Сполдингов – прабабушка, бабушка, мама.

Мироощущение детей включает в себя и тревожные, устрашающие, космогонические ассоциации. Они проявляются в сравнениях со смертью, природными катаклизмами, оружием, создавая уже на первых страницах произведения ощущение тревоги: *He saw his fingers sink through green shadow and come forth stained with such color that it seemed he had somehow cut the forest and delved his hand in the open wound.* [19]; *The world, like a great iris of an even more gigantic eye, which has also just opened and stretched out to encompass everything, stared back at him* [23]; *Holding Tom, but not knowing him there, he touched his free hand to that blood as if it could be peeled away, held up, turned over* [23]. В то же время, присутствующий в сравнениях цвет крови можно интерпретировать двояким образом: это не только сигнал тревоги, но и признак живого. Эти тревожные образные сравнения предшествуют важному в жизни Дугласа моменту, когда он осознал, что он живой. Этот момент и является отправной точкой во взрослении мальчика, переоценке его восприятия окружающей действительности.

8. Продукты питания, напитки: *Above, in the vast house, there would be coughings, sneezings, wheezings, and groans, childish fevers, throats raw as butcher's meat, noses like bottled cherries, the stealthy microbe everywhere* [28]; *tomorrow at twilight it [the volume] will be delicate, succulent, brown and tender as the breast of the autumn pheasant* [270]; *It was like walking on a hard crust of freshly warmed bread* [185].

9. Социоморфные сравнения (война, оружие, тюрьма): <...> *the echoes following like gunshots* [196]; *his eyes peered like sentinels through the portcullis of a strange castle out along a bridge, his arm, to those fingers where the bright pennant of blood quivered in the light* [23].

Итак, как показывает языковой материал, доминирующими сферами-источниками образа сравнения являются: Артефакт, Человек, Неживая природа, Животные. Элемент В – образ сравнения – играет важную роль в тексте повести «Вино из одуванчиков» и содержит ценную для переводчика информацию, с которой следует очень бережно работать при переводе.

Однако несомненный научный интерес представляет также анализ образных сравнений по элементу А – предмету сравнения. Это помогает понять, что именно пытается осмыслить Дуглас, из каких важных компонентов складывается для него окружающий его мир, что вызывает у него живой интерес или эмоциональный отклик. В исследуемом тексте по предмету сравнения можно выделить следующие семантические группы сравнений:

1. Неживая природа (8 %): воздух, ветер, мир, солнце, небо, овраг, песок, пыль и др. *As if a wick had been turned a little lower in a great clear lamp beyond the town, the sky darkened still more* [132].

2. Живая природа (11 %): птицы, буйволы, собаки, деревья, цветы, яблоки, арбузы, и особенно много представителей отряда насекомых, которых можно встретить только летом: кузнечики, цикады, сверчки, светлячки, пчелы, мотыльки и др. *Where, where all the summer dogs leaping like dolphins in the wind-braided and unbraided tides of what?* [161]

3. Артефакты (20 %): посуда, мебель, средства передвижения, фонари, гаражи. В этой группе особо выделяются следующие предметы сравнения: трамвай, машина счастья Лео Ауфмана, зеленая машина мисс Ферн и мисс Роберты, теннисные туфли. Это как раз те вещи, которые особо занимают воображение Дугласа. *The trolley was silent and cool dark, like the inside of an ice-cream drugstore* [119].

4. И, наконец, самая объемная и сложная для анализа семантическая группа предметов сравнения – Человек, которая составляет 61 %. Вслед за Л.А. Лебедевой, мы обнаруживаем в тексте разнообразные идеографические поля внутри этой группы: внешность (глаза, нос, лоб, пальцы, кулак и др.), состояние духа, физические качества, физиологические состояния, физические действия, движение/перемещение, поведение, отношение к людям, чувства, продукты питания, речевая деятельность, восприятие звуков [Лебедева, 1999].

Важно отметить, что в качестве предмета сравнения появляются все жители городка Грин Таун, о которых так или иначе заходит речь в повести. Чаще всего предметом сравнения являются дети, старики и родственники Дугласа. Образы детей всегда в действии, они динамичны: *As suddenly as night birds the children flew by, and Mrs. Bentley's voice brought them to a fluttering rest* [87]; *They passed like cloud shadows downhill . . . the boys of summer, running* [29]; *Halfway there, Charlie Woodman and John Huff and some other boys rushed by like a swarm of meteors* [49].

Представители женской половины семейства Сполдингов часто ассоциируются у Дугласа с призраками, как уже было отмечено выше: *like ghosts* [44]. Бабушка видится ему богиней лета: *like a June goddess* [29]. Дедушка же сравнивается с представителями серьезных мужских профессий, с царем Древнего Израиля: *like a captain* [26]; *like a train conductor, a mayor, a good friend* [267]; *like Ahab surveying the mild mild day and mild-looking sky* [43].

Таким образом, мы обнаруживаем, что основное место в картине мира, воссозданной образными сравнениями в повести «Вино из одуванчиков», занимает Человек. А группы Неживая природа и Живая природа, в отличие от данных анализа по образу сравнения, появляются в качестве предмета сравнения гораздо реже. Это естественно: природа, как живая, так и неживая, более понятна мальчику, чем человек и артефакты. А вот себя и окружающих людей человек может познавать всю жизнь. Здесь в очередной раз проявляется принцип антропоцентричности художественного текста, который заключается в том, что он, в конечном счете, создается человеком, для человека и о человеке.

Все образные сравнения текста с этой точки зрения можно разделить на те, которые характеризуют предмет сравнения, и те, которые категоризируют его.

Понятие категоризации – одно из центральных в когнитивной лингвистике, наряду с таким понятием, как концептуализация. Обычный человек «сводит бесконечное разнообразие своих ощущений и объективное многообразие форм материи и форм ее движения в определенные рубрики» [Кубрякова 1992: 45]. Категоризация – это главный способ придать воспринятому миру упорядоченный характер, каким-то образом систематизировать наблюдаемое. «Под категоризацией понимается процесс упорядочения полученных знаний, то есть распределения нового знания по тем или иным рубрикам, существующим в сознании человека, и часто задаваемых категориями языка, носителем которого этот человек является» [Дзюба 2012: 21].

Категоризирующих образных сравнений в тексте повести «Вино из одуванчиков» обнаружено сравнительно немного, однако они очень важны. Приведем примеры некоторых из них:

Категория рокового конца, гибели: *Now they clamored nervously, making obvious jokes, darting glances at Aunt Rose as if she concealed a bomb in that ample bosom that was ticking steadily on toward their doom* [263].

Категория бессмертия: под эту категорию подводятся привычный уклад семейной жизни и соблюдение семейных ритуалов. Даже приготовленная бабушкой еда воспринимается как пища богов, соответственно каждый, принимающий ее, обретет бессмертие. *They looked as if they might laugh or cry at the cruel dilemma. They looked as if they might sit there forever, untouched by fire or earthquake, or shooting in the street, a massacre of innocents in the yard, overwhelmed with effluvioms and promises of immortality* [260].

Под категорию смены дня и ночи подводится перемена настроения: *And besides, I like to cry. After I cry hard it's like it's morning again and I'm starting the day over* [181].

Категория божества: *Then, rising from the cellar like a June goddess, Grandma would come, something hidden but obvious under her knitted shawl* [28].

Категория военной стратегии: *<...> at each explosion of merriment Leo Auffmann quickened like a general who has seen the forces of darkness routed and whose strategy has been reaffirmed* [68].

Категория призрачности: Так, как призрачное определяется счастье обладания автомобилем – зеленой машиной: *They came and went through the summer sunlight and shadow, their faces freckled and stained by passing trees, going and coming like an ancient, wheeled vision* [112].

Категория времени: время безучастно, оно беспристрастно отсчитывает день за днем. *Now the pattern of days was familiar and repeated like a penman beautifully inscribing again and again, in practice, a series of it's and w's and m's, day after day the line repeated in delicate rills* [175].

Категория безмятежности и покоя: умирая, прабабушка Дугласа вновь обретает утраченную в течение жизни безмятежность: *Now, yes, now she saw it [that lost dream] shaping in her mind quietly, and with a serenity like a sea moving along an endless and self-refreshing shore. Now she let the old dream touch and lift her from the snow and drift her above the scarce-remembered bed* [214–215].

Категория порядка. В данном примере категория не названа, но она стоит за текстом. *She slept quietly and turned no more than three times in a night, as relaxed as a white glove to which, at dawn, a brisk hand will return. Waking, she touched people like pictures, to set their frames straight* [209–210].

Категория храма. Храм – как основа жизни, место, где растворяются тревоги и обретается внутренний мир, где соблюдается заведенный испокон веков порядок: *In the arcade, then, you did this and this, and that and that occurred. You came forth in peace as from a church unknown before* [225].

Категория смерти. Дуглас ощущает страх перед смертью, он воспринимает смерть как пустоту, темноту. *And then, just last week in the movies, I found out I'd have to die someday. I never thought of that, really. And all of a sudden it was like knowing the Y. M. C. A. was going to be shut up forever or school, which isn't so bad as we like to think, being over for good, and all the peach trees outside town shriveling up and the ravine being filled in and no place to play ever again and me sick in bed for as long as I could think and everything dark, and I got scared* [233].

Категория доброты: <...> *you could hear, miles and miles across the town a singing like a rabbi in the lost lands, a Moslem in a tower. Always, Mr. Jonas's voice went clear before him so people had a half an hour, an hour, to prepare for his arrival. And by the time his wagon appeared, the curbs were lined by children, as for a parade. So here came the wagon and on its high board seat under a persimmon-colored umbrella, the reins like a stream of water in his gentle hands, was Mr. Jonas, singing* [240].

Категоризирующие образные сравнения выводят нас на основные жизненно важные темы: человек, счастье, страх, смерть и жизнь, бессмертие, время. В то же время эти категории отражены в ключевой метафоре текста – вине из одуванчиков. Это самый символический элемент текста: чудодейственную домашнюю настойку из простых цветов из года в год готовит дед Дугласа: *Dandelion wine. The words were summer on the tongue. The wine was summer caught and stoppered. <...> And there, row upon row, with the soft gleam of flowers opened at morning, with the light of this June sun glowing through a faint skin of dust, would stand the dandelion wine. Peer through it at the wintry day—the snow melted to grass, the trees were reinhabitated with bird, leaf, and blossoms like a continent of butterflies breathing on the wind. And peering through, color sky from iron to blue* [27]. С одной стороны, это настоящее вино. Но в то же время метафора «вино из одуванчиков» вмещает в себя все воспоминания, переживания, опыт, познание устройства мира, открытия и потери, все ощущения и мысли 12-летнего мальчика и его 10-летнего брата. И так же как бутылки из-под кетчупа постепенно наполняются в течение лета 1928 года этим золотистым напитком, Дуглас

постепенно познает мир, его сознание, как сосуд, наполняется переживаниями и открытиями. Их колорит разнообразен: радость, страх, горечь расставания с другом, потери близких, осознание смысла счастья в семье.

В процессе анализа нами сделано следующее наблюдение: образные сравнения (даже взятые вне текста) во всей своей совокупности создают ощущение тревоги, что не согласуется с общей жизнеутверждающей концепцией произведения. Это обусловлено, очевидно, тем, что образ сравнения редко представлен одним словом, чаще всего это словосочетание, либо развернутое или сложное сравнение. И если основа образа сравнения или предмета сравнения может быть выражена положительным или нейтральным по семантике словом, то сопровождающие его зависимые слова могут нести отрицательную коннотацию: *They both stood looking at the merciless unclouded sky like a camera that has broken and stares, shutter wide, at a motionless and stricken town dying in a fiery sweat [239].*

Заключение

В статье представлен анализ системы сравнений в метафорически «нагруженном» художественном тексте, каким является повесть Рэя Брэдбери «Вино из одуванчиков». В исследуемом тексте выявлен весь традиционно выделяемый в лингвистике структурный спектр сравнений: простые сравнения (сравнения, имеющие в своей структуре сравнительные обороты), сложные сравнения (сравнения, представленные предложением в составе сложносочиненного целого, развернутые сравнения (сравнения, функция которых заключается или в раскрытии ряда признаков одного явления, или в характеристике целой группы явлений).

Основная часть нашего исследования была посвящена интерпретации образных сравнений по образному основанию сравнения и по предмету сравнения. При описании по образу сравнения было обнаружено 9 тематических групп сфер-источников, среди которых доминирующими являются следующие: Артефакт, Человек, Неживая природа, Животные. Пристального внимания заслуживают на этом фоне образные сравнения, связанные с мистическими и сказочными существами и предметами, а также суевериями. Эти образные ассоциации играют важную содержательную роль в повести «Вино из одуванчиков» и содержат ценную для транслятора информацию, связанную с внутренним миром ребенка, с которой следует бережно работать при переводе.

Анализ образных сравнений по предмету сравнения помог понять, из каких важных компонентов складывается для главного героя окружающий его внешний мир, что вызывает у него живой интерес или эмоциональный отклик. Самой объемной явилась семантическая группа предметов сравнения – Человек (более 60 % от общего числа всех сравнений). Внутри этой группы обнаруживаются разнообразные идеографические поля, связанные с внешностью человека, состоянием его духа, физическими качествами, внешней активностью, движением /перемещением, поведением, отношением к людям и т.п.

Подчеркнутая антропоцентричность системы сравнений во многом определяет принципы предпереводческого анализа текста на лексико-семантическом уровне и выбор на перспективу приоритетной стратегии перевода. Все образные сравнения, представленные исследуемом тексте, можно разделить на те, которые характеризуют предмет сравнения, и те, которые категоризируют его. Понятие категоризации – одно из центральных в когнитивной

лингвистике, позволяющее придать восприятию окружающего мира упорядоченный характер и систематизировать его в категориях языка, которым пользуется конкретный человек, в данном случае – ребенок.

Категоризирующие образные сравнения выводят на жизненно важные для главного героя топики: человек, счастье, страх, жизнь и смерть, бессмертие, время, воплотившиеся в ключевой метафоре текста – вино из одуванчиков. Эта философская метафора олицетворяет процесс накопления жизненного опыта и взросления главного героя на рубеже двух эпох, художественное воплощение которого, очевидно, и было одной из главных задач писателя.

Рассмотренные структурно-семантические особенности образных сравнений в повести Рэя Брэдбери «Вино из одуванчиков» дают представление о их системном характере в тексте, отражающем картину окружающего мира в глазах двенадцатилетнего героя. Образные сравнения – это значимые элементы лексико-семантического уровня текста, играющие огромную организующую роль на всех уровнях его содержания. Полноценное воспроизведение этого уровня содержания текста при переводе – важнейшая переводческая задача.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2004. 1534 с.
4. Брэдбери Р. Вино из одуванчиков [Электронный ресурс] // Ray Bradbury. Dandelion Wine. Кабалевская Э., перевод на русский язык, 2013. URL: <http://www.litres.ru>. (дата обращения: июнь–июль 2022)
5. Дзюба Е.В. О видах и структуре категорий // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 19. Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2012. С. 20–33.
6. Комиссаров В.Н. Слово о переводе. М.: Междунар. отношения, 1973. 215 с.
7. Кондаков Н.И. Логика. М.: Учпедгиз, 1954. 512 с.
8. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии. Краснодар: Изд-во «Кубанский государственный университет», 1999. 160 с.
9. Литвинова В.В. Индивидуально-авторские концепты в структуре художественного мира Рэя Брэдбери : автореф. ... к. филол. н.– Краснодар, 2009. 13 с.
10. Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л.: Изд-во «Ленинградский университет», 1978. 159 с.
11. Осипов А.Н. Фантастика от «А» до «Я». Краткий энциклопедический справочник. М.: Дограф, 1999. 351 с.
12. Реформатский А.А. Введение в языковедение / Под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
13. Томашевский Б.В. Стилистика. Л.: Изд-во «Ленинградский государственный университет», 1983. 288 с.
14. Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Наследие, 2000. 254 с.

15. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М.: Высшая школа, 1983. 303 с.
16. Черемисина М.И. Некоторые вопросы синтаксиса. Сравнительные конструкции современного русского языка. Новосибирск: Изд-во «Новосибирский университет», 1971. 181 с.
17. Mogen D. Ray Bradbury / David Mogen. Boston: Twayne, 1986. 186 p.
18. Steen G.J. The Paradox of Metaphor: Why we need a three-dimensional model of metaphor [Электронный ресурс] // *Metaphor and Symbol*, 2008, 23 (4), p.213-241. URL: http://vunl.academia.edu/GerardSteen/Papers/172160/The_paradox_of_metaphor, свободный (дата обращения: 18.11.2018).
19. Steen G.J., Dorst A.G., Herrmann J.B., Kaal A.A., Krennmayr T. Metaphor in usage // *Cognitive Linguistics* 21–4 (2010). P. 757–788
20. Steen G. The Language of Knowledge Management: A Linguistic Approach to Metaphor Analysis. In *Systems Research and Behavioral Science Syst. Res* [Электронный ресурс]. 28, 181-188 (2011). URL: http://www.maraserrano.com/MS/articulos/mt_58569113.pdf. (дата обращения: 01.11.2018).
21. Bradbury Ray. *Dandelion Wine* // Брэдбери Рэй. Вино из одуванчиков: книга для чтения на английском языке (Modern Prose). М.: Инфра-М, 2012. 288 с.

References

1. Arnol'd I.V. *Stilistika. Sovremenniy angliiskiy yazyk* [Stylistics. Modern English]. Moscow, Flinta, Nauka, 2002, 384 p. (In Russ.).
2. Arutyunova N.D. *Metafora i diskurs* [Metaphor and discourse]. *Teoriya metafori*. Moscow, Progress, 1990. 512 p. (In Russ.).
3. *Bol'shoi tolkoviy slovar' russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of the Russian language]. S.A. Kuznetsov, Saint Petersburg, Norint, 2004, 1534 p. (In Russ.).
4. Bredberi R. *Vino iz oduvanchikov* [Dandelion wine]. Ray Bradbury. *Dandelion Wine*. 2013. (In Russ.). Available at: [hppt: www.litres.ru](http://www.litres.ru). (accessed: iyun'-iyul' 2022)
5. Dzyuba E.V. O vidakh i strukture kategorii [About the types and structure of categories]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova*. Nizhnii Novgorod, FGBOU VPO «NGLU», 2012, pp. 20-33. (In Russ.).
6. Komissarov V.N. *Slovo o perevode* [A word about translation]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya, 1973, 215 p. (In Russ.).
7. Kondakov N.I. *Logika* [Logics]. Moscow, Uchpedgiz, 1954, 512 p. (In Russ.).
8. Lebedeva L.A. *Ustoichivye sravneniya russkogo yazyka vo frazeologii i frazeografii* [Stable comparisons of the Russian language in phraseology and phraseography]. Krasnodar, Izd-vo «Kubanskii gosudarstvennyi universitet», 1999, 160 p. (In Russ.).
9. Litvinova V.V. *Individual'no-avtorskie kontsepty v strukture khudozhestvennogo mira Reya Bredberi* [Individual-author's concepts in the structure of Ray Bradbury's artistic world]. PhD dissertation abstract. Krasnodar, 2009. 13 p. (In Russ.).
10. Ogol'tsev V.M. *Ustoichivye sravneniya v sisteme russkoi frazeologii* [Stable Comparisons in the System of Russian Phraseology]. Leningrad, Izd-vo «Leningradskii universitet», 1978, 159 p. (In Russ.).
11. Osipov A.N. *Fantastika ot «A» do «Ya»*. *Kratkii entsiklopedicheskii spravochnik* [Fantasy from A to Z. Concise Encyclopedic Reference]. Moscow, Dograf, 1999, 351 p. (In Russ.).
12. Reformatskii A.A. *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to Linguistics]. Moscow, Aspekt Press, 1996, 536 p. (In Russ.).
13. Tomashevskii B.V. *Stilistika* [Stylistics]. Leningrad, Izd-vo «Leningradskii gosudarstvennyi universitet», 1983, 288 p. (In Russ.).

14. Toper P.M. *Perevod v sisteme sravnitel'nogo literaturovedeniya* [Translation in the system of comparative literature]. Moscow, Nasledie, 2000, 254 p. (In Russ.).
15. Fedorov A.V. *Osnovy obshchei teorii perevoda (lingvisticheskie problemy)* [Fundamentals of the General Theory of Translation (Linguistic Problems)]. Moscow, Vysshaya shkola, 1983, 303 p. (In Russ.).
16. Cheremisina M.I. *Nekotorye voprosy sintaksisa. Sravnitel'nye konstruksii sovremennogo russkogo yazyka* [Some syntax questions. Comparative constructions of the modern Russian language]. Novosibirsk, Izd-vo «Novosibirskii universitet», 1971, 181 p. (In Russ.).
17. Mogen D. *Ray Bradbury / David Mogen*. Boston: Twayne, 1986. 186 p.
18. Steen G.J. *The Paradox of Metaphor: Why we need a three-dimensional model of metaphor* [Электронный ресурс] // *Metaphor and Symbol*, 2008, 23 (4), p.213-241. URL: http://vunl.academia.edu/GerardSteen/Papers/172160/The_paradox_of_metaphor, свободный (дата обращения: 18.11.2018).
19. Steen G.J., Dorst A.G., Herrmann J.B., Kaal A.A., Krennmayr T. *Metaphor in usage* // *Cognitive Linguistics* 21–4 (2010). P. 757–788
20. Steen G. *The Language of Knowledge Management: A Linguistic Approach to Metaphor Analysis*. In *Systems Research and Behavioral Science Syst. Res* [Электронный ресурс]. 28, 181-188 (2011). URL: http://www.maraserrano.com/MS/articulos/mt_58569113.pdf. (дата обращения: 01.11.2018).
21. Bradbury Ray. *Dandelion Wine* [Bradbury Ray. *Dandelion Wine*]. *Bredberi Rei. Vino iz oduvanchikov: kniga dlya chteniya na angliiskom yazyke (Modern Prose)*. Moscow, Infra-M, 2012, 288 p. (In Russ.).

Информация об авторе

*Л.Г. Лапина – кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики и перевода, доцент кафедры лингводидактики,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.*

Information about the author

*LG. Lapina – Ph.D. (Philology), Associate Professor of the Department for Linguistics and Translation, Associate Professor of the Department for Linguodidactics,
Perm State University.*

Статья поступила в редакцию 29.07.2022; одобрена после рецензирования 16.07.2022; принята к публикации 25.08.2022.

The article was submitted 29.07.2022; approved after reviewing 16.07.2022; accepted for publication 25.08.2022.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	7
Бурдин Е.С. РАЗРЕШЕНИЕ ВОПРОСА О КОРЕЙСКОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКО-КОРЕЙСКИХ СОГЛАШЕНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА	7
Белхароев Х.У. О ЛИЧНОСТИ И РЕЛИГИОЗНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУФИЙСКОГО АВЛИЯ (ШЕЙХА) ВАЛИЙЮЛЛАХА БАТАЛ-ХАДЖИ БЕЛХАРОВЕВА: КОММЕНТАРИИ К НАУЧНЫМ СТАТЬЯМ Э.В. КАЗИЕВА (РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ИСТОЧНИКАМИ И ИСТОРИОГРАФИЕЙ)	15
Моряхина К.В. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ (НА ОСНОВЕ ПУБЛИКАЦИЙ МАТЕРИАЛОВ ОТДЕЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ)	29
ФИЛОЛОГИЯ	46
Аверина А.В. МОДАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФОРМЫ БУДУЩЕГО ПРОСТОГО ВРЕМЕНИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ВАРИАНТЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ.....	43
Крижановская Е.М. РИТОРИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КАК ПРИЁМЫ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТАХ УЧАСТНИКОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ФЕЙСБУК».....	52
Бурдин И.В., Кондаков Б.В. КОНЦЕПТ «ЧАЙ» В ПОВЕСТИ В.А. ГИЛЯРОВСКОГО «ТРУЩОБНЫЕ ЛЮДИ».....	63
Пересторонина И.Л. ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ПЕРИФРАЗЫ С КОМПОНЕНТОМ «БЕЛЫЙ»	72
Чжан Юаньюань, Кондаков Б.В. ТРАКТАТ “ДАО ДЭ ЦЗИН”: ЖАНРОВЫЙ КОНТЕКСТ	81
Ерофеева Т.И. ПРОСТОРЕЧНЫЕ НАРЕЧИЯ, МЕСТОИМЕНЕНИЯ И ЧАСТИЦЫ В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ПЕРМСКОГО РЕГИОНА: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ....	93
Лапина Л.Г. ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СИСТЕМЫ ОБРАЗНЫХ СРАВНЕНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ РЭЯ БРЭДБЕРИ «ВИНО ИЗ ОДУВАНЧИКОВ»).....	107

CONTENTS

HISTORY	7
Burdin E.S. RESOLUTION OF THE ISSUE OF KOREAN MIGRATION IN THE RUSSIAN-KOREAN AGREEMENTS OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY	8
Belkharoev K.U. ABOUT THE PERSONALITY AND RELIGIOUS ACTIVITY OF THE SUFI AWLIYA (SHEIKH) VALIYULLAH BATAL-HAJI BELKHAROEV: COMMENTS ON SCIENTIFIC ARTICLES BY E.V. KAZIEV (REFLECTIONS ON SOURCES AND HISTORIOGRAPHY)	16
Moryakhina K.V. HISTORY OF THE STUDY OF THE MEDIEVAL FUNERAL RITE IN THE PERM CIS-URAL REGION (BASED ON THE PUBLICATIONS OF THE MATERIALS OF INDIVIDUAL MONUMENTS)	30
PHILOLOGY	46
Averina A.V. MODAL POTENTIAL OF THE FORM OF THE FUTURE SIMPLE TENSE IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND VARIANTS OF ITS IMPLEMENTATION IN THE GERMAN LANGUAGE	44
Krizhanovskaya E.M. RHETORICAL MEANS AS METHODS OF MANIPULATIVE INFLUENCE IN INTERNET TEXTS BY POLITICAL COMMUNITIES PARTICIPANTS OF SOCIAL NETWORK «FACEBOOK»	53
Burdin I.V., Kondakov B.V. CONCEPT "TEA" IN "THE STORIES OF THE SLUMS" BY V.A. GILYAROVKY	63
Perestoronina I.L. PERIPHRASTIC NAMES OF TOPONYMS WITH COMPONENTS "WHITE"	73
Zhang Yuanyuan, Kondakov B.V. THE TREATISE "TAO TE CHING": GENRE CONTEXT	81
Erofeeva T.I. VERNACULAR ADVERBS, PRONOUNS AND PARTICLES IN THE SPEECH OF NATIVE SPEAKERS OF THE LITERARY LANGUAGE OF THE PERM REGION: SEMANTIC ANALYSIS	93
Lapina L.G. TRANSLATION ANALYSIS OF THE SIMILES SYSTEM IN FICTIONAL TEXT (USING RAY BRADBURY'S DANDELION WINE)	108

Электронное издание

**ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.
ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ**

Электронный научный рецензируемый журнал

2022. № 8

Ответственный редактор выпуска
Шустова Светлана Викторовна

Ответственный секретарь выпуска
Мазурова Елена Викторовна

Издается в авторской редакции.

*Авторы несут полную ответственность за достоверность приводимых сведений,
цитирования и использованных иллюстративных материалов.*

Компьютерная вёрстка выполнена
внештатным сотрудником
Л.Н. Голубцовой

Дата размещения на сайте 15.12.2022.

Адрес издателя: 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь, ул. Пушкина, д. 44, оф. 115
тел. (342) 215–18–52 (доб. 394)
e-mail: rio@pspu.ru